

Андрей Белянини

ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ

Двенадцать невест у царя Гороха.
Одиннадцать... Десять... Девять...

Annotation

Как ни надеялся новоиспеченный лейтенант милиции, заслуженный сыскной воевода Никита Иванович Ивашов спокойно перезимовать зиму в Лукошкине – увы! Новые дела посыпались как из рога изобилия. Одновременно две кражи и – страшно подумать – «мокрое» дело! Но долго унывать нашему герою не приходится. На помощь ему спешат бессменный эксперт-криминалист Баба Яга и младший сотрудник следственного отдела Дмитрий Лобов. А уж они-то знают, что у них в Лукошкине все по-другому. И если в Европе принцы и королевичи съезжаются ко двору прекрасной принцессы, то здесь наоборот – двенадцать девиц благородного происхождения едут на санях, зимой, только для того, чтобы самодержец выбрал себе невесту! И ничего удивительного, если за руку и сердце царя Гороха невесты пойдут на преступление! Итак, следствие начинается...

- [Андрей Белянин](#)
    -
    - [Лукошкинский «Мір»: утопия или смешно?](#)
-

Андрей Белянин

Отстрел невест

...Зима в Лукошкине. Митька, в белом тулупчике и валенках, с деревянной лопатой наперевес стоит на защите наших ворот. Стрельцы Еремеева выстроились полукругом за моей спиной, все молчат, лица напряженные, глаза горят, и только белые клубы пара оседают дрожащими капельками на русых бородах. Я медленно, с расстановкой касаюсь проверенной клюкой нечищеного кругляка из березового полена...

– Готов?

– Как есть готов, батюшка сыскной воевода! – подтвердил Митя, пошире расставляя ноги.

Я картинно размахнулся и ударил с разворота.

– Угол! Угол держи! – сорвался кто-то из стрельцов. Поздно... Берёзовая шайба, серой снежинкой свистнув в воздухе, угодила нашему младшему сотруднику прямо в лоб. Тот только чихнул, а бедный кругляш, от столкновения с ещё более твёрдой поверхностью, разлетелся на две половинки.

– Никитушка! – На пороге нашего терема показалась Яга, плотно укутанная в серый пушистый платок. – Ну скока можно на морозе палками махать?! Не ровён час, простудишься, сердешный...

– Всё нормально, бабуль! – нетерпеливо отмахнулся я. – Уже иду, всё равно Митька четвёртую шайбу поломал...

– И его в дом гони. Пущай делом каким займётся, а то нашёл себе забаву – ворота оборонить! Вона какая шишка на лбу-то растёт...

– Дык... я ж тренируюсь! – даже обиделся верный Митяй, и свободные от дежурства стрельцы поддержали его согласным киванием. – Не за себя боль и муки принимаю, а токмо победы командной ради...

– Это он вчера у дьяка Филимона подхватил, – пояснил я, вскидывая клюшку на плечо. – Эй, молодцы! Поработайте тут без меня по парам. Общая тренировка – после обеда, и чтоб Еремеев был!

– Слушаемся, Никита Иванович!

Я пошёл в терем. Теперь могу отдышаться и, если хотите, рассказать обо всём поподробнее. Пока Яга суетится с самоваром, у нас есть минут пять, но не больше... Бабка у меня в этом смысле строгая – пока не накормит, никаких разговоров. Начну сначала... Я – Никита Иванович

Ивашов, 19.. года рождения, бывший москвич, бывший младший лейтенант милиции. Бывший потому, что уже почти год живу в непонятно каком сказочно-параллельном мире времён царя Гороха. А ещё раз «бывший» потому, что за последнее дело, о летучем корабле, государь представил меня к повышению, и я, с его царственной воли, добавил себе на погоны ещё одну звёздочку. Не буду врать, что у меня всё так сразу распрекрасно получалось... Если бы не практическая хватка Бабы Яги, в чей терем меня и выбросило при перемещении, я бы точно сошёл с ума. Не знаю, как другие (не слишком любил фантастические романы), но лично меня, например, пришлось отпаивать от шока травяными настоями, а потом ещё и работой грузить по самую маковку, чтоб о доме не скучал. Какой работой? Нашей, милицейской, естественно. Многоэтажки возводить я не обучен, электроутюг смастерить тоже не сумею, но хорошая московская школа криминалистики заинтересовала Гороха. Тот и открыл специальным указом у нас в Лукошкине первое милицейское отделение. А я его начальник, гражданин участковый, или, по-местному, «батюшка сыскной воевода». Разместились мы всё в том же тереме Яги, он просторный, а бабке свой век одной доживать скучно. Вот она-то у нас и есть наилучший эксперт-криминалист по всем чародейным вопросам. А тот здоровяк, что на воротах стоял, это Дмитрий Лобов. Он при отделении... ну на все руки! И вышибала, и филёр, и связной, и дворник, и охранник, а уж в смысле ареста государевых преступников – один всего столичного ОМОНа стоит. Делу сыска предан безоглядно! И быть бы ему со временем генералом, если бы не один маленький недостаток – когда мозги раздавали, Митя в очереди последним стоял... Учим мы его, учим, как об стену горох! Я его даже увольнять пару раз пытался, рука не поднялась... Всё-таки наш человек, милицейский.

После трёх особенно громких расследований государь наконец созрел – и сотня стрелецкая под командованием Фомы Еремеева теперь «сыскной» именуется. У всех ребят шевроны на рукавах появились, почти как у меня, с трёхцветным флагом. Конюшню расширили, теперь при отделении уже целых шесть лошадей, а значит, есть маленький конный отряд быстрого реагирования. Жалованье платится вовремя, плюс пайковые, да и тулупчики белые новенькие мне на всё отделение из казны под расписку выдали. Сволочной бабкин петух, который в тёплое время года будил меня в четыре утра, заперт в курятнике. Отбывает зимний срок, орать орёт, но уже не так слышно.

В целом, надо признать, пока жаловаться грех. Тем паче что преступность с холодами резко падает, и в основном почти половину

декабря мы предавались вынужденному безделью. Что и подвигнуло меня на «новые подвиги». Как говорится, не было печали... Я придумал... хоккей! Стрельцы приняли идею на ура, и за какую-то пару недель мы посадили на это дело весь город.

– Никитушка, откуль ты тока взял забаву энту басурманскую? – беззлобно ворчала бабка, пока я наворачивал щи со сметками. С ответом можно было подождать: во-первых, Яге он не очень и требовался, а во-вторых, щи очень уж вкусные... – Вчерась слышала, будто бы кузнецы супротив кожевенников играли, да не выиграла. На два раза больше им по воротам насовали. Но уж апосля, за площадью, молотобойцы своё и возвернули! Да клюками твоими мудрёными так кожевенную улицу отходили, что стрельцов пришлось звать!

– Ере...меев ток...ла...тыфал! – старательно чавкая, подтвердил я.

– Да ты, молодец, ешь, не отвлекайся. Вона и каша ещё дожидается...

– Н...не могу. Спасибо, бабуль, но не могу. По расписанию через полчаса тренировка, как же я с набитым пузом Митьку гонять буду?

– Пожалел бы мальчонку... – укоризненно покачала головой Яга, но спорить не стала, взялась за самовар. – Нешто можно ему вечно на воротах стоять? Измёрзнет весь, да и, того гляди, шайбой твоей опять по лбу огребёт.

– Пробовал я его на поле выпускать... Это всё равно что ядром пушечным в магазин богемского стекла запустить – от него стрельцы во все стороны как кегли посыпались! Троицким потом примочки класть пришлось... Нет, пусть голкипером работает, и он никого не убьёт, и ворот за его спиной почти не видно.

– Всё одно не разберу, – видимо, бабке тоже было нечем заняться, обычно она по два раза не переспрашивает, – чего ж за-ради десятков здоровых мужиков по льду гольному топотнёй бегают да клюками гнутыми по чурбачонку безвинному бьют? Добро бы друг дружку по горбу гвоздили, тогда хоть ясно, чья взяла... Где ж тут удаль молодецкая, где ж лихость да силушку народу показать?

– Бабуля! – медленно и строго напомнил я. – Вы прекращайте мне в команде подрывные разговоры вести. Думаете, я не знаю, кто Митьке подсказал, что в воротах не шайбу ловить надо, а нападающих противника лопатой отгонять?!

– Да не я это, Никитушка! – чересчур праведно замахала руками Яга.

Другой бы поверил, но я ведь её не первый день знаю...

– Не вы, значит... а у шорника Егорова теперь двух зубов нет! Это как?

– А неча ему, невеже, в наши ворота с клюкой переть! – запальчиво

вскинулась бабка, но под моим осуждающим взглядом осеклась. Молча сунула мне чашку с чаем и, пододвинув мёд, села в уголочке, обиженно теребя уголок головного платка. В дверь постучали.

– Войдите.

– Здоровы будьте, хозяева! – Из сеней, отряхивая с шапки снег, в горницу вошёл сотник Еремеев. Человек дельный и проверенный, всего по жизни добивавшийся сам, за что и был уважаем всем отделением.

– Садись к столу, Фома Силыч.

– Благодарствуем, а только некогда. Собирайся, Никита Иванович, царь тебя ко двору требует.

– Боже мой, неужели хоть там что-то произошло? – едва ли не подпрыгнув, поднялся я. Бабка тоже с надеждой вытянула шею.

– Нет, тихо всё... – добродушно хмыкнул сотник. – Поговорить ему с тобой надобно. Ты ведь о смотринах царских наслышан, чай? Да и посольство запорожское не сегодня-завтра ко двору пожалует...

– Ну а я-то при чём? Я ему не брачный консультант и не дипломатический корпус...

Ехать сразу расхотелось. Однако хитрый Фома заговорщицки подмигнул и весомо добавил:

– А также хочет государь с тобой об одном дельце покалякать. Вроде бы кубок у него с червонцами лишний... Понял ли?

– Бабуль! – взмолился я, сразу всё поняв. – Проведите тренировку за меня, а? Мне к царю по делу, срочно!

– Охти ж мне с тобой, Никитушка... – нарочито медленно поднялась старая ворчунья. – И спина-то болит, и колено припухло, и глазоньки уже не те, а мороз-то всё леденит без разбору! Ну да беги уж... Управлюсь как-нибудь с твоими архаровцами...

– Спасибо! – Я мигом накинул тулуп, сунул ноги в валенки и на ходу чмокнул бабку в щёку.

– Никитушка!

– А? – уже в сенях обернулся я.

– Ты уж там... не очень-то спеши. Как следует подмогни государю! Дай и мне на старости молодых парней по двору погонять. Э-эх, где мои семнадцать лет?!

* * *

Последняя фраза – не из Высоцкого, так в Лукошкине каждая вторая

пенсионерка приговаривает. Мы с Фомой ехали в санях, полозья скрипели по снегу, возница прикрикивал на кобылу, и, чтобы говорить, приходилось слегка повышать голос.

– Ключики всем достал?

– С двойным запасом плотники настругали. Да ещё шайб берёзовых немерено. А сколь команд в финал выйдут?

– Максимум три! Мы пока фавориты, следом по очкам – «Святые отцы», а уж за ними боярская дума.

– Вот уж не ждали, не чаяли... Да как же их, толстопуzych, на такое дело развезло?

– У них в команде сейчас ни одного думца и нет, набрали легионеров из кузнецкого ряда, двое из царских стрельцов и вроде рыбак один. У него, кстати, удар хороший...

– А можно так ли? Замест своей рожи другую подставлять?!

– В принципе правилами не возбраняется...

Вот так, без лишнего шума и ажиотажа, проходил первый в Лукошкине хоккейный чемпионат на кубок царя Гороха! Государю моя затея понравилась, он и сам после первого просмотра требовал себе ключку, но бояре не позволили. Должен признать, что на этот раз они были абсолютно правы – в царский терем съезжались невесты! Да-да, наш Горох наконец-то решил жениться. Довели мужика, говорят, всем государством три года упрашивали... Оно и правильно, царю нельзя слишком долго жить гражданскими браками. То есть если иногда и понемногу, но не с каждой и не... А может, он из-за своего последнего романа так решил. Это отдельная история и печальная... Я, кстати, тоже женюсь. Нет, не сейчас, когда-нибудь, но обязательно. У меня даже девушка на примете есть, Олёна! Просто её нет здесь сейчас... В общем, я-то погожу пока, но потом как-нибудь мы к этой теме вернёмся, обещаю...

До царского терема докатили быстро. Зима, дороги обледенели, если лошадь хорошо подкована, сани просто стрелой летят. А у Гороховых ворот творилось натуральное дорожно-транспортное происшествие в международных масштабах... Невесты прибывали косяком! И все с эскортом, парадным поездом, с прислугой, охраной, полевой кухней и прочими причиндалами. Чью-то карету на полозьях развернуло боком, проход перегородило намертво, кони храпят, возницы щёлкают кнутами, бардак полнейший! Народ лукошкинский хохочет, разумеется. Видишь ли, их хлебом не корми – дай послушать, как царские невесты на иностранных языках друг дружку ругают нецензурными выражениями. Наш приезд вызвал здоровое волнение, видимо, горожане дружно решили, что я сюда

явился исключительно арестовывать.

– Вяжи скверनावок, народ, пока Никита Иванович не осерчал! Будут знать, как при детях малых «состенуто кон в модэрато!» говорить! Ох, грехи наши тяжкие... Ну, ей «зи ферфлюхтер хунд!» и ответили!

– Ой, нешто так и сказали?!

– Да, а та рыжая ей вслед ещё «шалавус грециус смоковнис!» добавила!

– А, ну тогда ясное дело – под арест... Подсобить ли, батюшка сыскной воевода?

– Чего спрашиваешь?! Энтих мыр заморских вона сколько, а Никита Иваныч один, носом простуженный, чё ж ему переутруждаться-то... Навались, народ!

...Я только фуражку по самые уши натянул. Ну их! Пусть Еремеев сам тут разбирается, меня у Гороха ждут. Летом этих деятелей и кочергой не раскочегаришь, а зимой, на морозе, только повод дай потолкаться... Пока сотник зычным голосом наводил порядок, я кое-как, бочком протиснулся под польским обозом и, перепрыгнув через длинные полозья финских санок, успешно выбрался во двор.

Царские стрельцы, спешащие растаскивать «пробку», на ходу махали мне шапками. Ребята почти все знакомые, я тоже козырял, не сбавляя шага. Им играть на днях с Гостиным двором, там три купеческих каравана выставили объединённую команду. Гости проиграют почти наверняка, у них там всё на чистом энтузиазме, а стрельцы – команда сыгранная, дисциплинированная. К тому же гвардия самого государя... Когда они нам в первый раз проиграли, Горох в запале отправил хоккеистов на конюшню и в батога. Еле успел отбить бедолаг, пояснил царю, что в противном случае чемпионата не будет – с ним играть откажутся. Государь подумал, кивнул, заменил батога на отеческий подзатыльник каждому и махом назначил себя их же главным тренером!

Я уже поднимался на второй этаж по лестнице, когда меня перехватил думский дьяк Филимон. Он выглядел измотанным и побитым, почему и вёл себя достаточно вежливо.

– Здрав буди, сыскной воевода. А не одолжишь ли от щедрот своих времени толику, ибо вопрос жизненно важный имею.

– Здравствуйте, гражданин Груздев. Времени нет, царь ждёт, так что выкладывайте быстро.

– Заявление в милицию твою имею, – быстро заявил дьяк.

– Фискальный донос?

– А хоть бы и фискальный, ты нос-то не вороти! Чай, мои доносики в

прошлый раз за тебя всю работу сделали... Али забыл про девку чернявую, бесстыдную? – завёлся было Филимон Митрофанович, но вовремя осёкся. – Прощение нижайшее имею через городское отделение на отца Кондрата надавить примерно. Не могу я более в команде ихней быть, не могу-у!

– Вы мне в ухо не кричите, пожалуйста. И за портупею меня хватать не надо, – чуть отодвинулся я. – Ничего не понимаю, вы ведь лучший левый защитник, на вас весь синод молится!

И это истинная правда... Хоккеист из него, как из скрипача – тореро. Но! Как только дьяк, в длинной рясе, телогрейке, косо сидящем треухе, с клюкой в руках появляется на левом фланге – все команды попросту забывают про игру... Они с рёвом ловят гражданина Груздева, а тот ловко улепётывает от них под свист и улюлюканье всей толпы! Ей-богу, «Святые отцы» нам в этот промежуток две шайбы закатали, пока я хоть как-то сумел организовать ребят...

– Моченьки моей более нет, участковый... – Жалобно сморщив лицо, Филимон Митрофанович изо всех сил пытался выжать большую горячую слезу. – Каждый вечер рёбрышки болят, ноги сами уж и не ходют, на голове одни шишки, ить лёд-то не перина, а уж бьют меня... Ведь, по совести говоря, совершенно бесчестно бьют-то! Почём зря ведь! И больно так, главное...

– Ну... в игре всякое бывает, – вынужденно прокашлялся я. – Но судья следит, и на последнем матче два плотника получили по две минуты. Шмулинсон старается...

– Ах, Шмулинсон! – раненым изюбром взревел аж подпрыгнувший дьяк. – Да судья твой купленный с потрохами три раза и проданный, и снова перекупленный! Меня с ног бьют, а он не видит! Меня по льду на спине катят, а он отворачивается! Меня в ворота с шайбой в зубах затолкали, а он гол засчитывает! Иудей он и есть! И как тока еврею обрезанному православный хоккей судить дозволили?!

– Абрам Моисеевич – единственное незаинтересованное лицо, – попытался объяснить я, поспешно ретируясь задом к царским дверям. – Израильская команда в чемпионате не участвует, а судит он относительно честно...

– Относительно?! Да меня, грешного, от такого отношения каждый раз домой на руках относят, в безопасность относительную... Аспид иерихонский!

Спасительные руки царских стрельцов подхватили меня сзади под мышки и мигом утанули в кабинет государя. Горох с мрачным лицом

маршировал из угла в угол. Это не факт плохого настроения, скорее признак крайней озабоченности и неуверенности в себе.

– Вызывали?

– Приглашал, – важно поправил Горох, но тут же споткнулся о складку на ковре, едва не растянувшись на полу. – Тьфу, зараза! Ну сил моих нет... Ей-богу, сейчас кого-нибудь обезглавлю!

– Да ладно вам... – Я похлопал царя по спине, помог поправить корону на голове и едва ли не силком усадил на широкую узорчатую скамью. – Это вы из-за невест?

– А чтоб им всем! – кивнул государь. – Угораздило сболтнуть не вовремя, так бояре верные уже к вечеру гонцов во все страны отправили. Теперь едут вон... Из Франции, из Германии, из Швеции, из Италии, из Африки...

– Что?

– Вот те крест, Никита Иванович, припёрлась-таки эта Тамтамба Мумумба! – в сердцах притопнул Горох. – А наших, русских, тех вообще не считано... Едва ли не от каждого города по красе-девице послано. Рождество на носу, а у них смотрины... Ведь весь праздник мне испоганят!

– Ну, это, так сказать, проблема дипломатическая. Милицию-то зачем вызывали?

– Ох и зануда ты, сыскной воевода... Да, может, мне тут поговорить по душам не с кем? Может, мне тут... Выпить хочешь?

– Не могу, на службе, – твёрдо отказался я.

– Ну и шут с тобой, а я в одиночку тоже не буду. Хотя и надо бы с устатку безмерного... – тяжело вздохнул государь. – Так, может, вечером заглянешь, а?

– Вечерком – пожалуйста, но напиваться не буду. Сегодня до заката кузнецы с ткачами на площади играют, придёте?

– Куда мне... Посольство запорожское вот-вот прибыть должно, договора пограничные обновлять надо. Бояре мне из терема и носу высунуть не дадут...

– Понимаю. А вот насчёт...

– Да не забыл я. – Горох мотнул головой в сторону небольшого настенного шкафчика. – Вон дверку-то открой да кубок чемпионский с собой забирай. В конце недели сам вручишь, мне уж недосуг будет...

Я подошёл к шкафчику и распахнул его...

– Нравится? – не оборачиваясь, продолжал царь. – Червонное золото, с чеканкой да эмальями, венецианской работы будет. А червончики я к нему самолично подбирал, новенькие, полновесные, один к одному! Ну чего

молчишь-то, участковый?! Али от радости и речи благодарственные растерял?

...На полке было пусто. Горох встал, заглянул мне через плечо и ахнул...

* * *

– Стража-а-а-а! Все сюда! Перекрыть ходы-выходы! Хватать каждого подозрительного! Обыскивать всех подряд! Если через десять минут украденный кубок с червонцами не будет найден, я тут всем...

– Ты чего орёшь, участковый? – душевно подёргал меня за рукав царь. Я обернулся, тяжело дыша от бурных страстей и кипящих эмоций.

– Как это... чего ору?! Но ведь кубок... его же нет!

– Всё спокойно, молодцы. – Горох улыбочиво отмахнулся от ворвавшихся в кабинет стрельцов. Парни недоверчиво огляделись, извинились и вышли вон. – Ну-ка сядь, Никита Иванович...

– Погодите, но ведь...

– Сядь, я тебе говорю! И не паникёрствуй тут! А то ишь нашёл время глотку драть... Люди же кругом! Одних иностранцев полон двор, а ты шумишь не по делу...

– Так у вас же кубок украли?! – несколько овладев собой, шёпотом просветил я. Теперь уже государь почти силой усадил меня на скамью и, как ребёнку малому, всучил печатный пряник, достав его из того же шкафчика.

– Да я разве с тобой спорю? Вот вчера только сам, своими руками его сюда ставил... Может, девки горничные куда передвинули? А может, и холопы стараньями усердными подальше от глаз завидующих припрятали, а мне доложить забыли? Да и сам я мог куда ни есть сунуть, голова-то кругом идёт... Так выпьем, что ли?

Я отрицательно покачал головой. Царь философски хмыкнул и предложил:

– Ну, будь по-твоему, украли его! Ты у нас пока не при деле гуляешь, вот и бери себе заботу на загривок – ищи вора. Но только чтоб тихо всё! Меня перед иностранными державами не позорь. Не след на весь мир трубить, что царя русского в его же тереме без спросу ограблениям подвергают, уразумел?

Пару минут я просто молчал, красный как рак. Давненько меня так не стыдили... Царь был абсолютно прав. Везде, во всём, до мелочей, а я...

Нет, меня по большому счёту тоже можно понять – чемпионат же! Мне через неделю торжественно вручать победителям первых городских соревнований традиционный кубок, а он тью-тью! Свистнули, украли, стащили, спёрли, увели, приделали ноги, замотали, прикарманили, присвоили, угнали, оприходовали, стибрили, национализировали, скоммуниздили, прихватизировали... короче, нет его! И самое главное, что милицейская интуиция во весь голос вопила – это именно кража! Так получается, что, по сути, ограблен не только царь, но и... я?!

В дверь постучали, кто-то из бояр спешил доложить о прибытии ко двору запорожских послов.

– Всё, пора мне, Никита Иванович, – хлопнул себя руками по коленям царь Горох, – следствие веди по собственному усмотрению, мне доклад каждый вечер представлять будешь. И чтоб ни одна живая душа на моём подворье о кубке похищенном знать не знала! Не ровён час, бояре опять альтернативное расследование затеют...

– Договорились. – Я встал, козырнул и направился к дверям. – Вы только... извините меня за глупую вспышку. Ребячество какое-то, сам от себя не ожидал...

– Прощаю, – важно кивнул государь. – Ну, трудись. Бог тебе в помощь, участковый.

Во двор я вылетел пулей. Успешно проталкиваясь сквозь разношёрстную толпу, меж чьих-то послов, кучеров, охранников, я так торопился, что даже едва не сбил высокорослую австрийскую принцессу. Влетел лбом прямо в её впечатляющее декольте и наверняка бы упал, если б не был подхвачен старым знакомцем Кнутом Гамсуновичем. Посол немецкого государя Фридриха заботливо придержал меня под локоток:

– Рад вас видеть, господин участковый! Надеюсь, дела лукошкинской милиции в полном порядке?

– Да, спасибо.

– Тогда позвольте представить вас фройляйн Лидии Адольфине Карпоффгаузен, – церемонно поклонился немец. – Битте, фройляйн, это есть начальник здешней полиции, герр Ивашов!

Австриячка вытянулась во фронт, по-гусарски щёлкнув каблуками, и сунула мне руку под нос с такой отработанной грацией, что я едва избежал повторного удара.

– А... очень приятно. – Мне удалось изобразить на лице дружбу двух сверхдержав и аккуратно пожать требующие поцелуя пальчики.

– Ви... есть... скрёмний рюсский... рейхсканцлер, я? – скосив глаза в карманный словарь, уточнила царская невеста.

– Я? – не понял я (простите за тавтологию).

– Я, я... – хихикнул Кнут Гамсунович. – Герр Ивашов – лицо, приближённое к государю, и его влияние при царском дворе ни у кого не вызывает сомнений.

Практикующаяся в языке гостя на этот раз долго сверялась с книжкой и, наконец проникнувшись, повернулась ко мне:

– Будем... дружить!

Это было сказано со значимостью двухстороннего вердикта.

– Ауф видерзейн, фройляйн. По-моему, вас ожидает Алекс Борр. Спешите, не стоит обострять отношения.

– Яволь! – Австриячка по-военному развернулась на каблуках и споро отбыла. Я кое-как выдохнул...

– Позвольте проводить вас, господин участковый?

– Буду рад компании, господин посол.

Шпицрутенберг, несмотря на вполне оправданную фамилию, был очень неплохим немцем и дипломатом со стажем. В памятном деле о Чёрной Мессе он проявил себя с лучшей стороны. Ну, может быть, чрезмерно педантичным и ничего не принимающим на веру типом, но умеющим признавать ошибки и активно добиваться их исправления. У нас сложились вполне товарищеские отношения, в особенности после того как сборная Немецкой слободы дважды едва не вырвалась в финал.

– Если бы наш вратарь не сломал себе ногу... Поверьте, Никита Иванович, «Святые отцы» ни за что бы не обошли нас на третьем круге!

– Да, приличную замену вашему повару на льду сразу не сыщешь... Как он?

– Лекарь сказал – не меньше двух недель постельного режима, – печально хлюпнул красным от мороза носом сухопарый немец. – А ваши стрельцы по-прежнему фавориты?

– Мм... шансы у ребят значительные...

– Я слышал, царь намеревался учредить свой кубок в награду.

– Откуда слышали? – как можно безразличней уточнил я.

– Кажется, кто-то из боярской думы громко рассуждал на тему непозволительных трат из государственной казны. А что, это важно для следствия?

– Нет. Ни капли... Совершенно не важно! Для какого ещё следствия? – невпопад заметался я.

Опытный работник дипломатической миссии ровно пожал плечами и вежливо переключился на другое:

– Неужели вон те крикливо одетые люди и есть знаменитые

запорожцы? В просвещённой Европе такую моду сочли бы вульгарной...

– Казаки... – неопределённо протянул я. – По мнению историографов, их костюм складывался из вещей, добытых в набегах. Штаны – от турок, пиджаки – от венгров, шапки с цветным верхом – от поляков.

– Дикий народ... Но, говорят, необузданность нрава сочетается у них с истовой религиозностью, а ярость в бою – со щедростью души?

Я молча кивнул. Лично мне запорожская кавалькада очень даже нравилась. Их было человек тридцать, все на хороших лошадях, при полном параде, длинноусые, с кривыми саблями и картинно изогнутыми трубками. Впереди ехал совсем молоденький парень с бунчуком, а за ним дородный горбоносый казачина, одетый богаче всех. Его пшеничные усы спускались ниже подбородка, папаха с лиловым хвостом подпрыгивала на бритой макушке, а голубые глаза искрились чисто детским интересом. На секунду его цепкий взгляд задержался на моей фуражке, он что-то бросил на украинском, и вся делегация залилась рокошующим гоготом.

– Майн готт, неужели этот варвар позволяет себе насмешки над милицией?! – удивлённо вскинул брови Кнут Гамсунович. Я сплюнул под ноги и отправился в отделение, у меня были срочные дела...

* * *

– Ахти ж нам, Никитушка, да что ж ты такое говоришь-то! – причитала Яга, бегая по горнице из угла в угол. Мы с чёрным котом Василием сидели на скамейке, поджав ноги, попадаться под горячую руку никому не улыбалось. – Это ж какое беззаконие бесстыжее наяву деется?! Это ж не Гороха, не тебя, сокола участкового, это ж лиходеи весь город одним махом осиротили! Ох, не видать вредителям хоккейным суда правого, царского... Ить я ж за такое дело сама рукавчики позасучиваю да с клюкой наперевес пойду... И не стой на пути у бабушки-и!

Сунувшийся было в двери Митька, правильно оценив ситуацию, мгновенно дал задний ход, оставив после себя лишь облачко морозного пару.

– От ужо поверь мне, старой, это всё конкуренты твои устроили... Финалисты, чтоб им! Загодя кубок чемпионатский с червонцами царскими к себе оприходили, чтоб команда наша милицейская и при победе с носом осталась! А ну-козь напомни мне, Никитушка, кто у нас в этом деле персона самая заинтересованная?

– «Святые отцы», – тихо, по-подлому, предал я.

– Отец Кондрат, стало быть... – мстительно сощурилась бабка. – Пиши ему повестку, Никитушка! Сей же час пиши, а я сама и отнесу... И попрошу вежливо... и провожусь, ежели что...

– Сопровожу, – машинально поправил я.

– Повестку пиши, Никитка, кому говорят?!

Мы переглянулись с котом. Василий неуверенно перекрестился правой передней лапой и, зажмурив глаза, дунул через всю горницу, по лестнице вверх, старательно сбив по пути ухват, пару горшков, табурет и плетёную корзину с вязаньем. Яга ахнула, обомлела и... осела на скамью, держась за сердце. Я приободрился – гроза прошла стороной, можно продолжать нормальную работу отделения. Как лицу начальственному мне разрешалось думать вслух.

– Итак, что мы, в сущности, имеем? В позитиве – практически ничего, а вот в негативе сразу два взаимоисключающих фактора – кражу и невозможность её официального расследования. Царский терем битком набит невестами, послами и шпионами (в принципе все три понятия взаимозаменяемы), следовательно, проводить розыск в привычной для милиции методе мы не имеем возможности. Бояре сожрут нас с сапогами, если мы только сунемся со своими расспросами в эту предпраздничную бучу. Даже сам Горох предпочёл бы даровать чемпионату новый кубок, а не подвергать огласке кражу прежнего. По сути, его требования вполне логичны, ибо иностранцы прибывают уже третий день и исключать их из числа подозреваемых просто глупо. Однако на кону опять-таки пресловутая честь милицейского мундира! Вопрос в том, как перепрыгнуть через голову и отыскать похищенный кубок за... кажется, неполные шесть дней, так? Ну, плюс-минус ещё два, если удастся потянуть с чемпионатом... Причём не поднимая ни малейшего шума ни в царском тереме, ни среди горожан. Дело на первый взгляд неброское... А вот теперь мне бы хотелось услышать точку зрения нашего эксперта-криминалиста. Вам слово, бабуля!

– Чёй-то... не в себе я, Никитушка... – осторожно протянула Яга. Бабке явно было стыдно за содеянное, хотя пострадать толком никто не успел. – Ты бы валерьяночки мне в чаёк накапал, а?

– Может, покрепче чего?

– Не, я при исполнении, – вскинула нос моя домохозяйка.

Где стоит глиняная баночка с валерианой, мне было известно, только вчера едва оттащил от неё упирающегося и пьяного в дюндель Василия. Кот давно прикладывался тайком, и хорошо, что я её всё-таки перепрятал. Плеснув валерианы в душистый липовый чай, Яга сделала два долгих глотка и, полуприкрыв глаза, откинулась спиной к тёплой печке.

– Извинений от меня не жди, участковый... Сама понимаю – не в себе была, а только правота моя в этом деле налицо! Шум да гам поднимать не будем, возьмёмся за расследование с тщанием превеликим... Версию же мою насчёт конкурентов со всех сторон просмотреть бы стоило пообстоятельнее!

– Хм... рациональное зерно здесь есть, – не стал спорить я, – однако для полного освещения картины не хотели бы вы прогуляться к месту преступления?

– А и съезжу-ка я, старая... – почти сразу же согласилась бабка. – До матча не обернусь, поди... Ну дак вроде игра нонче не особо интересная будет?

– Команды ниже среднего. (Это правда: кузнецы с ткачами отличаются скорее силой рук, а вот на льду стоят с чисто коровьей грацией.) Вы там посмотрите у Гороха, без лишних свидетелей, как, где, почему... Не думаю, что в краже замешана магия, но проверить всё-таки не мешает... Митька-а!

– Слушаюсь, воевода-батюшка! – тут же донеслось из сеней.

Я подождал, он, видимо, тоже...

– Митя, – чуть строже, с нажимом повторил я.

– Дак тут я весь! – охотно подтвердил наш младший сотрудник. – Как есть готов к исполнению на благо родного отделения и святого Отечества!

Я недоумённо взглянул на Бабу Ягу. Старуха засмушалась и сама открыла двери:

– Митенька, да ты не бойся, касатик, не трону я тебя... Вот ведь дура неразумная, вконец запугала мальчонку! Ну, иди, иди сюда, не заставляй участкового в третий раз голос повышать.

Паренёк вошёл по частям, то есть сначала появилась голова, торопливо оглядев окрестности и подмигнув мне в знак радости видеть живым. Потом плечи и руки, ноги вошли последними. Собрав себя в одно молодцеватое целое, Дмитрий Лобов залихватски козырнул и выкатил грудь, ожидая начальственных указаний.

– К пустой голове руку не прикладывают, – дежурно напомнил я. – Отвезёшь бабулю к царю, она должна проверить... В общем, проконсультировать государя по некоторым личным вопросам. Дождёшься её во дворе и тем же порядком доставишь обратно. Да, в сани сена побольше положи и ковёр какой-нибудь...

– Уразумел. Не извольте беспокоиться, доставим как по маслицу, с ветерком!

– Митя, с каким ветерком? Зима на улице. Мороз в двадцать градусов!

– Виноват! – тут же покаялся он, подумал и уточнил: – А пока Бабушка

Яга беседы с разговорами вести будет, мне-то чем там заняться?

– Да ничем... – пожал плечами я. – Походи туда-сюда, погрейся, невест царских посмотри, себя покажи. Ты же не на службе, а так... мелкое порученьице.

Боже, если бы я тогда знал, КАК он его выполнит!.. Пока Яга собиралась, укутываясь так, что хоть на полюс без собачьей упряжки, доблестный Митя организовал стрельцов на запряжение кобылы в сани. Я всё планировал установить на дугу мигалку или хоть сирену на худой конец, но всё руки не доходили... Зато местные умельцы вывели на оглоблях большими буквами «МИЛИЦИЯ», щедро оформив текст жгучей хохломской росписью. Горело так, что за десять шагов глазам больно! Бабуля помахала на прощание, Митяй подобрал вожжи, свистнул, гикнул, и кобылка пошла бодрой рысцой.

Я вернулся в терем, налил себе чаю. Двое молодцов отправились на поиски Еремеева, а пока его нет, можно было не торопясь рассмотреть сложившуюся ситуацию. В принципе это дело разворачивалось не особенно ярко, поначалу я даже думал, что всё само утрясётся, но... Короче, Фома заявился примерно через полчаса, а основные проблемы начались почти сразу же после его прихода. По крайней мере в то же время, но не у нас, а в царском тереме...

* * *

– Фома, сядь! Сядь, Христа ради! Фома, ты же не ребёнок, не вынуждай меня на крайние меры...

– Да кто посмел, мать их с первачом да калачом, всей ярмаркой да под трёхрядку! Какая ж стервозина облепиховая, чтоб ей качалом по сусалам, с размаху да без промаху! Я ить всю сотню под ружьё подниму, не помилую, у меня тут всякой поверх хлебала так вразнос напотчуеться, что к вечеру пять кубков с червонцами доставлены будут! Эй, ребятушки...

Я затыкал его силой. Другого выхода не было, история неумолимо двигалась по спирали, а если бы я ещё и Митьке рассказал... Помнится, Груздев с Псуровым весь город в подозреваемые записывали, так наш бугай и всё Лукошкино «заарестовать» не постесняется. Еремеев успокоился минут через десять, к возвращению Яги мы уже обсудили все основные моменты и договорились относительно планов совместных действий.

– Предупреди только самых опытных и неболтливых. Если в городе узнают о краже чемпионского кубка – на следствии можно ставить крест!

Даже наша бабуля потребовала тут же взяться за финалистов. Так у нас здесь все команды передерутся на фиг... Благо клюшек у людей настругано – будь здоров! Так что имей в виду: всё расследование проводить в рамках жесточайшей секретности.

Фома понимающе покивал, что-то прикинул, глядя в потолок, и, пожав мне руку, отправился по делам службы. Я вышел было его проводить, и тут... Ей-богу, мы оба просто остолбенели на пороге – прямо через распахнутые стрельцами ворота с уханьем и скрипом влетели расписные милицейские сани, из которых к крылечку практически вывалилась пьяная в дрезину Яга! Такого я не видал ни-ког-да! Судя по отвисшей бороде Еремеева – он тоже... Мрачная, по причине полнейшей трезвости, морда Митьки только усиливала контраст. В ответ на мой изумлённый взгляд он хлопнул шапкой об колено и с горькой обидой объяснил:

– Царь-государь потчевать изволили! Шампанью франкскую на двоих распили. Самодержец сказал, кисло-де, а бабуля наша вдруг да и распробовала!

– А тебе почему не наливали? – с убийственной глупостью ляпнул я.

– Дык ить и я о том же! – едва не заревел наш умник. – Не уважают при дворе царском оперативных работников младшего звена... Я на морозе почитай не меньше часа вживую мёрз, девицам заморским да люду приезжему задарма советы добрые раздавал – и что?! Принесли двое бояр эксперта нашего, прямиком в руки швырнули, а сами бежать! Вот хоть бы рюмочку водки с таких трудов великих, так нет... И не пьянства же ради, а токмо для профилактики простудно-лёгочных заболеваний!

– М...митька, – опомнился я, подхватывая наконец бабку, – ты мне тут зубы не заговаривай. Ставь кобылу на место и марш в дом греться. А мы с Фомой... Да помощи же!

Еремеев захлопнул рот и вовремя подхватил бабку слева. Вдвоём мы подняли на треть уже лежащую в сугробе Ягу.

– Ми...ни...ки...ки...туш... – любовно проблеяла она, старательно пытаюсь одарить меня материнским поцелуем. – Дык... уж не трясись... м-ня, старую... Ить тока... чу-чу-чутошку и... и п...пригубила, но! В интересах следствия... Т-с-с-с!!!

– О нет! – сжал я зубы: повторялась Митькина версия, но в авторском исполнении нашей заслуженной домохозяйки. Мы занесли старушку в дом, сняли с неё валенки и шубейку, в остальном просто сгрузив её на большой топчан в бабкиной комнате. Фома накрыл сопящую труженицу тяжёлым лоскутным одеялом, а я осторожно прикрыл дверь. Судя по стойкому аромату настоящих французских вин, Яга будет спать долго... Еремеев

тихохонько выперся из горницы, оставляя меня один на один со всеми проблемами. Что же, интересно, такого сверхважного сумела выяснить наша бабуля из того, чего не смог заметить я?.. Может быть, опять замешана магия? В их мире такие волшебные штучки – самое обычное дело. Привыкнуть к этому невозможно, мириться с этим трудно, бороться бессмысленно, но как-то сосуществовать необходимо. Мельком глянув на часы, я отметил, что до начала хоккейного матча остаётся не более десяти минут. В принципе моё присутствие на площади уже не требовалось: народ давно вызубрил правила, а из Шмулинсона действительно вышел толковый судья. Вроде бы можно и не ходить, но хотелось развеяться...

– Митька!

– Туточки, Никита Иванович! – мгновенно отозвались из сеней. – Где, какую службу опасную справить требуется?

– Никакой службы, – отрезал я, когда парень высунул голову в ожидании начальственных указаний. – Наоборот, за то, что справился с заданием, решено отметить тебя внеочередным поощрением. Хочешь со мной на хоккей?

Ответить он не успел. Только расплылся в счастливой детской улыбке от уха до уха, едва не пуская слюну, как со двора истерично донеслось:

– Казаки! Ка-за-ки-и-и!

Я непонимающе изогнул правую бровь.

– Ворота запирай! Заряжай пиццали! Где Еремеев?! Навались, молодцы! Участкового, участкового зови!

В сени ворвался бледный стрелец с саблей наголо, безуспешно пытающийся совладать с языком:

– А... уж ты... ты... та-а-м...

– Кто это, Митя?

– Федька Заикин! На прошлой неделе из царского гарнизона в наше подразделение переведён.

– Та...ам ка...ка...за... ка...заки!

– И что, он всегда так?

– Не-а, тока ежели волнуется страшно. Ну, спросонья ещё или темноты боится, а так... ничего.

– Ка...ка...заки, гов...гов...ворю же, т...т...там!

– И это «ничего»?!

– Ну разве когда ещё сказать чего хочет... – явно заступаясь за бедолагу, успокоил Митяй. Я махнул на них рукой и пошёл разбираться. По двору перепуганными курами бегали храбрые еремеевские стрельцы. Дымились фитили у пиццалей, матово сверкали клинки и бердыши, кто-то

торопливо крестился, и большинство, кажется, уже было настроено на героическую кончину. При виде меня молодцы воспрянули, но на улицу не пустили:

– Охолонись, сыскной воевода, нельзя туда!

– Почему?

– Казаки там... – с благоговейным ужасом выдохнули стрельцы. – Уж ты не ходи, отец родной, мы за отделение все костями поляжем, а не пропустим!

– Минуточку, я что-то...

– Не ходи, участковый! Забор надёжный, ворота тесовые, глядишь, до подхода Фомы Силыча и отмашемся...

Нет, ну маразм полнейший! Можно подумать, у нас в Лукошкине гражданская война перед Новым годом загромыхала...

Тем не менее, пока я дотопал до калитки, верный Митя резво взлетел на заскрипевший забор и, рухнув с него, завопил в голос:

– Не ходите, Никита Иванович! Там и взаправду страсть великая!

Обозвав сквозь зубы всех подряд паникёрами, я поправил фуражку и полез на ворота. Мать честная-а... Вся площадь перед отделением была заполнена всадниками. Площадь, кстати, махонькая, но человек двадцать конных на ней умещалось без проблем. Запорожцы налетели при полном вооружении – топорщились пики, сверкали изогнутые сабли, лошади били копытами... Сменный десяток стрельцов, выставив над воротами дула пищалей, готовился к недолгой, но славной обороне. Ситуация более чем напрягала... Слишком уж воинственными выглядели казаки и не менее решительно настроенными стрельцы.

– Гэй, москали! А ну подать сюды вашего пана, бо его сам батька Чорный трэбуе! – выделился молоденький хохол в ярко-красном жупане, перепоясанном синим кушаком.

Прочие поддержали его гиканьем и пистолетной пальбой в воздух. Я чуть ли не матом рывкнул на своих, так как стрельцы с перепугу едва не ответили прицельным залпом.

– Гражданин запорожец! – В памяти мгновенно всплыл образ маленькой неуютной иномарки с мотором в багажнике. – Я начальник лукошкинского отделения милиции. Сейчас же прекратите дебош и толком объясните, что вам нужно. В противном случае...

– Хлопцы, та ж вин нам грозыть?! – аж вытаращил глаза паренёк, хватаясь за саблю. – Ой, у мэне ж серденько у пятки впало-о...

– Не рубай ёго, пан есаул! – расхохотались казаки. – Вин же москаль, вин дурный, чоловичьих слов нэ розумие...

Я почувствовал, как в мою ладонь тычется что-то жёсткое и холодное – бледный Митяй совал мне царскую саблю.

– А ну брысь отсюда!

– Не гоните за-ради Христа! Я вон и оглобелку для себя захватил... Ужо попомнят пепелище наше милицейское!

– Что ты несёшь, Митя?!

– А ну вилазь, пан участковый! – продолжал надрываться молодой есаул. – Не то зараз ворота знесём та вас, панове, нагайками до атамана погоним!

Я так и не понял, шутит этот парень или говорит всерьёз. Просто не успел понять, потому что с двух прилегающих улочек показались возбуждённые толпы народа. К нашему отделению шествовал весь кузнецкий квартал и ткацкая слобода. Ругань и крики висели в морозном воздухе не замерзая. Уперевшись рогом в самонадеянных запорожцев, лукошкинцы на минутку замерли...

– Православные, милицию бьют! Ну помогите кто чем может...

Кажется, это прокричал Митька. Всё... уволью... поздно...

* * *

Согласитесь, на тот момент у меня были очень веские основания для его увольнения из штата. Я часто его увольнял... То есть это случалось и раньше... В горячке, в спешке, по делу, просто так, может быть, даже несправедливо... Но! За сегодняшний поступок его стоило просто расстрелять. Только так, и непременно без суда и следствия! Понимаю, что слышать такое из уст участкового несколько странно, но другие мысли тогда мою голову не занимали.

Двадцать с чем-то казачков развернули лошадей, отработанно занимая круговую оборону. С двух сторон их теснили накупившиеся лукошкинцы с тяжёлыми клюшками в руках, а путь к отступлению перекрывал забор нашего отделения. Где пропадал Еремеев – ума не приложу! Я сам ни за что не сумел бы навести порядок, это только в сказочках драчуны разбегаются от одного осуждающего взгляда дяденьки милиционера... Но, чёрт побери, что же там могло довести горожан до такой точки кипения? Ведь если вдуматься, то соперники и одного тайма сыграть не успели...

– Дозвольте мне, Никита Иванович? – Я не сразу сообразил, какая сила снимает меня с ворот и вежливо сажает в сугроб. – Уж я-то обстановку криминальную за версту чую... Не след нам тут смертоубийство допускать,

так ведь? Ну дак я сейчас с ними со всеми душевненько побеседую... Они у меня враз к консенсусу придут! Прибегут аж!

Ничего не могу сказать в своё оправдание – я молча сидел, как загипнотизированный кролик, глядя на Митьку, занимающего моё место. Быть может, даже на мгновение загордился его могучей фигурой в форменном милицейском тулупчике нараспашку...

– Граждане-господа-товарищи, чтоб вас! Пока царь Горох горькую пьёт от женитьбы неминуемой... Пока Бабуленька Ягуленька сны французские про красные мельницы откушивает... Пока Никита Иванович в сугробе сидит, судьбой нелёгкой поперёк фуражки пришибленный... Я – вам отец родной!

На минуточку действительно все заткнулись. Митька, толкающий речь в отделении, у нас уже в загровке сидит, а вот с моноспектаклями на большую, всенародную аудиторию он выходит редко...

– О казаках запорожских отдельный разговор будет. Они люди из степи приезжие, законов не знают, умываются через раз, культурному поведению отродясь не обучены... А остальные присутствующие почему нарушают?! Улицу перегородили, дубьё приволокли, нешто бить кого собрались? Нехорошо-о...

Народ потупился. Люди в Лукошкине отходчивые, даже казаки, прислушиваясь, сунули сабли в ножны. Я облегчённо выдохнул, как оказалось, рано...

– Нехорошо, без санкции-то... А вот с санкцией – самое милое дело! Щас я вам её быстренько спроворю, и покажем гостям запорожским, как со своим уставом по чужим монастырям шастать! Никита Иванович, так я нашим дозволяю, да? Санкция получе...

– А-а-а-а! – взвыл я, прыгая вертикально метра на полтора вверх. Не вру, ей-богу! Вцепившись обеими руками в воротник Митькиного тулупа, я сделал попытку подтянуться и насмерть загрызть провокатора, но не успел... Наш младший сотрудник потерял равновесие и вместе со мной рухнул в тот же злополучный сугроб. По счастью, я сверху... Будь внизу – там бы и задохнулся. Несколько минут промедления спасли всех: откуда-то набежали наконец еремеевские стрельцы, и сам Фома Силыч лично отгородил ретивых лукошкинцев от буйных казаков. Каковые, кстати, тоже поняли, что нахрапом здесь не возьмёшь, но старались по мере возможности «сохранить лицо». Когда я выбрался-таки за ворота, никто уже никому не угрожал. С кузнецами и ткачами разобрались быстро. Оказывается, матч меж двумя командами вообще не состоялся по причине необоснованной неявки главного судьи, гражданина Шмулинсона. Абрам

Моисеевич загадочным образом исчез. Ни дома, ни в лавке его не было, и наиболее горячие головы тут же обвинили в этом своих соперников. За разъяснениями пошли в отделение – в вопросах хоккея я для горожан последняя инстанция... Пообещал разобраться, люди постепенно разошлись по домам.

За это время к казакам подъехал всадник на длинногривой рыжей кобыле. Я сразу узнал того самого человека, что был во главе запорожской делегации. Пан атаман Чорный выслушал молоденького есаула, при всех отвесил ему подзатыльник и быстренько отправил всю ораву обратно на Гостиный двор. Сам спрыгнул с седла, передал поводья кому-то из стрельцов и вразвалочку направился ко мне:

– Здоровеньки були, пане-добродию участковий. Погукторить треба, та тильки нэ при всих...

– Прошу в терем, – вежливо козырнул я, старательно игнорируя его насмешливый взгляд. Ой, ну можно подумать, я сам не знаю, как сейчас выгляжу... Весь в снегу, в фуражке набекрень, с планшеткой на спине, с носом красным от мороза!

Казак расправил усы и пошёл в дом. Я повернулся к Еремееву:

– Фома, будь другом, отправь десяток ребят на розыск Шмулинсона, второго такого судьи нам не найти.

– Дык разрешите посодействовать? У меня ж в деле ловли Абрама Моисеича передовой опыт есть, а? – радостно раздалось у меня за спиной. Я оборачивался медленно... Митя поднял руки вверх, проследил за моим взглядом, нашёл деревянную лопату у забора и опрометью бросился убирать снег с площади. Ближайшие два часа ему лучше не попадаться мне на глаза. А ведь тогда я ещё ничего не знал о его «добрых советах» царским невестам...

Пока пан атаман чинно крестился на иконы, меня в сенях двое стрельцов бодренько обтёрхали вениками. Бабка, судя по всему, беспробудно спала, её место в углу занял верный кот Василий. Уходить он явно не собирался, наверняка намереваясь доложить Яге все результаты наблюдения. Дай ему волю, он бы и платок на голову нацепил, и спицы в лапы взял, лишь бы не прогнали... Да ради бога, пусть хоть стенографирует, мне-то что?!

– Присаживайтесь, я весь внимание.

– Гарная хатка... – неторопливо начал запорожец, усаживаясь на скамью. – Одын жывэш чі как?

– Квартирую.

– Ага... – отвлечённо покивал он. Создавалось впечатление, что мысли

атамана витают где-то далеко, в отделение он зашёл, как случайный турист в музей противопожарной безопасности, и дела ему до меня ровным счётом никакого...

– Тут люди кажут, будто бы хозяйка твоя, не во гнев будь сказано, приходится слегка сродни чёрту?

– Гоголь, кузнец Вакула, «Ночь перед Рождеством»! – после секундного размышления угадал я. Казак непонимающе покосился, но смолчал, мало ли... Где-то в глубине души моя беспокойная совесть напомнила, что уж этого-то он точно не мог читать...

– Давайте знакомиться. Ивашов Никита Иванович, начальник местного отделения милиции... С кем имею честь беседовать?

– Левко Степанович Чорный. Полковник славного запорожского вийська, приехав до вашего государя с грамотой та дорогим подарком от нашего ясновельможного пана гетьмана Бандурки.

Мы обменялись торжественным рукопожатием. Я предложил поставить самовар, пан атаман скорчил брезгливую физиономию и выудил откуда-то из-за пазухи круглую кожаную флягу. Я пошарил по полкам, достал хлеб, миску с солёными грибами и одну гранёную стопку:

– На службе не пью.

– Добре, – не стал уговаривать Чорный, без стеснения налил себе, опрокинул и на мгновение прикрыл глаза, задержав дыхание. – Ох и гарную горилку з перцем гонят у нас на батьковщине... Грузди-то сам собирав?

– Стрельцов посылал, в полном составе, – подчёркнуто вежливо просветил я. – Итак, с чем пришли, гражданин полковник?

Вместо ответа он опять запустил руку за пазуху, в необъятные глубины своего парадного одеяния, выложив на стол небольшой, обитый красным бархатом ящик:

– Ось, бачь, пане-добродию участковый, цэ и е наш подарунок царю-государю от батьки гетьмана!

Я придвинул ящик к себе. По размеру в нём должен бы поместиться пионерский горн. Атаман молчал, уставясь задумчивым взглядом куда-то сквозь меня. Я осторожно откинул крышку...

Внутри ничего не было.

– Ну и?

– От и я кажу – ничего нема...

– А что было?

– Булава гетьманская, – чересчур равнодушно отвечивал Левко Степанович, неторопливо наливая себе по второму разу. – Уся из

червонного золота, с камнями самоцветными, од турецкого султана у прошлого роци з бою взятая.

– И где же она?

– Так от о том я тебе спросить и хочу! На Запорожье – була, в походе – була, в курене царском – теж була, а тилькы короб открыл – нема её! Який-то дьяк в дверях ховався, я его за шкурку да об стену – он и сболтнув, шо-де у вас, у москалей, ты на любого вора – наиперший ловец. Не сбрыхнул, а?

– М-м, ну... вообще-то действительно, кражи – это по нашей части, – вынужденно согласился я. Чёрт побори! У меня тут кубок пропал, финал на носу, как же не вовремя всё...

* * *

Честно говоря, особо полезной информации я от запорожского полковника не получил. Не то чтобы ему было что скрывать, просто зацепки ни одной... Возможно, там и вообще кражи не было – перепутали, переложили, перепрятали, да всё, что угодно! Обстоятельства исчезновения этой самой булавы тоже, знаете ли, весьма подозрительные. Она вроде бы бесследно растворилась в том самом красном ящичке. Казаков поселили в отдельном крыле, сундук атамана находился под постоянным наблюдением. Посторонние люди к запорожцам вроде бы не заходили, участие своих полковник отметал начисто! Как видите... Да, собственно, здесь и видеть-то пока нечего. Разве что и это дело мы обязаны провести в атмосфере строжайшей секретности, ибо гетман Бандурка имеет свои цели от дипломатической миссии Чорного. С одной стороны, факт подарка запорожских казаков нашему государю свидетельствует о лишнем подтверждении надёжной охраны границ и создании боеспособной буферной зоны, принимающей на себя периодические удары беспокойных южных соседей. С другой позиции, если наш Горох эту булаву с благодарностью примет, то полковник получит для Запорожья весьма солидную политическую и материальную поддержку. Речь идёт о взаимовыгодном долгосрочном проекте: гуманитарной помощи, поставке оружия и формировании новых казачьих станиц по всем рубежам. Если булава не найдётся, пан атаман пустит себе пулю в висок, вернуться с пустыми руками к гетману он уже не сможет... Чорный сказал об этом легко и буднично, так, словно смерть не была для него трагедией. Опозоренное имя, невыполненный долг – повод для насмешек,

несмываемое пятно на безукоризненной репутации воина и дипломата... К стыду моему, мне казалось непрактичным воспринимать такие вещи всерьёз, но у казаков свои законы чести.

...Вот так или почти так я рассуждал вслух (как оказалось, ещё и в полный голос), неторопливо прикидывая сложившуюся ситуацию за чашкой чая. Левко Степанович ушёл с полчаса назад, и Фома выделил двух ребят ему в провожатые. Никаких известий о пропавшем Шмулинсоне пока не поступало. Разве что кроме доклада о незыблемом спокойствии его супруги. Видимо, уж она знала, куда делся Абрам Моисеевич, но помогать следствию отказывалась категорически... Митька дрых в сених, он вообще укладывался спать часов в восемь вечера, но уж и вставал – с петухами! Кот Василий важно сидел напротив меня и слушал, не мигая. Я так и эдак пытался склонить его к откровенному разговору, но этот двуличный хитрец нагло притворялся обычным домашним животным. Хотя с Ягой болтает за милую душу! Правда, не знаю как... То ли он ей человеческим языком все дела объясняет, то ли бабка его мурлыканье на свой лад расшифровывать навестила.

Первая депеша для «герр Лобофф» поступила в отделение где-то ближе к половине одиннадцатого. Как утверждали еремеевские стрельцы у ворот, подбежал человек, одет не по-нашему, сунул бумажку в руки, и бежать. Я с невнятным удивлением вскрыл небольшой конверт из плотной бумаги, вытащив лист с одним коротким заявлением: «Уважаемый герр Лобофф! Ваше предложение принято. Алекс Борр». Что, зачем, с чего, почему, на кой ляд и с какого бодуна – непонятно... Будить Митьку не стал, отложил разборки до утра.

Наутро стрельцы положили мне на стол шесть таких конвертиков! Что особенно умиляло – текст везде был примерно одинаков: кто-то там, по зрелом размышлении, принимал условия работы нашего младшего сотрудника и гарантировал соответствующую оплату. Я не взялся за него сразу только потому, что из своей спальни, кряхтя и держась обеими руками за голову, кое-как выползла зелёная бабка. Да, да, не спорьте – зелёная, это именно то! Я бы даже сказал, бледно-зелёная с хорошим салатovým отливом...

– Никитушка-а... дай-кось сяду хоть. Ты... тока вопросами меня не мучай, ладушки?

– Не буду, – сочувственно пообещал я. – Особенных проблем пока всё равно нет... Может, чайку покрепче?

– Рассолу, – твёрдо определила Яга, – туда ещё валерьяночки плесни, пустырничку, ну и спирту муравьиного на меду пол-ложки сунь... Перцу

красного, пороха щепоть, соли каменной, угольку тёртого... Да, ой! Головушка моя болезно-разнесчастная... Кардамону и анису не забудь, а ложкой не деревянной мешай, серебряно-ой!

– Бабуля, я всё понимаю, но вы уж помедленнее как-то... Я же не юный химик, такого тут понавороचाю – полтерема снесёт!

– Не смейся старуху... и так помираю. – Выражение лица у нашей домохозяйки было такое страдальческое, что рыцарь Печального Образа удушился бы от зависти. Нет, кроме шуток, бабка у нас одна, мы её любим, а значит, бережём...

Я безропотно поднял полную кружку снадобья и, аккуратно размешав ложечкой, поставил перед Ягой. Она дрожащими руками попыталась приподнять «лекарство», не сумела, вытянула губы, но вовремя принялась:

– Никитушка-а... а дрожжи-то клал?

– Дрожжи? По-моему, вы не говорили...

– Говорила, – капризно всхлипнула бабка.

Я честно метнулся к печке, нашёл в каком-то замызганном горшке сухой дрожжевой порошок и от всего сердца сыпанул в бабулину кружку... Грохнул взрыв! Меня выбросило в сени, прямо на Митьку. (Я потому так спокойно рассказываю, что дверь была не заперта и, по-хорошему, мне страшно повезло: отделался лишь синяками.) Куда снесло Бабу Ягу – разглядеть не успел. На грохот, дрызг, гром, дрызг и прочие вынужденные спецэффекты сбежались стрельцы. Бабку нашли приклеенную к печке... Ей-богу, не вру! Когда мы её отлепили, на печи остался чёткий силуэт сорванной побелки. Однако первые слова нашей эксперт-криминалистки окончательно выбили меня из седла или, правильнее, добили! С трудом сфокусировав зрение и приведя глаза к единому знаменателю, Яга с чувством сказала:

– А ить радикулит-то прошёл!

По-моему, там все повалились от хохота, включая кота Василия... Как оказалось, я перелил анису, муравьиный спирт не успел до конца размешаться, а дрожжей надо было всего щепоточку. Больше меня к лабораторной работе не подпускали, ну и правильно...

Пока я набивал рот вчерашними творожниками со сметаной, Яга пунктуально докладывала о произведённом у царя расследовании:

– Колдовства нет. Кубок государев взят руками чистыми, никакими воровскими искусами не прикрашенными. Вошёл человек в кабинет царский, по докладу ли, по делу спешному али и вовсе случайно, глядь – на полочке кубок золотой стоит, поверх краёв червонцами насыпанный... Он

его тут и покрал!

– Стоп, двери охраняются стрельцами, – едва прожёвывая, напомнил я, – случайный посетитель туда уж никак не забредёт. Да и потом, Горох хвастал, что кубок немаленький... Сантиметров пятьдесят в высоту, объёмом литра на полтора, добавьте эмаль и художественную работу, плюс тридцать пять червонцев царской чеканки – общий вес весьма приличный.

– Дык ясно как день – в кармане не унесёшь, за голенище не сунешь, вот разве за пазухой... – раздумчиво предположила Яга. – А только нет там колдовства, намёку даже нет. Уж ты поверь, Никитушка, у меня на такие дела нюх намётанный...

– Свои взяли?

– Вот про то не ведаю... Запаху там сейчас всякого хватает. Весь терем, от ворот до маковок, иноземным духом пропах. Есть вроде и приличный народ, а есть и такие, что я сама и на порог бы не пустила! Того гляди, стырят чего, прости господи...

– Мда, я-то, честно говоря, надеялся, что вы раздобыли какую-то особенно ценную информацию.

– Раздобыла, милоч, как не раздобыть, – хитро прищурилась бабка и поманила пальцем: – Проведала я через допрос перекрёстный царя, стрельцов охранных да двух девок горничных, кто в комнатку государеву вчера до покражи хаживал!

– О! Вот это уже совсем другое дело, – повеселел я, дотягиваясь до лежащей на скамье планшетки, – диктуйте, бабушка, конспектирую...

– Ну так, чтоб не перепутать тока... ага... значит, знакомец наш, дьяк Филимон Груздев!

– Тьфу, зараза... ни одно дело у нас без него не обходится. Ладно, проходит как свидетель... Кто ещё?

– А... не помню.

Первоначально я решил, что она шутит.

– Ну, энтот был... как его... Опять же посол... чей-то, бояре были, вот тока которые... А, вспомнила! Девки говорили, кой-то шустрый там тёрся всё время. Тока кто... не знают они, мельком видели, вот...

Я молча захлопнул блокнот и сунул карандаш в планшетку. Бабка, насупясь, поджала губки... Время шло.

– Никитушка?

– Угу.

– Вот те крест, не буду больше с царём шампанею ихнюю распивать! Сперва приятно вроде, а наутро голова боли-и-т... И склероз вроде как обостряется...

- Да уж, дальше некуда.
- Но Филимона-то я точно помню!
- И на том спасибо...

Яга уже была готова обидеться, но ей на выручку вовремя вперся Митька из сеней:

– А простите великодушно, Никита Иванович, вот стрелыцы бают, будто мне письма какие по ночи пришли?

– Заходи, родной, заходи... – почти ласково пригласил я, делая самое доброе выражение лица. На что наш наивный дурачок и клюнул...

* * *

Когда, сопоставив Митькину исповедь с текстом писем, до меня дошло, в какую геенну огненную он втравил всё отделение... нет, я не удивился. Я всегда ждал чего-нибудь особо выдающегося в этом роде. Пьяным он приползал, на крыше штанами висел, в петушином облике отрабатывал, с бандитами врукопашную дрался, целую улицу едва ли не до бунта сывороткой правды доводил, отставных любовниц царских переманивал, боже... чего он только не вытворял! Но самое ужасное, что в данном конкретном случае наше «ходячее несчастье» упорно пребывало в стопроцентной убеждённости правильности и даже необходимости собственного деяния! Я на него не наговариваю, судите сами...

– Митя, что значит «Ваши условия приняты, оплату гарантируем»?

– А вы откуль знаете? Неудобственно как-то письма-то чужие читать... Вдруг мне что личное али про любовь понаписано было?

– Там не про любовь, гражданин Лобов.

– Ой... а чёй-то вы так неласково глядите? И бабуля тоже...

– Да вы садитесь, гражданин, разговор будет долгим. – Я указал карандашиком на свободную скамью.

Митяй поднапрягся, закатил глаза, мысленно перебрал в уме все свои грехи за прошедшую неделю. Ничего такого, что могло вызвать столь официальный тон, припомнить не смог, а потому испугался ещё больше:

– Ну вот он я... сижу себе. Ругаться небось будете...

– Ругаться?! Поздно, Митя, это мы уже проходили. Лучше расскажи, честно глядя в глаза, каким образом ты добровольно предложил услуги промышленного и политического шпионажа представителям семи заинтересованных государств.

– Христопродавец... – еле слышно выдавила бабка.

До Митьки доходило медленнее. Он только в затылке почесал, чуть смутившись выпученных глаз Яги, и недоумённо обратился ко мне:

– Не знаю, не ведаю, о каком таком-сяком шпионаже вы речь вести изволите, Никита Иванович? А только дело было так... Раз уж настал такой час и нет мне боле веры... Коли свои же товарищи в харю мою без содрогания глядеть не могут, скажу... Всё как есть скажу! Пусть не видать мне больше света белого, не топтать траву зелёную, не целовать девок красных, не...

– Бабушка, вызовите, пожалуйста, наряд стрельцов с пищалями – я его собственноручно у ворот расстреляю.

– Да чё я сделал-то?! – взвыл наконец Митенька, видя, что на нас его спектакль не действует. – Бабулю нашу до терема царского без аварий доставил, не опрокинул нигде! Под ручку до самых палат сопровождал, а уж в том, что она с государем напиться в стельку изволили, – в том моей вины нет! А ежели она по пьяному делу сболтнула чего...

– Зови стрельцов, Никитушка, – тихо попросила Яга, – тока расстрелом я сама командовать буду.

– Ну... был грех, – повесил голову наш младший сотрудник, – а только ничё особенного я энтим послам и не обещал вовсе... Вы ведь как приказывали? Бабулю дожидаячись, царских невест посмотреть, себя показать! Я и... показал во всей красе... Один чужеземец опариченный возьми да и ткни пальцем: дескать, что за шеврон на рукаве ношу? Я ему вежливенько так: мол, милиция лукошкинская – самого царя Гороха тайный сыск... Так он в энто слово прям как цепной пёс зубами вцепился! Вынь да и положи, почему тайный?! Ну я, как мог, обсказал о делах наших, о службе нелёгкой, о расследованиях дел преступных... На рассказ мой и другие иноземцы набежали, видно, складно у меня выходило... Собрались, слушают, вопросы разные задают, исключительно по существу! Тут первый вдруг и спроси: а правда ли, что государь с нами по всем вопросам советоваться ездит? Я говорю: а как же?! Мол, участковый наш, Никита Иванович, ему в энтих делах самый заглавный советчик и есть! Ну а он мне: дескать, хочешь гульден за информацию? Не-а, говорю... на фига он мне?! В кабак не пойдешь, семечек не купишь, кому у нас тут его гульден паршивый нужен? Вот ежели б пятак дали... Да я дале слушать не стал, пошёл на невест полюбоваться, тока ни одной и не видал... А уж вскоре бояре эксперта нашего пятками вперёд в сани загрузили. Информацию какую ни есть я запродать не успел. Да и не было её у меня... Вы вон тока подзатыльники давать горазды, а как информации чуток... А чё, не так-то?! Отделению не в убыток, а мне лишний пятачок – только маменьку в

деревне платочком новым порадовать! Один ведь я у неё, кровиночка...

Мы с Ягой долго молча и тупо смотрели друг на друга. Попытка вербовки сотрудника милиции вроде бы налицо, но брать на себя ещё и это дело – не было ни сил, ни желания. Митьку можно запереть и никуда из отделения не выпускать, но люди нужны, а он какой-никакой опыт имеет. На шее висят две свеженькие кражи, обе в режиме строжайшей секретности, значит, придётся дробить силы...

– Дык я пойду, что ли, Никита Иванович?

– Иди, Митя.

– А насчёт расстрела как?

– Не сегодня... давай потом, а?

– Ага, понял... Тогда, может, мне дровец наколоть, вроде заканчивались, да и баньку истопить к вечеру?

– Угу, действуй, согласно штатному расписанию, – меланхолично приказал я. – Только со двора никуда не ходи.

– Почему же?

– В полено превращу, – так же задумчиво сообщила Яга.

Митька скосил на неё глаза, подумал и решил не рисковать.

– Тогда понятненько, ежели в полено, чего ж тут не разобрать... Разрешите исполнять?

– Пшёл вон... – в один голос благословили мы. Яга завозилась с самоваром, я без суеты подготовил список всех послов и дипломатов, приславших свои конвертики с согласием нашему телёнку. Боже, ума не приложу, какую конкретно информацию он собирался им вруливать за пять копеек?! Шпион мирового сообщества! Джеймс Бонд, made in Podberiozovka!

– Не сердчай на дурачка, Никитушка. Глядишь, всё энтó дело к нам и хорошей стороной обернётся. Ить, сам знаешь, нет худа без добра.

– Поясните, пожалуйста... – устало попросил я, садясь за накрытый стол. Долго пребывать в заторможенном состоянии не позволяла служба, чуток расслабился, пожалел сам себя – и за работу! Бабка в этом плане – кремень-старушка! Уж сколько ей лет, не спрашивал, а любому из наших молодцов фору даст. Я поближе придвинул блюдо с ватрушками... Яга, поправляя выбившуюся кудель, села напротив.

– Я вот что удумала, милок... Раз уж иноземцы энти так секретами нашими интересуются, так не они ли к государевым покражам руку приложили?

– А смысл? – философски прочавкал я. – К чему французам, полякам или австрийцам хоккейный кубок Лукошкина?..

– Так за-ради смуты народной! – лихо парировала Яга. – Опять же золотой он и с червонцами царскими немалых денег потянет. Им же, европейцам энтим, тока дай чего у русского народу спереть!

– Мм... вообще-то да... Правда, в моё время больше ориентировались на нефть, газ и алюминий.

– Вот видишь, – торжествующе плеснула заварку мимо чашки моя домохозяйка. – Щас вытру...

– Тогда кто же взял гетманскую булаву?

– Какую булаву?

Я хлопнул себя ладонью по лбу – опять ничего не успел ей рассказать... Повесть о казацких наездах, отмене игры, исчезновении Шмулинсона и разговоре с полковником Чорным заняла минут двадцать. Бабка любила подробности и требовала пересказа в лицах, я старался, как мог, чай давно остыл, а до прихода Еремеева стоило определиться с направлением хода расследований.

– Ох, чую я, сокол ты наш участковый, разными тропочками мы с тобой пойдём... Раз уж сразу два сверхсекретных дела на нашу милицию навалилось, стало быть, по одному и брать надо... А иначе к срокам никак не поспеть!

– Дробить силы отделения? – уныло заключил я; ведь самое обидное, что так и придётся поступить. Хотя времени на особое рассусоливание нам всё равно не дали: из сеней высунулся достопамятный стрелец Фёдор Заикин:

– До...до... доз...воль...те?

– Дозволяю, докладывай.

– Ты... та...та...мма, де...

– Тамаде?! – не понял я.

– Де...дело сп...пешн...н...ное, – вывернулся он, стараясь ещё и жестикулировать, – ца. а...

– Дело спешное, царское?! – угадали мы с Ягой. Стрелец счастливо закивал. – Зови!

* * *

...А вот звать-то никого не пришлось, нарочный от государя передал, что Горох сей же час требует немедленного появления на его подворье всей опергруппы лукошкинской милиции. По словам того же посыльного, якобы для внеочередного одарения пряниками... Ох и достали же они меня своей

душевной простотой!

– Надо ехать, Никитушка, – торопливо засобиралась бабка.

– И Митьку тоже братъ?

– А как же! Ить сказано же, всей опергруппой, значит, всех троих царь-батюшка лицезреть изволит. Поспешай, касатик, не ровён час, разгневается государь, да и пошлёт всех нас...

– Куда? – привычно буркнул я, честно говоря, и самому уже хотелось кого-нибудь послать.

– На плаху! – Другие места, доступные моему вульгарному воображению, Бабе Яге на ум не приходили.

Впрочем, собрался я быстро. Митяя оторвали от общественно полезных работ, и все трое уселись в присланные за нами розвальни.

Нарочный стрелец скакал верхом чуть впереди, помахивая плетью и покрикивая на зазевавшихся пешеходов. Денёк был просто сказочный! Мороз и солнце, как справедливо отметил Александр Сергеевич Пушкин. Ни за что не вспомню это замечательное стихотворение целиком, но общий смысл, кажется, в том, что погодка прелесть и по такому случаю не грех опрокинуть кружечку в хорошей компании. Или я что-то путаю и это из другого стихотворения? Пожалуй, действительно стоит ближе к вечеру убедить бабку открыть бутылочку какой-нибудь медовой настойки. Исключительно с лечебными целями! Что-то уж очень я нервничаю из-за этого проклятого кубка... Нельзя так, надо мыслить абстрактно, отвлечённо, позитивно и близко к сердцу ничьих проблем не принимать. Чёрт, но в данный-то момент проблемы мои собственные!

Царь встретил нас троих в памятных палатах, которые я про себя окрестил Овальным кабинетом. Горох внешне совершенно не похож на Билла Клинтона, но своих очередных пассий предпочитал принимать именно здесь. Маленькое окошечко с геранью, две резные лавочки, стены в цветочном орнаменте, шкафчик с вином и сладостями, а в дальнем углу – дверь, ведущая непосредственно в спальню.

– Ох ты ж, какие знатные гости пожаловали! Сам Никита Иванович – лихой сыскной воевода, да Бабушка Яга – эксперт зело сведущий, а тут ещё и богатырь наш хоробрый Дмитрий Лобов зашел, не поленился. Вся моя разлюбезная опергруппа при полном составе!

– Здравствуйте, – привычно козырнул я, бабка и Митяй почтительно поклонились в пояс. Они перед царём робеют... Видимо, исключительно по привычке, так-то им обоим с государем не один раз лаптем щи хлебать приходилось. Оп! Периодически ловлю себя на том, как перенимаю у местных жителей их жаргон и манеру речи. Что поделаешь, среда

общения... Ещё пара лет, и я буду разговаривать с преступниками в классическом стиле русских народных сказок из собрания Афанасьева.

– Да вы уж присядьте, не чинитесь! Ежели не так что, не обессудьте, чем богаты... Вот у меня тут мадера испанская оставалась, прянички тульские, утицами да медведями выпеченные... От и ёжик один нашёлся! Кому ёжика пряничного, сахарного, медового, незачерствелого?! А не хотите мадеры, так я прикажу ещё какого винца...

Мы трое обменялись непонимающими взглядами: явление такого суетливо-заботливо-хлебосольного Гороха было событием паранормальным. Это понял даже Митька, осторожненько подавший голос:

– Случилось чего, надежда государь?

– С чегой-то вдруг?! – визгливо хихикнул царь, едва не роняя на пол гору липких печатных пряников.

– Ведёте себя так, словно на охоте берёзу лбом свалили, – корректно пояснил я и, взяв государя за плечи, препроводил его на скамью. Мои сотруди́чки резво подвинулись, освобождая место.

Горох переводил беспомощный взгляд с меня на бабу, на Митьку, опять на меня, потом его губы задрожали, руки опустились, и злосчастные пряники дробно раскатились по полу.

– Хана мне...

– Чувствуется, но шутки в сторону. Если вы пригласили сюда всю опергруппу, следовательно, дело невероятно серьёзное. Возьмите себя в руки и как можно подробнее расскажите, что же всё-таки произошло.

– Злата Збышковская из Крякова преставилась.

Теперь уж охнули все мы: я, Яга и Митька. Государь покосился на нас, траурно кивнул и перекрестился.

– Как... это произошло?

– Не ведаю... но я... не я это...

– Не понял? – От удивления у меня едва не пропал голос. – Что значит не ведаете?! И что значит не вы?!!

– Никитушка, окстись! Не мог же царь-батюшка сам на свою невесту до смотрин руку поднять, – вступилась бабуля и осеклась. – Хотя... кто ж вас, мужиков, разберёт? Ты ить, батенька, у нас во гневе горяч, может, и в самом деле того... а там уж и...

У царя отвисла челюсть, а Митя, пользуясь общим замешательством, тут же угостил всех очередной печальной историей из цикла деревенских страшилок.

– Как щас помню, у соседа нашего дочка была молоденькая, Монькой звали. Уж на что любила сказки слушать – страсть... А за деревенькой

нашей цыганский табор каждым летом останавливался. Так, знамо дело, где цыгане, там и песни, и пляски, и сказок волшебственных полны кибитки! Вот Монька одного цыгана всем сердцем и заслушалась... А он-то, старый пень, на вид страшной самого чёрта – больной, хромой, да ещё и чёрен, аки мавр африканский! Но уж до того складно истории чудесные про свои несчастья складывал, что любо-дорого послушать... Вот и пошла промеж ними разлюбезная любовь – не скроешь, не спрячешь, в сундук не сунешь, а и на люди выйти тоже боязно, как есть куры засмеют... Мы уж, деревенские, собирались под энто дело пойтить цыганам морды набекрень воротить, да тут и без нас трагедия нарисовалась... Был в ихнем таборе поганый конокрадишко, Яшка Свищ! Так вот и он положил глаз свой чёрный на нашу Монюшку... Упёр он у ей платочек розовый, да и...

– Старого цыгана звали Отелло?

– Не-а... Отька его звали, а прозвище Черномазый! – охотно откликнулся Митяй, в его глазах я был самым внимательным слушателем, раз задавал вопросы.

– Дальше можешь не продолжать, как я понимаю, данное криминальное повествование тоже было безбожно уворовано у вас злокозненным плагиатором Шекспиром?

– Ну пусть доскажет, Никитушка, – жалобно попросила Яга, – уж больно за сердце берёт история энта печальственная... Интересно же!

– Ничего интересного, Отелло из ревности задушил Дездемону, потом покончил самоубийством, а подлого Яго, кажется, казнили. Если вопросов больше нет, давайте отвлечёмся и вернёмся-таки к нашим прямым обязанностям, – сурово предложил я. – Как понимаю, у нас тут в тереме свеженький труп?

– Какой труп? – поднял испуганно глаза Горох.

– Как это какой?! Польской принцессы, гражданки Златы Збышковской из Крякова, – напомнил я.

Государь встал, почесал в затылке и, грозно уперев руки в бока, возвысил голос:

– Ты это чего несёшь, участковый?! Ты тут говори, да не заговаривайся! С какого рожна тебе в башку стукнуло, будто померла она?!!

– Да вы же сами сказали! Только что! – На мгновение мне показалось, что у царя провалы в памяти или же он от горя чуточку спятил. Судя по лицам Яги и Митьки, они вполне разделяли моё мнение.

– Ах вот ты о чём... – облегчённо улыбнулся Горох. – Дак не померла она, я ж тебе русским языком говорю – преставилась! Понял, нет?

Скорее всего, я ничего не понял. Пришлось требовать дополнительных

объяснений, снисходя до умственного уровня работников милиции...

* * *

Митьку оставили на лавочке сторожить вход; там, конечно, стрельцы охраняют, но... бережёного бог бережёт. Мы с Бабой Ягой, плечом к плечу, стояли в той самой маленькой спальне государя, где на широкой кровати лежала бледная как смерть уроженка свободолюбивой Польши. Одного взгляда на девушку было достаточно для того, чтобы понять – на этом свете она более не живец. Но и не труп, как ни парадоксально... Перед нами лежала изящная блондинка в европейском платье с глубоким декольте и открытыми плечами. Лицо белое, с синеватыми веками...

– Дыхание слабёхонькое, рученьки холодные, реснички чуть дрожат, – неторопливо констатировала Яга, бочком перемещаясь от изголовья к ногам, – коленочки судорогой не сведённые, пятки мягонькие, мизинцы гнутся...

– Гнутся?! – с самым глубокомысленным видом переспросил я, методично ведя запись.

– Гнутся, – весомо подтвердила бабка, укоризненно обращившись к маячившему в дверях Гороху. Тот страшно покраснел, истово перекрестился и, неизвестно от чего отказываясь, отрицательно помотал головой.

– Ваше резюме, бабушка?

– Где?! – охнула Яга, краснея не хуже Гороха и быстренько проверяя, не расстегнулась ли какая пуговка.

– Э-э... ваше мнение о случившемся как специалиста? – изысканно выкрутился я.

– Ах вон ты о чём... – Бабуля бодро вскинула крючковатый нос и, победно глянув на царя, продолжила: – Все признаки смерти у принцессы данной имеются, а тока самой смертушки и нет пока. Лежит гражданка Збышковская из Крякова, ровно колода бесполезная, нездешним ядом травленная. И лежать ей так, покуда...

– Не так быстро, я записываю. Поконкретнее, что за яд, какие признаки и последствия?

– Ну что ж я тебе, соколик, сказать-то могу... – несколько поднасупилась Яга, но, со скрипом поковыряв у себя в ухе, всё же пришла к однозначному решению: – Яд – иноземный! Из трав да порошков каменных составленный, вкуса не имеет, а запахом... ровно яблоко зелёное будет. А

уж как духмяно пахнет...

Опустив взгляд в блокнот, я краем глаза отметил что-то желто-зелёное, валяющееся у дальней ножки кровати. Жестом прервав нашего эксперта, опустил на колени, пошарил и достал совершенно свеженький огрызок. То есть не очень запылившуюся четвертинку недоеденного яблока!

– Оно?

– Дай-кось погляжу... Оно самое! – удовлетворённо причмокнула Яга. – Видать, не сразу за сердце берёт, вона скоко Златка энта понаобкусывать-то успела. Берём с собой аки улику важную! Может, пригодится ещё...

– Разумеется, а теперь вы, царь-батюшка...

– Чего это я?! – Горох продолжал топтаться у двери, подпирая спиной косяк. – Не я это...

– Хорошо, проверим. Но у меня несколько другой вопрос – как именно здесь оказалась пострадавшая?

– Ну как? Как все! Поговорить зашла, мы и сели, вон кровати на краешек... Чё-то про политику мою европейскую ей интересно было, а я и...

– Угу, так и запишем, – спокойно согласился я, а Горох вдруг ни с того ни с сего ударился в совершенно неуправляемую истерику:

– Ах вот ты как?! Вот как, значит... Я-то думал, ты мне друг, а ты... Запишет он?! Да пиши! Всё пиши, не жалко... Можно подумать, я тут дитё малое?! Сама она пришла! И на кровать сама полезла! И с поцелуйчиками тоже набивалась бесстыже... А я её вот настолько даже пальчиком не тронул! И платье у неё само сползло, само, само-о...

– Так и успокойтесь, пожалуйста.

– Да, вот так я тебе и успокоился! Писака какой тут нашёлся... Я царь али не царь?! Я... мужчина, в конце концов, али кто?! И ведь нет чтоб помочь, поддержать... Пишет он!!!

Пришлось звать на помощь бабку и с её помощью кое-как приводить государя в норму. После долгих уговоров, объяснений, взаимных извинений и прощений удалось выяснить следующее. Златка Збышковская действительно проникла в гороховский кабинет с одной ей известной целью (хотя царь утверждал, что уж ему-то эта цель тоже хорошо известна!). В результате достаточно фривольного разговора ошарашенный непрозрачными намёками Горох помчался предупреждать стрельцов и запирает двери, но задержался, выпихивая дьяка Филимона с очередным докладом. Этот памятный блюститель нравственности опять лез, куда не просят, чем довёл государя до определённой степени белого

каления. А когда наш любвеобильный самодержец наконец вернулся, то застал несчастную уже в нетранспортабельном состоянии... Как он припоминал, вроде бы поначалу у неё действительно было в пальчиках то ли яблоко, то ли репка. После короткого шока и безуспешных попыток искусственного дыхания Горох благоразумно взял себя в руки и, спокойненько выйдя к стрельцам, срочно затребовал к себе опергруппу. А до нашего приезда сидел как на иголках, с великого перепугу даже не высовывая носу из кабинета. Что и говорить, все косвенные улики были против него... Не думаю, чтобы Европейское содружество долго искало виноватого, но мы успели вовремя.

– Значит, никто пока ничего не знает?

– Ни одна живая душа, – клятвенно заверил государь. – А ежели дьяк Филька о чём проболтается, так я его прямо сей же час велю на кол посадить!

– Так он же пока ничего не понял...

– Так нешто мне ждать, пока поймёт?! Сразу на кол – ради профилактики!

– Вы бы кроме этого слова выучили ещё и правильное понимание законности, правопорядка и презумпции невиновности! – поугрожал я, хотя Горох уже забыл о вездесущем дьяке, переключась сугубо на собственные проблемы. – Ладно, предлагаю тело польской принцессы пока никуда не переносить, ничего не трогать и лишнего шуму не поднимать. Кстати, она одна приехала?

– С ней двое шляхтичей, – припомнил царь, – то ли охрана, то ли братья двоюродные, то ли вообще конюх с лакеем... Они ж там, в своём Крякове, большой свиты себе позволить не могут. Страна обильная, да жители ленивы и кроме рокошей да сливянки других утех не имеют. Но уж гонору... на три воза поперед кобылы поставят!

– Отлично, запирайте этих бравых парней в ближайшем трактире, и надолго. Теперь вы, бабуля... Есть ли в вашем аптекарском ассортименте что-либо, способное вернуть пострадавшую к активной общественной жизни?

– Ну-у... тут ить и не скажешь сразу... – наморщив лоб, призадумалась Яга. – Нашатырь в нос совать – проку нет, солью нюхательной тоже не подымешь небось... Что и присоветовать, не ведаю. Вот рази... есть способ один, дюже древний, но девицы от него прямиком из гроба встают!

– Что за способ?! – с надеждой взвыл государь.

Я только улыбнулся, подняв взгляд к потолку. В конце концов, все мы в

детстве читали сказки...

* * *

Мне почему-то показалось, что мы покончим с этим быстро... Видимо, сработал здоровый инстинкт самосохранения, оберегающий организм от перегрузок, – у нас и так два дела, брать третье – просто рук не хватит! Увы, все сегодняшние проблемы были ещё цветочками, а ягодки традиционно ожидали нас в обозримой дали. Нет, всё можно пережить, со всем справиться, когда тебя окружают верные друзья и союзники, а этот... с позволения сказать, младший сотрудник устроил такой рёв – хоть святых выноси!

– Не буду я её целовать! Не буду-у-у...

– Митя, успокойся. Ничего страшного не происходит...

– Не могу, не хочу, не буду! Лучше сразу покажите суровой рукой моих же товарищей, а токмо целовать гражданку покойную я категорически отказываюсь и на этом стоять стану, аки Иов супротив...

– Бабушка, у кого он успел таких длинных фраз нахвататься?! Да прекрати же вырываться, дубина несознательная! Можно подумать, мы от тебя тут чёрт-те чего требуем...

– Боюсь я!!! – Митька вопил уже в полный голос, но предупреждённые стрельцы добросовестно отгоняли от царского кабинета всех, желающих посочувствовать. – Слыханное ли дело, парня молодого, неженатого, заставлять девку мёртвую в губы целовать?!

– И что ж ты, неслух, книжек-то не читаешь? – попыталась вклиниться бабка. – Во всех сказках сказано – наипервейшее энтó средство от яблók травленых – принцессу в губки отчмокать! Да жалко тебе, что ли?! Принцесса всё ж таки...

– Вот пусть её принцы да королевичи и чмокают, а я мальчонка простой, деревенский, работой умственной не загруженный, в происхождении аристократическом не замеченный... Не буду целовать! И без меня охотнички найдутся...

– Ах ты, клещ подосиновый... – тихо закипая, встрял Горох. – Я, царь, целовал, не побрезговал... А твоя харя простонародная мне и посодействовать отказывается? На кол посажу! Нет, на столб верстовой, чтоб заметней было! И на том же столбе велю тебя взад сюда возвернуть, покуда принцессу не поцелуешь!

– Митя, ну неудобно же, в самом деле, – поспешил вмешаться я, так

как у государя действительно не застрянет. – Три взрослых человека тебя уговаривают, а? У царя не получилось, у меня тоже, может, твой поцелуй решит судьбу всего следствия! Я даже не приказываю, я – прошу. Плюнь, поцелуй и отвяжись!

– Бог вам судья... – скорбно заметил Митяй и, повесив голову, склонился над телом Златки Збышковской из польского Крякова.

Короткий чмок... и все облегчённо выдохнули.

Господи, сколько нервов мы на него убили, Ты видел, Ты не осудишь... Только вот практический результат, как и прежде, – на нуле! Несмотря на то что к упругим губкам принцессы приложились мы трое, злобные чары так и не были развеяны. Во всяком случае, традиционного хеппи-энда не произошло. Баба Яга в целях чистоты эксперимента потребовала было, чтобы мы все прошлись по второму разу, но лично я встал в позицию. Нет, ну в самом деле, я тут лейтенант милиции или кролик подопытный? Царь тоже упёрся рогом и, неизвестно перед кем оправдываясь, бурчал себе под нос, что ему эта Златка никогда и не нравилась особенно, что у него других невест полно, Европа ему вообще не указ и что-то ещё в том же текстовом режиме...

Пришлось махнуть рукой, скорбные размышления вконец обленившегося милиционера всегда печальны. После шумного дела о летучем корабле любой отдых казался недостаточным. Я искренне надеялся, подобно бурому медведю, взять отпуск на всю зиму, занять народ хоккеем и со спокойной душой ничего не делать вплоть до самой весны. Не дали... мало того, вместо одного преступления удружили сразу три. Ну, положим, дело о царском кубке я никому не отдам, труп – не труп прекрасной полячки возьмёт на себя Баба Яга, а уж с казаками, видимо, придётся возиться нашему Митьке. Да, да, да... сам понимаю, а что делать?! Людей нет. У Еремеева свои задачи, Горох занят по маковку (оно и к лучшему!), не дьяка же Фильку к содействию приглашать... Я самодовольно улыбнулся, вспоминая, как мы «умыли» альтернативное следствие.

– Ты чему это радуешься, участковый?! Я, чай, тебя не за тем в терем звал, чтоб ты мне здесь улыбки разлюбезные строил! Я, между прочим, всё ещё царь и не посмотрю тут...

– Вы, между прочим, главный подозреваемый, – терпеливо напомнил я, и государь сразу прихлопнул варежку. – Довольно лирики, постараемся рассмотреть сложившуюся проблему в режиме отвлеченного взгляда со стороны. Что мы имеем? Женское тело, находящееся в заторможенном состоянии, с ослабленными признаками жизни и всеми симптомами

пищевого отравления. Попытки оказания экстренной медицинской помощи желаемого результата не дали... Митя! Прекрати и отойди от девушки! Простите, отвлекся... Но отрицательный результат – это уже что-то. Предлагаю выслушать мнение нашего эксперта.

– Экспертиза показала, что средство моё верное! – уверенно начала бабка. – Доподлинно известно и всеми сказками подтверждаемо, что, ежели девицу, яблоком ядовитым травленную, добрый молодец, да без дрожи в коленях, прямо в уста сахарные поцелует, – та сей же час и встанет! Обычно ещё и краше, чем была... Чистоты эксперименту ради, а также для случая пожарного мы аж троих мужиков через это дело пропустили. Митенька! Ну сказано же тебе было, оставь девушку в покое... Брысь! Во грех меня вводит, неслух... Так вот, ежели лекарство моё своей цели достигнуть не умеет, то либо молодцы не те, либо девушка – не девица...

– Это как же понимать?! – снова очнулся Горох, поняв, что и ему демократично предоставили слово. – Нешто я тут не молодец?! Нешто у Никиты Ивановича по мужской справе проблемы болтаются?! Нешто Митька ваш... Митька! Да отойдёшь ли ты наконец от гроба?! Тьфу ты, прости господи, что ж я говорю-то такое...

Переглянувшись, мы без суеты провели слагаемые, прибавили двух смазливых кузенов-шляхтичей, прикинули время на дорогу из Польши в Россию и сделали соответствующие выводы. После чего грянули уже хором:

– Митька-а-а!!!

– Ась? – наконец отозвался он, оттопыривая правое ухо. Под гнётом трёх осуждающих взглядов наш младший сотрудник засмутился, обтёр вспотевшие ладони об рубаху и прекратил-таки навязчивое расцеловывание бессознательной гражданки из Крякова. – Не... не просыпается никак. Я уж во рвении служебном и в губки, и в щёчку, и в ушко, и в шейку, и во плечико белое, и... ну, насколько платье ейное позволяло, так не фурычит, зараза! Вона, даже ни разу не всхлипнула сладострастенно... Не порядок это, не по-добрсоседски. А вот ежели я, к примеру...

– Нет, Митя, – твёрдо объявил я, делая нажим на первое слово. – Ни в какие другие места польскую гражданку целовать больше не надо! В свете сложившейся обстановки у меня будет для тебя другое задание.

– Опасное небось? – недоверчиво шмыгнул он.

– Крайне! – значимо подтвердил я. На этот раз мне приходилось говорить парню чистую правду – для него действительно было другое задание.

...В отделение вернулись без приключений. Может быть, не считая

того, что на углу Базарной и Литейной нас обкидали снежками какие-то мелкие шкеты. Митяй рвался из саней мстить на месте, и я почти было его отпустил, но Яга нас вовремя пристыдила. Ей, конечно, упрекать легко, она снежком по затылку не схлопотала, но в принципе бабка была права на все сто. Если ко всем нашим делам ещё и тинейджеров по улицам гонять, нас народ на смех поднимет. Итак, раскинем ситуацию на троих...

* * *

– Шмулинсон не пробегал? – прямо из саней крикнул я. Стрельцы, распахивая ворота, печально покачали головами. Плохо дело... Вчерашний матч сорван; если к вечеру Абрам Моисеевич не отыщется, придётся судить игру самому, а я занят.

– Никитушка, пойдём-ка в терем, – позвала Яга, устало поднимаясь на крыльцо. – Есть у меня пара версий насчёт принцессы польской, посоветаться бы надо...

– И у меня есть! Ажно цельных четыре! – обрадовался Митька, загибая пальцы. – Конкурентное мордобитие, политичное смертоубийство, коммерсантовская разборка и любвеобильная ревность, во!

– А ты, Митенька, шёл бы баньку топить, – тепло посоветовала бабка. – Участковому нашему не грех бы парком ядрёным взбодриться. А там уж и за стол, ить время-то к обеду. Да, баньку угольком топи, пламя жарче будет и подольше хватит...

– Как скажете, бабуленька! Сей же час всё исполню, а для себя с устатку великого попрошу лишь плюшечку малую али ватрушечку творожную, пирожок мясной либо блинков пару, а нет, так и баранкой маковой удовлетвориться попробую. Ить не бог весть чего прошу-то, не слона печёного, а так, мелочь несерьёзную, на один зуб положить да другим и...

Яга выгнула бровь и так цыкнула своим знаменитым кривым клыком слева, что наш болтун пулей унёсся к угольному ларю. Грустные, пораженческие мысли давно покинули мою милицейскую голову, и я был полон решимости разом взяться за все проблемы. Пока бабка чего-то там шныряла по полкам, мы с котом Василием разбирали почту сегодняшнего дня. Да, да, в последние месяцы народ лукошкинский активно ударился в эпистолярный жанр. Видимо, всё дело в холодах... Люди реже выходят из дома, а темнеет рано, вот в качестве развлечения и приходится писать в отделение всякие доносы и доклады (поверьте, я к этому никого не

обязывал, честное слово... Даже не намекал!). В большинстве случаев описывалась полная ерунда: мелкие семейные дразги и взаимные оскорбления. Хотя среди графоманского хлама попадались и совершенно замечательные перлы: «Посидели душевнейше, а как встал я наутречко, всё болит... Вышел на двор с опухшей головой наперевес...» Или вот ещё: «А уж как бил-то... И ухватом, и поленом, и вожжами, за оглоблей побёг, а всё будто бы сплю, не чую...» От вдовы мне одно понравилось, я даже Яге зачитывал: «...он спьяну на меня и полез! Долго карабкался, два раза сползал, видать, ссильничать хотел... Ну мне рази жалко?! Взяла сдуру да и приобняла его в чуйствах... Грех на мне, видать, пережала мужика... Вона она, что любовь с людьми делает!»

Как правило, все просят принять срочные меры: избавить, засадить, уберечь, подмогнуть, посодействовать да плюс посочувствовать. Серьёзной информации – на нуле, хотя в этот раз среди прочих грамоток отыскался и уже знакомый конвертик от австрийского подданного Алекса Борра. Упорный малый, пока остальные ждут Митькиного ответа, этот лихач набавляет обороты и предлагает два пряника (просто нет слов, от щедрости руки трясутся!) за секретные сведения об африканской принцессе Тамтамбе Мумумбе. Не понял... с чего это Австрия заинтересовалась Нигерией? Или в этом деле у посла-шпиона-дипломата свои интересы? Ладно, отложим на потом...

– Никитушка, милоч, не занят ли? – Моя домохозяйка деликатно присела напротив. – А ты, Васенька, брысь отседова, ибо чую носом, как от тебя, безобразника, сметанкой ворованной пахнет.

Кот гордо вскинул голову и молча ушёл с видом самого оскорблённого достоинства. Впрочем, уходил он быстро и на доказательствах «беспочвенного» обвинения отнюдь не настаивал...

– Сдаётся мне, касатик, что ты всю нашу бригаду розыскную на три отдельных расследования поделить задумал?

– Продолжайте, бабушка... – важно кивнул я.

– Так вот, имей в виду, к запорожцам твоим хохлатым мне и на дух соваться нельзя, – честно предупредила Яга. – Они, вишь, хоть, с одной стороны, все как есть охальники, до баб охочие, а с другой-то, уж больно всякую нечисть не жалуют... У меня, однако, молодость буйная была, гуляла порой так, что дурная слава поперёд меня за семь вёрст бежала. А у казаков энтих с ведьмами один разговор – камень на шею, да в реку! Куды ж мне сейчас в прорубь, с моим-то радикулитом...

– Понимаю, учту при распределении. Как вы смотрите насчёт кратковременного переселения в царский терем?

– Дык... как же не посмотреть? – задумчиво прикинула бабка. В принципе я уже знал ответ, но ведь всегда приятно предоставить женщине возможность «самостоятельного выбора». – Поживу там денёк-другой, пока ты кубком хоккейным подзаняться изволишь. Митьке энтó дело никак доверять нельзя, уж больно славно он народец горячий к беспорядку подбивать наострился. Ведь вроде и слова-то правильные говорит, стервец, а всё как набекрень через назад выходит!

– Будем надеяться, у запорожцев он дров наломать не успеет. Полковник Чорный показался мне весьма серьёзным человеком, нашему олуху будет полезно пообтесаться в обществе профессионального офицера. Ну а будут сложности...

– Будут, – без сомнений подтвердила Яга.

– ...тогда мы и поможем, – заключил я. – Каждый вечер – общий сбор в отделении, подготовка полного отчёта о проделанной работе, совместные консультации, а главное, исчерпывающий обмен информацией!

– Как скажешь, сокол-участковый... – Яга, видимо, хотела добавить что-то ещё, но в горницу влетел бледный Митька с ведром, полным угля, и квадратными глазами. Раньше я такого за ним не замечал, но у парня редкие актёрские данные (по крайней мере, своеобразные).

– А-а... Никита Иванович, я... кажись, убил... того.

– Не хватайтесь за сердце, бабушка, обычно он так шутит, – даже не вставая из-за стола, холодно поморщился я. – Митя, упрости глазки, поставь ведро, прекрати шмыгать и оч-чень неторопливо расскажи нам, кого это ты «того»?!

– Чёрта! – разом выдохнул он. Признаю, что в одном коротеньком слове он умудрился уместить такую гамму чувств, что это отняло у парня последние силы. Наш младший сотрудник так и сполз по стене на пол, прижимая к груди деревенское ведёрко до соснового хруста.

– Вылейте на него что-нибудь, бабуль, а?

– Никитушка, уважь меня, старую, взгляни своим глазом начальственным, кому на этот раз от души не повезло?

Пришлось идти, но недалеко. Яга только-только накинула на плечи тулупчик и сунула ноги в валенки, как из сеней донеслось:

– Куды труп складировать?

Двое стрельцов внесли под мышки почерневшее тело. Яга торжественно перекрестилась и указала на широкую скамью, покрытую рогожей. Уложив неизвестного, парни сняли шапки, отметив минуту молчания, и глянули на меня в ожидании дальнейших указаний. Я шагнул к «труп»... Передо мной аккуратно вытянулся одетый во всё черное, с

перепачканным угольной пылью лицом гражданин Шмулинсон А.М. Наш небезызвестный ростовщик, гробовщик, портной, доброхотный осведомитель и хоккейный судья по совместительству. Длинные печальные ресницы траурно вздрагивали, хрящеватый остро национальный нос причудливо изогнулся набок, впалая грудь дышала хрипло и с перерывами...

– Чем он его?

– Видать, вторым ведром... – почесали в затылке стрельцы. – Парень ваш уж две ходки к ларю угольному сделал, а как на третий раз пошёл – слышим: крик да гром! Глядь, а он обратно несётся, словно его сам нечистый за штаны ухватил... Мы пошли осмотреть, видим – лежит, вокруг щепки, дужка от ведра рядышком, погнутая... Думаем, надо бы к вам доставить.

– Угу... правильно, – подтвердил я. – Спасибо за службу, все свободны. Митя... иди сюда.

* * *

Наказывать я его не стал – бессмысленно... Прямиком отправил дотапливать баню, бабка, что-то бормоча себе под нос, принесла две пары свежего белья и полотенца.

– Иди уж, приводи в чувство безвинно ушибленного. Небось в баньке отогреется, сам скажет, какого рожна за нашим сараем прятался.

– Смотрите на это философски, – подмигнул я. – Судьба благосклонна к одиноким милиционерам, одно дело мы можем смело выбросить из головы – главный судья лукошкинского чемпионата найден!

– Углём перепачканный, до окоченения замёрзший да плюс ещё ведром по башке схлопотамши... – неизвестно кому отчиталась Яга и, вызвав стрельцов, приказала унести Шмулинсона в баню. Я бодренько побежал следом...

А надо признать, парок был выше всяких похвал! Уголёк давал жару, голый Митька с нездоровым мясницким «хэканьем» размахивал берёзовым веником, а мы с Абрамом Моисеевичем вели задушевнейшую беседу, прогреваясь на полке.

– Ай, ну ви не подумайте, шо я лишён даже малой дозы элементарной благодарности... Когда ви предложили мне быть судьёй, рази я так уж настаивал на неперменных процентах с каждой игры?! Клянусь Саваофом, бедному еврею вполне хватало того скромного шкалика, шо подносила мне

команда победителей!

– Ну если уж быть абсолютно откровенными, то вас ещё потчевали ужином в ближайшем трактире, где каждый раз по совершенно случайному стечению обстоятельств оказывались ваша жена и дети...

– Ба, да шо ви говорите?!

– Минуточку, сейчас припомню... Я же сам был свидетелем... А, вот: «Абрам, иди домой! Дети два дня ничего не ели, а ты тратишь здоровье на этот глупый хоккей... Я уеду к тёте, ты же отдал им свою последнюю рубашку и судишь как никогда честно! Но у нашего Мони уже видны рёбра, а маленький Сёма перестал расти... Иди домой, Абрам, пусть мальчики порадуются на сытого папу!»

– И шо? Где она ошиблась, гражданин участковый?!

– Мм... не знаю, но после этого сердобольные спортсмены угощали уже всю вашу семью, да ещё накупали вам гору продуктов домой. Нет, я вас не осуждаю, просто хочу понять, почему вы сбежали с такой хлебной должности?

Шмулинсон перевернулся с живота на спину, стыдливо прикрыв причинное место сизой мочалкой. Поля его традиционной чёрной шляпы набрякли и обвисли, но снимать её он отказывался категорически...

– Мама, мама, где ты? Почему ты меня оставила? Вот ви ведь всё ещё молодой человек, а каким пронизательным взглядом подсмотрели у внутри всю суть моих страданий?! Поверьте, я умею быть благодарным... Когда ви, не дай вам бог, помрёте и безутешные друзья придут ко мне заказывать гроб – напомните, шо я обещал вам скидку! Не отказывайтесь! Живите сто лет, щоб я состарился раньше, но не отказывайтесь! Пусть им всем будет дико завидно...

– Спасибо, очень надеюсь, что не скоро воспользуюсь... Так что там за проблемы с судейством?

– Проблемы?! Проблем нет! – воодушевлённо улыбнулся Абрам Моисеевич, скривив такую мину, словно обнаружил в супе мышку с кирпичом на шее. – Да, я сбежал, чтобы не судить матч ткачей и кузнецов, а кто на моём месте поступил бы иначе?! Ви представляете, обе команды прислали ко мне своих парламентёров и безоглядно предупредили, шо в случае проигрыша утопят меня в проруби! А я глубоко верил, шо в хоккей играют культурные люди... Они сказали, шо утопить меня после поражения – это их как-то утешит, а кормить в случае победы – нецелесообразно экономически! И кто после этого еврей, я вас спрашиваю?!

Честно говоря, нечто подобное я и предполагал. Сам факт подкупа

судейства в спортивном мире отнюдь не был новшеством, и Шмулинсона, конечно, стоило взять под защиту. Гораздо больше меня заинтересовал тот факт, что со вчерашнего дня ростовщик прятался у нас во дворе, скрываясь в ларе с углем, а ведь ворота отделения вроде бы охраняются сменными стрельцами. Абрам Моисеевич снисходительно пояснил, «шо за спасение собственного здоровья он куда угодно пролезет, не то шо между двух заспанных стрельцов, вдоль забора, притворяясь ветошью»... Я кивнул и отметил для себя сразу после бани вызвать капитанов ткачей и кузнецов для профилактического разговора. Митька дважды подкатывался с предложением пообогреть нас веничком, но я не разрешал. Опыт выбивания грязи посредством гибких берёзовых прутьев с листиками удавался нашему молодцу как никому – не многие после этого могли выйти из парной своими ногами.

– А, гражданин участковый, ви не напомнимте, где я могу получить денежную компенсацию за причинённые неудобства? – вывел меня из задумчивости стыдливый голос нашего судьи. Видя моё недоумение, он подробно разложил всё по полочкам: – Я сидел на холодном угле, замёрз до неприличных ассоциаций и отморозил буквально всё! А ви думали, с чего я закрываюсь мочалкой? Не оставляйте мою Сару без единственного утешения! Шоб вам так никогда не сидеть на холодном, хотя откуда в ваши годы иметь представление о простате...

– Что ж, в этом смысле мы постараемся вам помочь, – поднимаясь, согласился я. – Митя! Мне пора, а ты выбери веник побольше и займись Абрамом Моисеевичем. Он действительно может подорвать здоровье, а назавтра нам необходим бодрый и свежий судья! Справишься?

– Рад стараться, Никита Иванович!

– И шо это ви имеете в виду, господа милиционеры?

Дверь в предбанник закрывалась плотно, и я почти не слышал, чего он еще кричал. А в банном деле нашему Митьке равных нет, это вне сомнений. Хотя, конечно... у парня тяжёлая рука, и в следующий раз Шмулинсон будет «морозиться» осмотрительнее...

– Что ж он с ним делает-то, прости господи?! – шёпотом спрашивали стрельцы, пока я, весь в чистом, в тулупчике на плечах взбегал на крыльцо терема.

– Парит!

Со стороны баньки доносились длинные, вдохновенные вопли с красивым чередованием октав и разнообразием полутонов.

– Свят, свят, свят... – улыбаясь в усы, крестились бородачи. А за накрытым столом меня уже дожидались незваные, но приятные гости:

запорожский полковник Левко Степанович Чорный и немецкий посол Кнут Гамсунович Шпицрутенберг.

– Моё почтение, герр Ивашов.

– Здоровеньки були, пане-добродию участковий! А шо цэ там у тебя за визги на дворе? Мабуть, свинью недорезанную кипятком шпарят?..

– Да так... – чуть замялся я. – Просто наш младший сотрудник помогает гражданину Шмулинсону на предмет восстановления его интимной трудоспособности.

– Зер гут!

– Дуже гарно!

С нехорошими антисемитскими улыбками ариец и хохол по очереди пожали мне руку.

Я ещё подумал, что они как-то не так меня поняли... Но сегодня только эти люди могли оказать мне необходимую помощь, поэтому пришлось честно раскрывать карты. Оба слушателя не перебили ни разу; Левко Степанович лишь крутил вислые усы, а Кнут Гамсунович, с разрешения Яги, дымил длинной трубочкой...

– Таким образом, у меня к вам две просьбы. – Я напрямую обратился к полковнику Чорному. – Первое. Работник отделения, Дмитрий Лобов, должен внедриться в запорожскую делегацию и взять всё расследование на себя. Очень прошу поддержать парня, оказывая ему всяческое содействие.

– Добре... – помолчав минутку, решил пан атаман.

– А вас, гражданин посол, я попрошу внимательно ознакомиться вот с этими странными письмами, а также, по возможности, дать мне исчерпывающую характеристику вашего австрийского соседа, некого Алекса Борра.

– Яволь... – так же неторопливо согласился Кнут Гамсунович, пуская дым голубоватыми дрожащими колечками. – Но не уверен, что могу вас хоть чем-то порадовать. Кажется, есть такая русская поговорка: «Не тронь, пока не пахнет...» Дас ист?!

* * *

Я так понял, что формулировка «непрофессионал» для дипломата, занимающегося шантажом, подкупом, интригами, воровством, клеветой и подлогом, – очень мягкая и почти ничего не говорит об истинном характере этого милейшего человека. Готов допустить, что Кнут Гамсунович несколько сгустил краски, живописуя конкурента, но, с другой стороны,

господина Шпицрутенберга мы давно знаем и верить ему можно. Правда, разумных объяснений причин столь пристального интереса хитрого австрийца к работе нашего отделения пока не нашлось. Сошлись на том, что стоит проявить разумную осторожность и особо «военных секретов» Митьке не доверять.

Кстати, я его тут же и сдал... Ну, в смысле, вызвал к себе, поставил перед ним боевую задачу и передал с рук на руки полковнику Чорному. Митя даже всплакнуть попытался, якобы мы от него избавиться хотим и гоним сироту на тихий Дон, на буйный Терек, злых чеченцев его безвинной кровью потчевать... Успокоился, только когда я ему сделал чёткое внушение относительно важности возложенной задачи и возможности проведения самостоятельного расследования. Наш лопух выгнул грудь до треска в рёбрах, а пан атаман ещё и пообещал подарить молодцу настоящую казацкую люльку. Вообще-то зря он так... Последствия, естественно, легли на наши с Ягой головы, а пока гости разошлись.

Шмулинсона под охраной вернули жене. Фома согласился сам навестить ретивых капитанов из ткацкого и кузнецкого кварталов, но это на вечер. А сейчас время было послеобеденное, и мне с бабулей следовало обсудить завтрашний день...

– А хорошо, Никитушка, что хоть не убили никого, пока...

– Меня это тоже греет, хотя в целом сценарий не особо радует. – Я меланхолично общипывал край уполовиненной ватрушки. Есть не хотелось, но Яга так готовит, что всё равно не удержишься.

– Как это?

– Что?

– Ну, ты вот говоришь, будто не радует он тебя.

– Кто?!

– Да сценарий твой, прости, господи, слова мои грешные! – мелко перекрестилась бабка.

– Ах вот вы о чём... – Я мужественно, суровым волевым усилием отодвинул тарелку с ватрушкой подальше. Подумав, ещё и сам отодвинулся вместе с табуреткой, на всякий случай. – Сейчас объясню. Мне не нравится, что у нас одновременно горят сразу три уголовных дела. Две явные кражи плюс одна неудавшаяся попытка убийства. Проблема в том, что подозреваемых на этот раз так много, что мы рискуем просто завязнуть в арестах, приводах, обысках, допросах и отчётах аж до самого лета!

– Не пойму я тебя, сокола... – Яга села в уголок, взявшись за корзинку с вязаньем. – Как же это подозреваемых много? Где ж они все?!

– Объясняю подробнее. Начнём с кражи царского кубка. Кому она

была выгодна? Любой команде, не вошедшей в финал, а значит, практически всем хоккеистам, за исключением наших стрелцов. Так?

– Истинно, – важно согласилась бабка.

Я продолжил:

– Теперь о краже гетманской булавы. Подозревать самих запорожцев не хочется, но надо. Для настоящего казака всё, что лежит без присмотра, – военная добыча! Это у себя, на Сечи, они к воровству суровы, а у нас тырят без зазрения совести. Москальское – значит ничьё! Но даже если все они – чисты как дети, то Гостиный двор, где их разместили, в криминальном плане – сплошные слёзы! Я давно уговаривал Гороха проводить там планомерные чистки, а он всё о дипломатическом иммунитете печётся...

– Не был ведь он таким, Никитушка, – поддакнула Яга. – Совсем недавно ведь, тока намекни государю, сам милицейский произвол чинить побежит! Да как начнёт!.. Тока пух и перья во все стороны! Пообтесался, поди, культуры европейской нахватался, вот и развёл всякое жульё иноземное нашему отделению на шею...

– Это из-за женитьбы, – с пониманием отметил я. – Когда в тереме такое количество зарубежных гостей, волей-неволей приходится сдерживать диктаторские порывы, но речь не об этом... Берём третью позицию – польскую принцессу, отравленную яблоком. Это кому было выгодно?

– Да кому хошь... Вон хоть в любую из оставшихся невест пальцем ткни – сразу в подозреваемую и попадёшь! – резюмировала бабка. Всё верно, в этих случаях она ловит на лету, значит, мыслит параллельно.

– Всё так, я бы ещё добавил послов, дипломатов, курьеров, охранников, прислугу, кучеров и просто сочувствующих. Причём сочувствующие в основном из нашего боярства...

– Да-а, дела... А ить нашим-то небось совсем поперёк горла, ежели государь-то на иноземке женится. Боярский гонор такого позору не снесёт!

– Почему я и говорю – слишком много подозреваемых...

– А ежели их... всех сразу и... – Яга демонстративно пристукнула по недовязанному носку сухоньким кулачком и в ответ на мой унылый взгляд вынужденно покаялась: – Ладно, это я так, сама понимаю, что такого дела одними арестами никак не исправишь. Поворожила бы я тебе, дык ведь и улики ни одной нет, как назло... Ну прям хоть лучше б убили кого!

– Мыслите позитивно!

– Ох, слыхала уже... а только с убийствами у нас завсегда лучше получалось!

– И что?! Самим кого-нибудь пристукнуть?

Как видите, разговор был ленивый, пустопорожний и ни о чём. Со второго этажа по щербатым ступенькам сонно стёк кот Василий. Пристроился рядышком со мной, привалившись спиной к табурету, тупо лупая зелёными глазами. Я опустил руку почесать его за ухом. Кот сначала не понял и разомлел, потом вовремя спохватился, что колдовским котам такие фамильярности не к лицу, и царственно отстранился. Повспоминал о чём-то, слегка стукнул себя лапой по лбу и выудил из-под мышки смятое письмо. Или, правильнее сказать, скрученную грамотку от... дьяка Филимона Груздева! Он у нас в Лукошкине наиглавнейший борец за справедливость, отсюда и дня не пройдёт без нового доноса. Однако на этот раз я держал в руках очередную жалобу.

– Бабуля, хотите послушать, что нам гражданин Груздев слёзно советует? Пардон, просит! А еще вернее – умоляет...

– Обычно грозит, – тихо вздохнула бабка, – геенной огненной, судом Страшным али просто дыбой да острогами сибирскими. Ну дак читай, что ль...

– «Бью челом тебе, сыскной воевода! Уж прости меня, грешного, ежели когда чем тебя ругал... Хоть слова энти неприличные твоя же бабка мне на язык и наложила. А тока не могу я боле молчать и вопиять, аки глас умирающего в пустыне, буду, не услышишь покуда! Нет моченьки моей в хоккей твой богопротивный играть... Бьют же меня! Слышь, ты, участковый?! Тебе по должности людей охранять положено, а меня при всём честном народе гнутыми палками поперёк хребта охаживают, так что только хрящики пищат! Отец Кондрат как белены объелся, ни о чём, окромя победы энтой окаянной, и слушать не хочет. Ночей не спит, всё попадье своей про кубок чемпионский вещает, измаялась баба... А обо мне, сироте, ни у кого и горя нет?! Смилуйся, Никита Иванович! Всё тебе прощу, зла помнить не стану, помолюсь даже, а ежели что, дык и информацией какой ни есть завсегда поделиться готов! А знаю я ох как много... Вона боярин Крынкин, к примеру, давеча девку сенную, царскую, тайком комом снежным за шиворот опозорил. Визгу-то было! Чем не дело уголовное?! Али еще вон...»

Я отложил письмо, встал и, победно глянув на Ягу, сунул коту в лапы кусок ватрушки. Яга, опустив глаза, взяла со стола миску с вожденной сметаной и честно поставила на пол перед героем дня.

– Итак, «Святые отцы»?!

– Пиши повестку, Никитушка...

В конце концов это была первая, робкая ниточка. На самом деле я не очень-то верил в то, что беседа с отцом Кондратом принесёт хоть какие-то плоды. Этот небезызвестный святой отец двухметрового роста, весом под сто пятьдесят кило уже дважды бывал у нас в гостях. Увлекающаяся, страстная натура, нечисть его боялась как огня. Таким людям суждены великие дела, и со временем отец Кондрат непременно станет патриархом всея Руси... если, конечно, в самый неподходящий момент не залетит на пятнадцать суток. Однако вызывать местное духовенство в отделение казалось всё же не совсем правильным с точки зрения этики и уважения чувств верующих, поэтому я предпочёл прогуляться сам. Погодка солнечная, морозец лёгкий, почему бы и не пройтись по снежку до храма Ивана Воина? Яга в принципе не возражала...

Я козырнул ребятам у ворот и вышел на улицу. Охранные стрельцы стояли навтыжку, и только рядовой Заикин полез было с пожеланиями «д-доброе пу-ути!», но его быстренько затёрли боевые товарищи. На секундочку мне показалось, будто бы щёки парней так и распирает от невысказанной тайны, но это, наверное, не важно... Какие уж там тайны у наших же стрельцов?

Идти было не очень далеко, два квартала до базара, там – налево, а за поворотом до златоглавого храма уже рукой подать. Мне там нравилось. В отличие от новгородских или киевских соборов даже самая махонькая церковка в Лукошкине была расписана как пасхальное яичко! Храм заступника всех служивых людей, святого мученика Ивана Воина, радовал глаз стройностью архитектуры и яркостью внешней росписи. Над его крышей трудился небезызвестный богомаз-авангардист Савва Новичков. В своё время мы удачно пристроили его маляром, и парень, конечно, расстарался. Полюбоваться на новую крышу в стиле русского кубизма приезжали со всех концов страны и даже из сопредельных государств. А картинку с купающимся ангелочком он мне всё-таки подарил...

Вот так, с тёплыми воспоминаниями и чистыми помыслами, я шёл себе в гости к отцу Кондрату. Встречные граждане, продавцы и зазывалы на базаре как-то очень уж заботливо косились в мою сторону, а я... Честное слово, первоначально я не сразу уловил, что, собственно, происходит.

– Э-э... доброго здоровьичка, батюшка сыскной воевода! Дай бог вам всех злодеев собственноручно заломать, а уж мы не без понятия... Молчим-с!

Молодой парень, явно из конюхов, многозначительно подмигнул, приложил палец к губам и сделал нарочито равнодушную физиономию. Я автоматически козырнул. Похоже, это послужило сигналом для остальных:

– Ничё, ничё, Никита Иванович! Оно ужо, ужо... друг сердешный! Мы-то, чай, не энтим шиты-деланы, ага... Тс-с-с!!!

– Знамо дело, мужики, в таком разрезе без секретности полной – всё одно што лопатой блох бить! Тс-с-с!!!

– Дык, гражданин участковый, мы-то покумекали тута... Таперича хто шо без твовова слову тока брякни – могила... Тс-с-с!!!

– Мама, мама, мама!.. А можно я дяденьке-милиционеру тоже скажу, что ничего не скажу про то, что сказать нельзя, потому что ежели скажешь, то... Тс-с-с!!!

С базара я буквально вылетел... Нет, если бы бежал, так они бы следом увязались «подмогнуть органам». Для нашего народа, если милиция бежит, значит – кого-то ловит! В сущности, всё логично, обычно так и есть, но не в сегодняшнем случае. Создавалось нехорошее подозрение, словно весь город знает о какой-то тайне, а мне не говорит. И самое худшее, что все они наверняка считают, что уж я-то точно в курсе... Последней каплей был знаменитый юродивый Гришенька, сидящий в сугробе, а потому одетый по-зимнему: в ту же знаменательную драную рубаху, косой платочек на голове, удвоенные вериги и... новёхонькие шерстяные носки с узорчиками.

– Не оставь милостью своей, Господь-батюшка, помоги милиции! Ох и трудна жизнь у Никиты-сыскаря... За весь честной люд костыми ложится, кровушкой кашляет, головушкой мается, а тайны следственные пуще глаза хранит! Все ли слышали, православные? Всё ли поняли? Все ли помните?! Тс-с-с...

Я молча купил ему пирог с визигой и сунул прямо в руки, юродивый счастливо отвлёкся. Вот так вот, и этот туда же... А кстати, закалка у парня – любой индийский йог обзавидует! Весь год босиком, в одной рубахе, и хоть бы хны, даже насморка не бывает. Видимо, это и есть сила веры...

С такими мыслями я вошёл в ухоженный дворик храма Ивана Воина. Всю базарную суету из головы выбросил, поймал первую же встречную бабульку в чёрном, уточнив, у себя ли отец Кондрат. Оказалось, что да. Как, куда пройти, мне тоже было известно.

Отдыхающий священнослужитель сидел у себя в каптёрочке, разговляясь чаем с бубликами.

– День добрый!

– Изыди, сатана!

Не пугайтесь, это такое дежурное приветствие. Всё-таки он дважды у нас сидел...

– А я к вам по делу, Кондрат Львович. Побеседовать, так сказать, в непринуждённой обстановке...

– Арестовывать будешь, Геерон сладкоречивый, али как?!

– Али как... – решил согласиться я. – Сегодня у нас профилактический день.

– Чаю? А может, покрепче чего? – густым басом осведомился святой отец. – Так имей в виду, не дам! Ибо во храме Божиим кагор стаканами пить не позволяю!

– Хорошо, тогда чай.

По мановению мизинчика настоятеля две шустрые старушки с зашуганно-благообразными личиками быстренько поставили передо мной глиняную кружку с отбитой ручкой и пару сушек на блюдечке. Ложку мёда в чай я положил сам, внаглую, невзирая на гневный писк пенсионеров. Пили молча, стараясь не смотреть глаза в глаза, поэтому один раз даже едва не взяли одновременно одинокий бублик со стола. Бабки гневно перекрестились, а мы величественно уступили друг другу. Короче, несчастный бублик так и остался несъеденным...

– Ну и как православная жизнь в храме в целом? – издалека, с подтекстом начал я.

– Господь милостив, – не менее дипломатично отвечивал отец Кондрат. – Люди в церковь за утешением да за советом добрым ходят. О душе бессмертной пекутся, не то что некоторые тут...

– Именно!

– Чего именно?!

– Именно о душе бессмертной я и хотел с вами поговорить, – определился я, подбрасывая в общем-то вполне безобидные вопросы. – А не напомните ли мне как неспециалисту: воровство точно относится к семи смертным грехам? Или для священников есть отдельная статья?

Отец Кондрат уронил чашку... Глиняные осколки вперемешку с остатками чая так и брызнули во все стороны! Старухи кинулись за тряпками, если бы их взгляды обладали испепеляющей силой – я был бы сожжен уже раз двенадцать. Святой отец неторопливо встал, обтёр пальцы о рясу, откинул назад гриву спутанных волос и, повернувшись ко мне, вытянул руки вперёд:

– Моя вина и мой грех! Вяжи, участковый...

В отделение выбрался уже затемно. Прикупил связку бубликов по дороге, пару раз скатился с горки с ребятами, иногда это куда лучше способствует пониманию «чести мундира», чем любые просветительско-запугивающие акции. Да и для самих детей имидж дяди-милиционера меняется бесповоротно. У базара встретил двух наших стрелцов – ребята возвращались с обхода и проводили меня почти до порога.

Яга в тот вечер была необыкновенно суетлива, постоянно что-то шумно роняла и вообще встретила меня несколько отсутствующе. Чувствовалось, что мысли нашего эксперта-криминалиста витают где-то далеко с явным намерением свить временное гнездо в царском тереме. Кот Василий с самым сосредоточенным выражением на усатой морде складировал в плетёный короб бабкины вещи.

– Когда отправляетесь?

– Да небось уже завтрачка на зореньке и поеду, – неуверенно протянула Яга. – Вот всё думаю, а постелю мне с собой заворачивать али всё ж таки какой простынкою государь обеспечит?

– Вы же на задании, значит, все вопросы бытового устройства Горох решит на месте. Не сомневайтесь, всё необходимое вам предоставят, с чего нервничать?

– Ох, Никитушка-а... – Моя хозяйка неловко бухнулась на скамью и вздохнула так тяжело, что у меня едва не навернулись слёзы. – Боюсь я... чай, не к соседке иду, ночку за разговорами бабьими коротать, а к самому царю-государю! А ну как скажу чего не так? Али невесту какую ни есть провороню?

– Ваша задача – спасение польской принцессы от пищевого отравления, а также предотвращение повторных или идентичных актов по отношению к прочим гражданкам соискательницам, в самом крайнем случае допустима попытка самостоятельного обнаружения и ареста злоумышленника... – едва не выдохся я, но, взяв себя в руки, продолжил перечисление: – А уж никак не взваливание на себя обязанностей телохранительницы или тайной советчицы. Иными словами, навязывание любых функций вне ваших прерогатив имеет чреватый оттенок и юридически будет обосновано как некомпетентное вмешательство.

– А по-русски? – жалобно всхлипнула Яга.

– Не лезьте не в своё дело, – резюмировал я. Бабуля сразу разулыбалась и даже немножко похихикала в кулачок. Кот философски

хмыкнул, пакуя юбки, а мы приступили к вечернему чаепитию. Как я уже, кажется, говорил, в этом мире все вопросы решаются за самоваром, а все дела заканчиваются в бане. – Прошу к столу!

Разговор был долгим...

– Дык что ж ты его не заарестовал?!

– Это не он.

– Как не он, Никитушка?! Да кому ж, окромя отца Кондрата, и быть-то в этом деле по маковку замешанным? Хватать его надо было, злодея долгорясого, пока он тебе самолично признания делал!

– Отец Кондрат не признавался в непосредственном участии в краже чемпионского кубка.

– Всё одно он энтó! – продолжала горячиться бабка. – Все факты логические супротив него говорят, вот сам посмотри. Кубок царский хотел! В терем государев вхож! Тебе сам себя сдать пытался! И самое главное, что ведь брали мы его уже...

– Тоже мне нашли уголовного со стажем... Кубок все хотели и хотят, в царские палаты сейчас каждый второй ходит, а мне отец Кондрат признался всего лишь в своём самом страшном грехе – азарте.

– Ну и вот! – аж подскочила Яга. По её мнению, тут и крылась первопричина всех бед и ответ на все вопросы.

– Увы, уголовно ненаказуемо... – разочаровал я. – Именно как азартный человек Кондрат Львович голову положит, лишь бы завоевать кубок, но красть его не станет. Не станет, потому что в этом случае его никому не покажешь, не похвалишься, не погордишься! А ему хочется, чтоб его с почётом пронесли на руках через весь город как победителя, с чемпионской лентой через плечо и с кубком в руках...

– Тоже верно, – беспокойно завозилась Яга, краснея, как пятиклассница. – От ить сколько себя за винище это шампанейское ни корю, а никак не вспомню, кого же ещё девки у дверей царёвых видели! Вот ровно напрочь отшибло всю память...

– Да ладно вам!

– Нет, вот те крест, Никитушка, на работе боле не пью!

– Хорошо, проконтролируем.

– Вот, вот... оно и правильно, – строго подтвердила узница совести. – Потому как ряды наши милицейские особенно чисты быть обязаны, ибо...

– Бабуля, да что с вами сегодня?! – даже обеспокоился я. Яга – старушка сентиментальная, но подобные самобичевания для неё редкость. Однако на этот раз она и отвечать не стала, отвернувшись, буркнув нечто неразборчивое, и я понял, что эта тема пока закрыта.

Вскоре появился Фома Еремеев. Он провёл душевное собеседование с нашими рэкетирами-хоккеистами и сведения принёс неутешительные. По его словам, оба капитана впали в глухую обиду, покаившись перед нашим сотником как на духу. Мужички клялись и божились, что на самом-то деле всё было абсолютно не так. Дескать, ещё за день до игры их поочерёдно посетил Абрам Моисеевич с сугубо деловым визитом. О цели разговора долго догадываться не приходилось: каждому было предложено добровольно внести в фонд семьи Шмулинсон некое денежное пожертвование. В этом случае давалась пятидесятипроцентная гарантия победы в хоккейном матче. В случае проигрыша (ну мало ли чего не бывает) деньги возвращались безоговорочно! Афера проста, как мычание. При любом исходе игры прохиндейский судья получал свой навар, не прикладывая к этому практически никаких усилий. И, что самое смешное, судил действительно честно! Шмулинсона сгубила роковая случайность: жена капитана ткачей приходилась троюродной сестрой золовке капитана кузнецов. Мужья поделились с жёнами, жёны друг с другом, и... постепенно все прозрели. Когда бодрый гробовщик увидел в окно смешанную делегацию, спешащую к нему за разъяснениями, он не стал дожидаться финала трагикомедии и сбежал. Как вы помните, под наше милицмейское покровительство...

– Завтра же утром всех троих ко мне в отделение, – отсмеявшись, приказал я. Еремеев только хмыкнул:

– Уже сделано, Никита Иванович, а твои-то дела как?

Пришлось ещё раз повторить историю моего «профилактического» визита к настоятелю храма Ивана Воина.

– А чего ж он тебе руки под арест совал?

– Он второй день тайно наблюдает за нашими тренировками, думает, я вам какие-то секреты открываю. Вот эти секреты он и намеревался «украсть».

– Ну так не украл же пока?

– Это потому, что их и в помине нет. Но ты понимаешь, человек ведь искренне кается в своей слабости, но сам ничего с собой поделать не может. Вот отец Кондрат и упрашивал меня посадить его на недельку к нам в поруб на хлеб и воду для профилактики и «смирения духа ради»! Пришлось объяснять, что мы тут такие оригинальные епитимьи не накладываем. Обиделся...

– Надо же... – покачал головой Фома. – А бабуля ваша куда переезжать собирается?

– В терем к Гороху на пару дней как консультант-психолог, – не

моргнув глазом соврал я.

– Угу... а Митяй куда удрал?

Ответить я не успел. В дверь постучали, и из сеней вывалился молодой, не слишком трезвый запорожец. Двое наших стрельцов поддерживали его под белы ручки, а хлопец, приплясывая, честно пытался доложить:

– Па... пан есаул Дм... ит...ро Лыбенко просив казати, що... що не прийде!

– И что же его так задержало? – ровно спросил я.

– А... це – горилка-а-а!!!

* * *

– Сгубили мальчонку, – похоронным голосом обобщила Яга, когда наши стрельцы пошли провожать гостя суверенной Украины на Гостиный двор. Фома увязался следом, проконтролировать, что и как (ну, в смысле, если наших начнут так же активно угощать, парни могут и не выдержать...). Вот чего-чего, а этого я от Чорного не ожидал. И в голову не могло прийти, что они начнут расследование с огульной пьянки. Хотя, возможно, это и не полковник начал...

– Ну, насколько я знаю нашего Митьку, нужную информацию он и в пьяном виде вытянет. Может, он сам их на это дело спровоцировал?

– Да хоть бы и сам! Знаем мы этих казаков... Задурят парнишке голову – не токмо следствие, а и сотрудника ценного потеряем. Не-е, Никитушка, надо тебе завтра с утречка вертать взад сиротинушку нашего...

Я недоумённо поморщился: что-то мудрит бабуленька. Обычно Митяй от неё только подзатыльники взахлёб огребал, а тут нате вам – беспокоится...

– И не смотри на меня так, участковый! – то краснея, то бледнея, продолжала буйствовать Яга. – Рази ж я Митю нашего не берегла, не голубила? Али когда он тут голодным ходил, незаштопанным да недостираным?!

– Я так понимаю, что превращения в щенка, в петуха и постоянные угрозы вкупе с трудовыми повинностями в счёт уже не идут?!

– Дык это ж от любви и заботы материнской! А так я ж за него, за кровиночку нашу милицейскую...

– Не темните.

– Кто – я?! По-хорошему говорю тебе, участковый, забери назад

работничка нашего!

– Ага, вот это уже чуть ближе...

– Ну, хоть ближе, хоть дальше, а хоть и зад с передом местами поменяй, но слово моё верное! Справедливое потому как... – окончательно надулась Яга, в пылу спора раскрывая карты. – На дворе снегу намело, в сарае скотина некормленная, труба печная забилась, лёд в колодце каждый день долбать надо, дров нарубить, на базар за покупками сбегать, баньку истопить, да мало ли...

– Да уж, не мало... – безоговорочно согласился я.

– Мне вона к царю идтить, тебе – следствие производить, кто за хозяйством-то следить будет?! Стрельцы еремеевские тока на охрану хороши, а от дел домашних давно руки отвыкшие. Ох, грех на мне, старой, не ценила Митеньку нашего золотого, брильянтового-о-о...

– Ладно, давайте без слёз и завываний, как-нибудь сами справимся. Но скажите честно, у вас ведь есть какая-то личная причина не доверять запорожцам, да?

Сначала Яга отвернулась, потом, подумав, покосилась на меня и, сентиментально шмыгнув носом, признала:

– Есть, Никитушка... От взгляда твоего следственного, пронизательного, ничего, видать, не скроешь. Была у меня одна история с есаулом молоденьким, что, на свою беду, задремал под сосной да сны разные про семейство своё разглядывал... Ужо как-нибудь да расскажу, даже слезливое повествование...

– А почему не сейчас?

– А потому как сейчас чует моё сердце беду неминуемую...

– Батюшка сыскной воевода! – раздалось из сеней. – Тут гонцы царские, спешные, пожаловали. Говорят-де, у государя канарейка любимая яблочком мочёным подавилася!

– Профессиональная интуиция, – небрежно бросила Яга в ответ на мой обалделый взгляд и бодро засеменила на выход.

Я основательно потряс головой: итак, вторая невеста приняла горизонтальное положение. Бабка права: пора браться за это дело всерьёз; если мы начнём терять их такими темпами, Горох вместо женитьбы получит глобальную войну с объединённой Европой! Боже, там же ещё одна милашка из Африки... На секунду перед моим мысленным взором мелькнули боевые слоны, гепарды на поводках и чёрные воины в леопардовых шкурах, с копьями и ожерельями из человеческих зубов на заснеженных улочках мирного Лукошкина. Где мой тулупчик?!

– Я с вами! Василий, планшетку не видел?

Кот указал лапой на вешалку, деловито сунул мне фуражку, проводил до дверей и даже вроде бы тайком перекрестил на дорогу.

А за воротами нас ждали роскошные царские сани, запряжённые тройкой белоснежных рысаков. Стрелец Заикин попытался перехватить меня за рукав уже в момент посадки и, как всегда, донести что-то страшно серьёзное:

– А вот Фом-м-м...

– Фоме Силычу передай, что я у Гороха, вернусь поздно.

– Ага, а во-во-ро-о...

– Ворота запирайте, я постучу.

– Угу, и н-не-е-е...

– Забодал он меня, бабуля! – не выдержав, взорвался я. – Чего ему еще от меня надо?!

– «Не извольте беспокоиться», – ровно перевела Яга, и ошастливленный стрелец закивал ей с самой благодарной улыбкой. – Займусь я тобой, добрый молодец, ты тока напomini по возвращении. Ну да садись же, участковый, поехали! Как-никак сам царь ждёт...

– С очередной канарейкой в опочивальне?..

– Стыдись, Никитушка!

В принципе шутить на эту тему уже было и не смешно. Яга задумчиво уткнулась носом в тёплый платок, закрылась в скорлупе собственных воспоминаний, а хрустальные снежинки быстро делали её похожей на престарелую Снегурочку. Ладно, может, вспомнит что-нибудь полезное...

В голове, надо признать, пусто, как... не знаю где. Такой классический чёрный вакуум без единого дуновения ветерка, робкой искорки прозрения или хоть какого-то намёка на то, что раньше здесь проживали мысли... Почему-то всплыл образ нашего пришибленного петуха. Как вы помните, бедняга на зиму был посажен под арест в тёплый курятник. Ему там тихо, уютно, сухо, сытно, и обожающих курочек-несушек под боком – только хвост распускать успевай! Орёт, конечно, по-прежнему, но из-за стен курятника его толком и не слышать, так что сплю спокойно. А как всё-таки приятно, когда по утрам ни одна пернатая зараза тебя не будит...

Потом вспомнилась Олёна. В деле о краже чертежей летучего корабля она сыграла роковую и даже в чём-то противоречивую роль. Я почему-то верил в то, что хорошего и светлого в её душе всё равно больше... Можете назвать это глупостью или сентиментальной влюблённостью молодого милиционера, мне без разницы. Яга потом даже как-то гадала мне на картах, и действительно выпала будто бы нам встреча с сердечным разговором и большой прибылью в казённом доме.

О краже царского кубка заставил себя думать почти силой. Всё равно ничего путного на ум не приходило. С точки зрения рабочей логики, надо бы выделить два направления расследования: целенаправленной кражи и спонтанного похищения. Почему мы так сразу заикнулись на идее умыкания чемпионского кубка представителями хоккейных команд? Ну да, для них это бесценный приз, но не будем забывать о том, что золотой кубок с чеканкой и самоцветами, доверху наполненный червонцами, и сам по себе очень лакомый кусочек. Причём для любого! Даже самые честные и порядочные люди, сталкиваясь с подобным искушением, частенько теряют голову, безрассудно совершая первое в своей жизни преступление. Как правило, оно и последнее, ибо ловят таких умников почти сразу же. А в царском тереме сейчас столько разного люду, что после отъезда гостей горничные и дворовые девки ещё долго будут докладывать о недостатке серебряных ложечек и филигранных подстаканников.

Кто-то мягко толкнул меня в бок...

– Никитушка, ты не уснул ли? Приехали.

– А? Что? Нет конечно! Ну так где тут наш любитель заграничных птичек...

* * *

Первоначальное впечатление – аховое! Входим в кабинет, озираемся по сторонам – никого. Возвращаемся к стрельцам у дверей честно проконсультироваться, может, мы чего не поняли...

– Где царь?

– Дык... у себя же!

– В смысле, там?

– А как же!

– Ну-у... вообще-то там никого нет.

– Не может быть...

– Честное милицейское!

– Да там же он! Никуда и не выходил, вот те крест, участковый!

Пожали плечами, вернулись обратно. В кабинете никого, в спальне... почти никого (в смысле, царя точно нет, а очередная претендентка на русский престол лежит как миленькая!). На скамье скинутое парчовое платье, сама девица из себя рыженькая, внешне – вылитая Милен Фармер, вся в невообразимых брабантских кружевах, больше похожая на десерт из взбитых сливок. Общее впечатление портила только чуть впалая грудь и

желтоватые пятки. Кроме неё на кровати никого, маленькое окошечко намертво забрано решёткой. Нам с бабкой стало уже совсем не смешно...

– Эй, кремлёвские гвардейцы, я не понял вашего изощрённого юмора, где царь?

Мнения стрельцов разделились, во всей красе отразившись на встревоженно-верноподданнических лицах. Двое явно решили, что у меня ум зашёл за разум или я просто издеваюсь. Двух других, наоборот, посетила светлая мысль о том, что они чего-то недоморгали ни за понюх табаку! Потом эти четверо так выразительно переглянулись, что я сразу понял – сейчас они засучат рукава и жизнь положат, только бы убедить вторую половину караула в своей исключительной правоте. Но, прежде чем все мы (включая и меня) успели открыть рты, из-за дверей высунулся озабоченный нос Бабы Яги:

– Подь-ка сюда, Никитушка, отыскался царь!

У меня аж ком в горле встал, когда я увидел... Царь Горох, самодержец и помазанник Божий, скрючившись в три погибели, лежал под кроватью и смотрел на нас добрыми, печальными глазами. Требовалось проявить такт и сострадание: ещё чуть-чуть – и разревётся человек...

– Бабуля, мы прикрыли дверь? Спасибо, а вы, гражданин, всё же вылезайте, простудитесь на холодном полу...

Горох сдержанно всхлипнул, прижал обтянутые длинной рубахой колени к груди и отрицательно замотал бородой. Мы с Ягой продолжали уговоры:

– Негоже государю русскому пыль под кроватями нюхать. Цари, они ить перед самим Господом в своих делах ответ держат! Невмочно им в трудный для родины час по опочивальням прятаться, по юбкам бабьим шарить... Чего ж ты там, батюшка, высидеть вознамерился? Вылезай! Добром тебе говорю – вылазь, похабник! А не то у меня... сам знаешь!

– Бабушка! Прекратите немедленно, вы его так вконец запугаете... Не слушайте её, ваше величество. Ползите сюда, вы находитесь под охраной милиции. Не волнуйтесь, я за вас заступлюсь!

Государь, недоверчиво пошмыгивая, бочком-бочком попытался выдвориться наружу. Классическая тактика «доброго и злого полицейского» по-прежнему себя оправдывала. Мы только перемигнулись, подхватывая Гороха под белые ручки и осторожно усаживая на ту же скамью (платье бабка аккуратно свалила в угол). Видя, в каком состоянии царь, я без разрешения достал из стенного шкафчика зелёный штоф, от души набулькал полный стакан водки, а уж выпил Горох молча и тупо, как родниковую воду.

– Полегчало?

Он не реагировал. Повторить ещё стакан «лечебного эликсира» я не решился, опасаясь передозировки. Видимо, следовало применить несколько иную тактику: Яга встала позади государя, положив сухонькие ручки ему на плечи, а я попытался говорить как можно сдержанней и мягче...

– Хорошо, мы ни о чём не будем вас расспрашивать. В конце концов это ведь не допрос?! Нет? Мы ведь просто пришли к вам в гости, по вашему же приглашению, побеседовать за чайком, в приватной обстановке, о всяком разном – и только! Давайте вот как поступим: я вам буду говорить о том, что здесь, по моему мнению, произошло, а вы кивать. Договорились? Нет, если я ошибусь, то кивать, естественно, не надо. Вот и хорошо, продолжим...

Царь вообще-то молчал. Но молчание – знак согласия, и потом он, кажется, как-то по-особенному дёргал левой бровью. Короче, мы предпочли трактовать это как знак готовности к сотрудничеству...

– Итак, к вам на огонёк совершенно случайно забрела незнакомая рыженькая иностранка. Судя по панталонам с кружевами – европейская принцесса, африканки и японки одеваются несколько иначе. Вы разговорились, приятно пообщались, предупредили стрельцов, чтоб не беспокоили, и невзначай коснулись темы моды. Она вам показала, какое именно бельё популярно сейчас в лучших домах Парижа, а вы ей – как удобны свободные русские штаны и сапоги, так?

Бабка, неслышно шагнув в сторону, извлекла всю нижнюю часть царского гардероба откуда-то из-за спинки кровати. Горох зябко пошевелил голыми ногами, но ничего не опротестовывал...

– А когда вы отвернулись, гражданочка, так же совершенно случайно, надкусила какой-нибудь экзотический фрукт вроде мичуринского яблока. После чего и откинулась тут же на кровати, оставив вас в печали по безвременно ушедшей собеседнице. С горя вы крикнули стрельцам, чтобы они позвали сюда всё отделение, а сами решили нас разыграть. Спрятаться под кровать, и пусть милиция поищет. Вот будет смеху, правда?

Я протянул руку и вытащил из-под рыжих кудрей надкушенное зелёное яблоко. Горох вздрогнул, уронив голову в ладони...

– Будем говорить или как?

– Будем, – глухо буркнул государь, не поднимая головы, – но ежели ты, участковый, от этой беды меня не отмажешь, то вот тебе моё царское слово: мой меч – твоя голова с плеч!

– Ба-а-а, Никитушка, да он тебе же ещё и грозит?! – искренне завелась

Яга. Наш эксперт-криминалист, похоже, чересчур переувлеклась, и я пристыдил её самым укоризненным взглядом.

– Итак, я ничего особенно не напутал?

– Даже не знаю. – Допрашиваемый самодержец вскинул соболиные брови, безапелляционно отобрав у меня штоф и стакан. – Тебе не наливаю, ты на службе! Значит, слушай сюда. Я её в свои покои не звал, она сама пришла...

– А то! Чёй-то, я гляжу, батюшка, царевны иноземные к тебе в штаны так и прыгают, а ты, агнец невинный, тока краснеешь, аки девица стыдливая...

– Вот те крест, бабушка, сама она пришла! Я по делам государственным в комнатку заглянул, отдышаться дабы, ан слышу, шорох какой... Дверцу-то приоткрыл, а там – мать честная! Лежит на кровати моей мамзеля французская, дочь Карла ихнего, и вся из себя уже... в одном исподнем... с кружавчиками!

– Чуть подробнее, пожалуйста, я записываю.

– Пиши да меру разумей! – наставительно отметил государь, заглядывая мне в планшетку. – Так вот, я, памятуя случай прошлый, сразу к стрельцам побежал разнос учинять – дескать, кого они тут напустили?! А только те бугаи бородатые лишь ухмылочки в усах прячут. Я назад, говорю ей по-французски: мол, не пошла бы ты, Жозефина Карловна... подальше куда! Так эта стервь лягушачья ажно захихикать изволила и яблочко так игриво надкусывает, потягиваясь... Я и обомлел!

– А она?

– А то сам не видишь?! Как потянулась, так уж и не выпрямилась. Стрельцам крикнул, чтоб за тобой звали, а сам тело ейное охранять остался...

– Что скажете, бабуля? – недоверчиво хмыкнул я.

– Да врёт он, Никитушка! – не примериваясь, припечатала бабка. – Пуцай лучше скажет, в какой такой момент с него штаны с сапогами спрыгнули да за спинку кровати убежали? Со стыда, что ль, али как? Ой, а покраснел-то, покраснел-то, покраснел...

* * *

Положа руку на сердце, признаю – Горох не очень-то уж и соврал. То есть соврал, конечно, но самую капельку... Штаны он, естественно, снял сам и сразу, только потом ему в башку стукнуло предупредить стрельцов,

чтоб никого не пускали, а дядя Фильку вообще гнали в шею, как только покажется хотя бы в конце коридора. А вот когда возбуждённо запрыгал обратно, тут и увидел сцену с яблоком. Предотвратить не успел, увы... В остальном всё рассказывал честно. Мы с Бабой Ягой дали государю возможность одеться по-человечески, а сами, встав у окна, быстренько договорились о стратегии расследования.

– Я попрошу вас прямо сейчас остаться здесь, будете работать под прикрытием. Необходимо втереться в круг невест (кстати, сколько их осталось?) и деликатнейше выяснить, у которой из них имеются в наличии необходимые ядохимикаты. Не грех также поинтересоваться, кто имеет непосредственный доступ к яблокам. Так, а яблоки местные? Точно с царской кухни?! Ну, это несколько усложняет поиск – их ведь наверняка может каждый набрать... Ничего из ряда вон выходящего не предпринимайте, главное, чтобы вас не раскрыли. Связь держим через кота, я ведь могу на него положиться?

– Зима, холодно Васеньке лапки морозить, – на мгновение озаботилась Яга, – но за-ради дела милицейского уж потерпит, небось не простудится. Тока ты, сокол, у него каждый вечер нос щупай – не горячий ли?!

– Замётано, – серьёзно кивнул я, плохо представляя себе эту сцену. Бабкин кот мне себя и за ухом почесать не позволял, у него, видите ли, достоинство... а тут нос щупать? Да я за ним два часа по всему терему гоняться буду...

– Эй, Никита Иванович, а мне-то что делать?

– Вам? Да в общем-то вы, что могли, уже сделали...

– Я серьёзно спрашиваю! – надулся царь. – У нас уже в хоромах соседских одна невестушка лежит, так, может, и вторую туда же?

– И третью, и пятую, пока всех не перетаскаем! Завязывайте вы с этим делом, и чтоб я больше девиц у вас в кабинете не находил. Кстати, а вы её целовать не пробовали?

– Чмокнул разок, на всякий случай, – припомнил Горох, – но не пробудилась. Может, я не ейный принц, а может, тоже... с девичеством не всё гладко. Франция – она завсегда в этом плане уж больно легкомысленна была...

– Не факт.

– Согласен, а всё ж таки... Может, ты её тоже поцелуешь? А, участковый?!

Я оглянулся на бабу, Яга равнодушно покривила губки, по-моему, она уже знала результат. Подошёл, поцеловал по-быстрому, продублировал – девушка как лежала бревном, так и лежит. Даже на другой бок не

повернулась... Надо срочно искать другое лекарство, это уже во второй раз не срабатывает.

– Попрошу принять все меры к тому, чтобы на исчезновении гражданки Жозефины Карловны... Бурбон?! Прямо как марка коньячного завода... Ну, бог с ней, пусть будет Бурбон. Главное, чтобы внимание на её исчезновении не заострялось. Дайте знать прессе и дипломатам, что обе девушки поселены отдельно как наиболее подходящие кандидатки на престол. Наврите, в конце концов, как-нибудь поправдоподобнее! Нам надо выиграть время. Вопросы есть?

– Как с кубком-то дела? – спросил подуспокоившийся царь.

Я почесал в затылке:

– Пока никак! Там ещё новое дело нависло, я не помню, о краже запорожской булавы мы вам не докладывали?

Оказалось, что нет. Ещё с полчаса разбирали и эту ситуацию. Горох вновь полез давать советы, хотя ему вроде бы следовало ограничиться собственными проблемами. В иное время, как я понял, государь вполне удовлетворился бы честным словом полковника в том, что булава была. Но именно сейчас, в свете последних событий, он просто из принципа не может позволить какому-то наглому жулику разгуливать по Лукошкину с гетманской булавой под мышкой. Тем паче с царской! Даже не видя оной, Горох счёл украденную драгоценность своей кровной собственностью, упёршись как баран: вернуть, и точка! Вернём, вернём, куда мы денемся... Распоряжение на тщательный обыск всех выезжающих за пределы города я дал Еремееву самолично, и государь не обиделся. Наоборот, предоставил полную свободу действий и право игнорирования указов всех чиновников при полной конфиденциальности ведения дела. То есть по ходу расследования я могу, например, наплевать на мнение таможенных служб, но так, чтоб они этого не заметили... Соломоново разрешение всех вопросов!

Сани на обратную дорогу мне предоставили. С Бабой Ягой мы сурово, по-милицейски, попрощались у ворот, она направилась «внедряться в среду», а я поехал в отделение. Добрался без приключений. К ночи разыгралась метель, но в царских санях с медвежьей полостью было тепло и уютно. У ворот встречали дежурные стрельцы. Еремеев просил передать, что зайдёт утром. Запорожца они доставили без осложнений, а вот переговорить с Митькой не удалось: новоявленный есаул дрых в обнимку с казацким седлом (явно подарок полковника Чорного). Бабкин кот Василий делал вид, что спит, свернувшись калачиком (вру, здоровенным таким калачищем!) у печки. Кто-то из ребят позаботился поставить для меня

самовар, за печной заслонкой стоял ещё тёплый горшок с гурьевской кашей.

Сидеть за столом вот так, в одиночку, было горько и непривычно. На меня накатила жуткая тоска... Митька – у запорожцев, пусть он дурак и ходячее бедствие, но без него скучно. Парень-то он небезнадёжный, в сысской работе помаленьку обтирается, юмор понимает и песен знает много. Если бы не его извечная борьба за качество кислой капусты, слабость к женскому полу и зелёному змию... С другой стороны, все те же качества у того же Джеймса Бонда мы, например, только приветствуем.

В общем, Яга права, Дмитрия Лобова нам терять никак не стоит. О самой бабке тоже ничего плохого не скажу. Даже больше: если бы не она, полусказочный, полумультипликационный персонаж, вся работа отделения могла пойти совсем иной колеей. На моей памяти никто и никогда ещё так не заботился о чести милицейского мундира, как наша Баба Яга! А уж как она готовит... Нет, без бабки в доме совсем плохо. Как же она там одна, в громадном царском тереме, пытается незаметно втереться в ряды царских невест?... Боже, что я несу?! Не в том возрасте наша бабуля, чтоб в невесты втираться. Притворится нянкой какой-нибудь... Хотя, если бы у меня в детском саду была нянечка с таким носом и такими зубами, я б до сих пор заикался! Ладно, оставим все проблемы на завтра. Лейтенант Ивашов, из-за стола встать, кругом, наверх по лестнице марш! И спать, спать, спать...

* * *

А утречко было то ещё... Хотя нет. Сначала был сон, длинный и дурацкий. Ерунда всякая снилась из голливудских боевиков, что-то вроде Шварценеггера в Митькином тулупе, почему-то взасос целующего дьяка Филимона Груздева. Причём последний не сопротивлялся, а, наоборот, кокетливо вертел засаленной косичкой. Потом собаки уличные драные, троллейбус двенадцатого маршрута прямо в бывшем дворе бояр Мышкиных, ещё тому подобная чепуха... Да, петух опять снился. Бледный какой-то, нахохлившийся... Как же, оказывается, не хватает зимой пения этого пернатого гада!

– Батюшка сысской воевода-а... Никита Ивановичи-и-и, вставайте! – с грубоватой мужской заботой меня взболтали за плечи. Открываю глаза – передо мной виновато улыбающаяся морда одного из наших стрелцов. – Вставайте, Никита Иванович, утро давно.

– А-а-а... что там, проблемы заели?

– Никак нет, а только вы ведь судью хоккейного привести под утро приказывали.

– Ну, приказыва-а-л... – зевнул я. – Привели уже?

– Сам идёт, – торжественно выпрямился стрелец. – Крестным ходом!

– Чем, чем, чем?! – не понял я.

– Крестным ходом! – размашисто перекрестился молодец. – С песнопениями и хоругвями полчаса как с Колокольной площади шествуют. Скоро небось и до нас дойдут. Прости, Господи, грешных...

Нет, на это зрелище стоило посмотреть. Наспех одевшись, даже не застегнув тулуп, я стоял в дубовых воротах отделения с отвисшей челюстью и остекленевшим взглядом. Молебны и причитания были слышны квартала за два. По свежему морозцу, под золочёными лучами декабрьского солнышка неторопливо и величественно шествовала длинная колонна лукошкинцев. Пестрели яркие платки баб, мелькали чёрные рясы монахов, отблёскивали бердыши стрельцов, и пар от могучего хорового пения мужиков висел над их головами, как посеребрённое облако. А впереди всей процессии... Пресвятая Богородица, огради Покровом своим от лицемерия! Впереди, согнутый в три погибели, путаясь ногами в полах длинного одеяния, тяжело дыша, шёл Шмулинсон Абрам Моисеевич и волок на спине... здоровенный деревянный крест! Длинные пейсы покачивались в такт усталому шагу, аккуратно подстриженная борода скорбно смотрела вниз, а опущенный взгляд поражал кротостью и смирением... Чуть позади, в крайнем смущении, шествовали двое стрельцов лукошкинского отделения. Ни Еремеева, ни Яги, ни Митьки, никого! Один я, как всегда...

– Запереть ворота и никого не впускать!

– Как это? – опешили стрельцы. – Дык там же наши, Васильев да Попов.

– Ничего с ними не случится, пусть домой идут.

– Но Шмулинсона ведь вы позвать приказывали?

– Я?! Ничего я не приказывал! Я уже передумал, пусть тоже домой отправляется.

– А народ-то куда? – праведно возмутились мужики. – Сейчас не пустить, дак нам ворота вместе с забором снесут.

– Не надо народ! – окончательно теряя голову, взвыл я. – Мне вот тут сейчас только народу вашего не хватает! Пусть все, все расходятся по домам! Чего они у меня в отделении забыли?

В ворота гулко ударила верхушка Шмулинсонова креста. Тишина повисла, как после грома небесного... Я мысленно попрощался с Олёной,

попросил прощения у Яги и пожелал счастья в личной жизни Мите, после чего толкнул калитку и шагнул наружу. Зрелище впечатляло... Не радовало, но торжественность момента соблюли все, уж как могли, кого как угораздило... Абрам Моисеевич, видимо, окончательно выдохся переть эту двухметровую крестовину и теперь попросту сбросил её у ворот, сев сверху и вытирая пот рукавом чёрного балахона. Все прочие, за исключением еремеевских стрельцов, бухнулись на колени, истово крестясь, но, слава богу, молча! Это дало мне буквально пару минут форы на один простенький вопрос по сути дела:

– Гражданин Шмулинсон, вы что это тут за балаган устроили?

– Шо?! И это ви мне? – поражённо вытаращился он, уточняяще тыча себя пальцем в грудь. – А я так понял, шо это ваши храбрые ребята зашли за мной, шоб препроводить на личное собеседование. Таки, значит, это не ви их посылали?

– Посылал. Но, простите, я посылал их за вами, а не за крестным ходом в Курской губернии!

– Где?

– Абрам Моисеевич, не стройте из себя идиота! Что за еврейская привычка отвечать вопросом на вопрос?

– Да шо ви говорите?! – всплеснул руками Шмулинсон. – Шо, значит, я тут не могу проявлять национальных черт характера своего бедного народа? Ви тоже антисемит? Скажите правду, ви тоже антисемит?! Ну хорошо, не отвечайте, я вижу ваше красноречивое лицо. Объясню в двух словах, это будет недлинно... Я сижу в мастерской и стругаю этот крест по заказу купца Мирошкина, чей папа сильно болеет насморком. С какого боку я виноват в том, шо господин купец так предусмотрителен далеко заранее? А в дом приходят ваши стройные молодцы и вежливо говорят... ой! Можно я не буду повторять их вежливых слов, здесь женщины и дети. Конечно же я пошёл (кто не пойдёт, когда его так зовёт родная милиция?!), но я честно спросил, могу ли я закончить заказ? Они так же вежливо пояснили, шо я буду заканчивать этот крест под замком в порубе. Почему нет? Скромному гробовщику без разницы, где работать на будущую вдову и голодных ребятишек. Но вот помочь мне донести крест до отделения они не захотели... Я их не виню, не подумайте! Такие молодые, крепкие парни, у них ещё всё впереди: и гастрит, и подагра, и остеохондроз, и камни в почках, и прострелы в пояснице... Шо ви на меня так смотрите? Я никого с собой не звал!

Он ещё что-то там объяснял, но это уже не имело решающего значения. Народ потихоньку поднимался с колен, суровел лицами, потирал

руки и, кажется, на полном серьёзе вознамеревался...

– Где крест ставить будем, батюшка участковый?

– В каком смысле? – опешил я.

– Да ты тока место укажи, а уж мы мученика в лучшем виде... Мужики, гвозди и молоток есть у кого? А то что ж – шли, шли, он – нёс, нёс... – загудела толпа. – Ить неудобно же перед человеком... Да мы снимем потом, ежели органы не позволяют.

Хоккейный судья носом почуял неладное и пулей дунул за наши ворота. Кажется, он не понял шутки...

– Граждане, театрализованное представление на сегодня закончено. Попрошу не создавать толчею и отправляться по домам. Продолжение сериала библейских историй будем смотреть по весне, когда потеплеет.

– Так что, распинать не будут? – огорчённо протянул кто-то.

– Не сегодня! – отрезал я.

– А когда?

Отвечать огорченному придурку не хотелось, я ему жестом показал, но он меня понял. Мужики с бабами расходились легко и шумно, беззлобно обсуждая так административно оборвавшееся зрелище. А вот трое каких-то упёртых монахов остались очень недовольны...

– Не по-людски поступаешь, сыскной воевода! Ибо насмешка сие над промыслом Господним – привести с крестом, да не распять! Не по-православному как-то...

– А я иудей! – визгливо раздалось из-за ворот. Монахи плюнули и развернулись восвояси.

– Мы с друзьями были-жили, наши крыши не дружили... – задумчиво пробормотал я какую-то ерунду не ко времени и не к месту, а потом тоже развернулся и отправился в терем. Надо братья за дела... О, и позавтракать в конце концов!

* * *

Со Шмулинсоном разобрались быстро, принесли друг другу взаимные извинения, договорились о повторном матче кузнецов и ткачей. Да он нормальный в принципе мужик! Что бы там ни говорили, а вот вы попробуйте найти еврея, с которым нельзя было бы договориться... Но, кстати, двух стрельцов в охранники он у меня всё-таки выторговал. Потом послание от полковника Чорного принесли, на украинском, к сожалению... Примерно половину удалось расшифровать, вторая часть текста для меня

тёмный лес: «працувать», «перукарня», «сопляшник», «пивдень» или ещё того круче: «я знурился глибоко, но вони дуюже наяркави...» Английскому меня в школе худо-бедно учили, а перевод с украинского придётся заказывать у Гороха, он у нас полиглот. Ну а исходя из того, что разобрал... Короче, Митьке присвоили там какое-то внеочередное казачье звание. Он неплохо устроился в коллективе, выпил стопку водки с лезвия шашки, закусил крымским луком и копчёным салом, после чего ещё и проехал верхом десять шагов. Ха, если они рассчитывали, что после одной-единственной стопочки наш младший сотрудник с кобылы сверзится, то пролетели со свистом. Значит, вчерашнюю неявку Митяя надо расценивать как акт обмывки новой должности. Это простительно, думаю, через час-полтора он уже заявится в отделение с отчётом. Я ещё успел налить чашку чая и съесть пару бутербродов, когда стрельцы доложили о визите немецкого посла с неизвестной гражданкой.

– Рад вас видеть, Кнут Гамсунович! Проходите, присаживайтесь.

– Доброе утро, господин участковый, – улыбочиво поклонился немец, стряхивая снег с длинной лисьей шубы. – Но я не один, позвольте представить – фройляйн Лидия Адольфина Карпоффгаузен!

– Гутен морген, – мелодично пророкотала закутанная аж до носа австрийская претендентка.

– Гутен таг, – к месту вспомнил я. – А ведь мы уже знакомы, так что попрошу всех к столу. Самовар ещё горячий, варенье Василий принесёт.

Бабкин кот, доселе мирно дремавший у печи, открыл один мутный глаз, обозрел гостей и, отвернувшись, захрапел с таким демонстративным пылом, что мне стало кристально ясно – варенья, гад, не даст! Грудью встанет на защиту продовольственных запасов, но иностранных проглотов даром кормить не позволит.

– Благодарю за приглашение, но мы не смеем отрывать вас от службы. – Посол тактично «не заметил» наглости Васьки и, усадив спутницу на скамью, быстро пояснил суть дела: – Моя протеже случайно оказалась свидетельницей нелицеприятной сцены. Не далее как вчерашним утром она застала господина Алекса Борра, угрожающего африканской фрау М...м...

– Мумумбе? – подсказал я.

– Я, я, их бин! Именно ей! Но, может быть, вы хотите лично допросить фройляйн Карпоффгаузен?

– Не допросить, а попросить, – вежливо поправил я, оборачиваясь к девушке.

Австриячка размотала тёплый платок, закрывавший пол-лица, и

одарила меня навязчивой, чуть лошадиной улыбкой:

– Майн фатерлянд учить помогать герр полицайн! Я есть – свидетелка?.. Свидаловка?! Битте, энтшульдиген зи, я готова свидетельствовать против них обеих!

– Фройляйн Лидия Адольфина продолжает совершенствоваться в изучении русского языка, – ободряюще улыбнулся посол.

Я понимающе кивнул:

– Гражданка Карпоффгаузен, будьте добры, попробуйте, не торопясь и не опуская подробностей, воспроизвести всё, что вам удалось услышать.

– О, яволь! – с готовностью привстала австроподданная. – Мне совсем мало слышать, но хорошо! Зер гут слышать всё мало. Он кричать, что знает про Мумумба! Что она есть... фэй!

– Кто?! – не поверил я.

– Фея, колдунья, ведьма, – легко расшифровал посол.

– Я, я! Фэдьма! Что она колдовать вуду на всех фройляйн и быть царитца сама!

– Вуду... – пометил я в блокнотике. – Если не ошибаюсь, это какая-то африканская религия?

– Скорее, разновидность магии. Мне доводилось о ней читать в бытность студентом университета в Саксонии. И я скажу вам, герр Ивашов, что это очень опасная штука...

– Зомби, жертвоприношения, каннибализм и тряпочные куколочки, – как можно равнодушнее бросил я. Приятно было видеть на невозмутимом лице Кнута Гамсуновича искреннее удивление. Но я ведь тоже в своё время немало ужастиков по видео насмотрелся!

– Мне... есть дурно! – неожиданно напомнила о своём присутствии рослая фройляйн. Видимо, она сочла, что приличной девушке от таких разговоров непременно должно поплохеть.

– Не смей!

– Яволь! – Лидия Адольфина вскочила, как оловянный солдатик.

– Прощу вас, продолжайте, – уже более мягким тоном предложил я. Посол смотрел на меня с ещё более неприкрытым уважением. С женщинами надо уметь разговаривать, в школе милиции и не такому учат. – Эта африканка ему что-нибудь ответила?

– Найд! Она не умеет говорить.

– Немая, что ли?

– Она умеет говорить на свой варварский язык. Коричневый дикарка! – презрительно фыркнула чистокровная арийка. – Она вся грозит герр Борр и даже бить его по ладонь!

– Нанесение дипломату телесных повреждений – очень серьёзное преступление. А почему именно по рукам? Он что, куда-то не туда их протягивал?

– Нихт ферштейн... – стушевалась фройляйн. Шпицрутенберг быстро произнёс несколько фраз по-немецки, и Лидия Адольфина старательно покраснела. – Герр Борр есть воспитанный человек, мужчина. Он не смеет распускать налево пальцы, она бить его по другому.

– По чему же? – всерьёз заинтересовался я.

– Она не говорить! Но по-другому, как... как... наказать, вот!

– Хм... в любом случае спасибо. И вам, Кнут Гамсунович, тоже. Вы чаще меня бываете в царском тереме, так что не считите за труд сообщать о подобных инцидентах.

– Разумеется. Помощь правоохранительным органам – долг любого честного гражданина, – церемонно поклонился посол, собираясь на выход.

Я сам проводил их до дверей, запоздало припомнив:

– А при каких обстоятельствах произошла эта некрасивая сцена?

Оказалось, что фройляйн Карпоффгаузен шла утром по своим дамским делам и на лестнице второго этажа столкнулась с Алексом Борром. Он торопливо удирал вверх, ругаясь на темнокожую девушку, преследовавшую его и размахивающую бамбуковой палкой. Дипломату удалось оторваться, а разгорячённая «дикарка», угрожающе оскалив клыки, ушла к себе. Ошарашенная австриячка поделилась своими впечатлениями с другом её отца, господином Шпицрутенбергом, и он убедил её пойти в отделение.

– В Европе такого просто не могло бы произойти, но мы находимся в России. Подумайте только, герр Ивашов, двенадцать девиц благородного происхождения едут на санях зимой только для того, чтобы русский царь выбрал себе невесту! У нас всё наоборот. Принцы и королевичи съезжаются просить руки прекрасной принцессы... Ваши мужчины пользуются большим успехом. Я не удивлюсь, если за руку и сердце царя Гороха невесты пойдут на всё!

...И не говорите, Кнут Гамсунович, как же вы оказались правы...

* * *

Когда они ушли, я безуспешно попытался пристыдить бабкиного кота за негостеприимство. Потом сел за стол и начал чертить схему. Три больших кружочка – это три преступления, с которыми мы имеем дело,

стрелки указывают на квадратики – это улики или на треугольнички – это рабочие версии. Если верить схеме, положение наше получалось как-то не очень... В деле кражи чемпионского кубка – ни улик, ни версий (разве что на участии отца Кондрата пришлось поставить крест, вычеркнув его из списка подозреваемых). О похищении гетманской булавы вообще сказать нечего – чистый ноль во всех смыслах. Если Митька не доставит хоть какую-нибудь информацию, я застрелюсь.

Наилучшее положение с царскими невестами: их словно кто-то не торопясь «отстреливает» на выбор. И даже заметна определённая закономерность – в «яблочко» попадают только те девицы, которые планируют затащить Гороха в постель. Это в принципе несложно – он и сам туда побежит, только помани... Значит, есть кто-то, осведомлённый об их интимных планах. Может, протрепались где, может, прямо хвастались указаниями своих папочек – сплетни расходятся быстро, среда-то женская...

Вот здесь, кстати, и подозреваемая есть, дочь многодетного вождя из Нигерии, Тамтамба Мумумба. Версию о применении вуду необходимо проверить самым серьёзным образом. Я здесь не первый день, чтобы не верить в колдовство. Причём в любое... Также стоит выяснить относительно странной неприязни фройляйн Лидии к своему соотечественнику Алексу Борру. Они ведь прибыли вместе, он её официальный сопровождающий, а девушка вечно жалуется на него германскому послу. Невнятно всё это...

Придётся до обеда сбегать к Яге в царский терем и проконсультироваться. Отложенный хоккейный матч перенесли на четыре часа дня, надо быть обязательно. Тот, кто украл кубок, наверняка явится позлорадствовать – глядишь, где-нибудь и проколется... Гарантии, конечно, нет, но чем чёрт не шутит?

В дверь постучали. С облачком морозного пара вошёл румяный Еремеев. Глаза стрелецкого сотника хитро блестели, а расплывающаяся улыбка до ушей выдавала его с потрохами.

– О, да ты, смотрю, прямо с утра в праздничном настроении?

– Тверёз как стёклышко! Я ж на службе.

– А чего тогда довольный такой? Ты в зеркало глянь, на твоей сияющей физиономии блины жарить можно.

– Да ну?! Ничего такого вроде... – начал было Фома, но не выдержал и сорвался: – Там, на Базарной площади, такое творится – любо-дорого посмотреть! Бабы Митьку твоего бьют!

– ?!!

– Бьют, всем базаром бьют! – аж захлёбывался от переполняющего его счастья сотник Еремеев. – Он, вишь, как в казаки подался, дык власть большущую в руках почуял. Видать, решил, что раз на нём жупан да шапка с синим верхом, то теперь всё можно! Задурил головы двоим запорожцам помоложе, да и на базар. Зачем, как ты думаешь?!

– Тётка Матрёна... – охнул я, едва ли не хватаясь за сердце. Если у Митьки на белом свете и есть классовый враг, так это исключительно гражданка Матрёна Тарасова, торгующая кислой капустой собственного оригинального посола.

– Ты знал! – по-детски надулся Фома. – Ничем тебя, Никита Иванович, не удивишь, обидно даже...

– Продолжай, – попросил я, снимая с вешалки тулуп, – мы остановились на том, что этот жук навозный устроил очередную ревизию по качеству пищевых продуктов...

– Какую ревизию?! Налетел верхами да прямо с седла граблю свою немытую в бочонок с капустой кислой и запустил! Хозяйка ейная так в обморок и брыкнулась... Народ ничего не понял, думали – казак степной, необразованный. А твой молодец возьми да и заяви, что-де «вот так с каждой вредительницей будет, коея сотрудникам милицейским в капусту калину заместо бруснички сыпать начнёт...» Тут-то его и признали!

– Ну? – уже застёгивая португепю, поторопил я.

– Что ну? Бабы и поднялись! А представляешь, участковый, что бывает, когда бабы поднимаются?!

– Догадываюсь, поехали.

Хотя, честно говоря, никуда ехать так и не пришлось. Я надеялся появиться на Базарной площади до того, как из нашего медведя деревенского снеговика с морковкой в носу слепят, но не успел. Не успел, это в смысле – на выходе из ворот мы увидели пёструю толпу возбуждённых женщин, бодродвигающихся в сторону отделения. Первые ряды шагали широко, песенно скандируя на ходу, а задние явно что-то везли в санках. Нет, в принципе мы с Еремеевым сразу поняли, что (правильнее, кого!), но виду не подали и отступили без паники и суеты.

– Так, молодцы! Ворота никому не открывать! Фома Силыч пропустит представителей женской делегации через калиточку, пусть выберут трёх депутаток, не больше. От остальных держать круговую оборону!

– Слушаемся, батюшка сыскной воевода! – Воодушевлённые стрельцы бросились во все стороны исполнять приказ, занимая боевые посты.

– Ну что же, Вася... – бормотал я, быстренько скидывая тулуп и стаскивая с ног валенки. – Когда мы тут в последний раз принимали

представительниц малого бизнеса, торговок и спекулянтов? Эх, Ягу бы сюда... Может, сбегашь по-быстренькому, а?! С меня – сметана!

Кот посмотрел в мою сторону так, словно с такой овцы, как я, и шерсти клоч слупить проблематично. А, ладно, я и так знал, что не пойдёт... Только-только успел сесть за стол, напустив на себя самый серьёзный вид, изображая просто жуткую загруженность работой. В двери вошли трое. Тётку Матрёну я знал в лицо, ещё двое баб помоложе были мне незнакомы...

– Ты, что ль, участковый будешь?

– Я. Ивашов Никита Иванович. Проходите, присаживайтесь.

– Некогда нам тут особо рассиживаться! – с ходу начала гражданка Тарасова. – Мы тут не ради разговоров пришли, а тока до каких же пор Митька Лобов твой, непутёвый, у нас кровь пить будет?!

– Да что вы говорите? – неискренно посокрушался я.

– А то! – уже хором завелись женщины. – Совсем от него, аспиды, проходу нет! У Селивановны вечно семечки жареные гребёт, у Авдотьи яблоко мочёное почём зря стащил. Врал, дескать, на экспертизу! А у Марфы Матвеевны кто на позапрошлом месяце два яичка печёных с лотка унёс – якобы они в розыске?! Где ж это видано, чтоб яйца да в розыске были! Так уж ты, участковый, уйми своего сотрудника, а не то и до беды недалеко... Слыхал небось, чего он сегодня на базаре с капустой Матрёниной сотворил? Ведь цельный бочонок ногтями нечищеными перепортил! Теперича капусткой той тока тараканов травить...

– Да, да! Конечно, конечно! Разумеется, разумеется! – терпеливо кивал я. Стыдоба, а куда денешься...

– И чего это мы с ним, молодым да неопытным, зря горло дерём? Где тут сама Бабка Яга?!

– На спецзадании.

– А... понятно. Как же... ты, что ж, один здесь хозяйствуешь? – стушевались бабы.

– Один, – жалобно вздохнул я.

– А кормит-то тебя кто, касатик?

– Бабушка оставляла горшочек каши, позавчера, – тихо пояснил я, виновато пожимая плечами. – Но вы не волнуйтесь, я хлеб с чаем ел на завтрак. Вы уж извините за Митьку...

– Да кто ж тебя повинит-то, голубь?! – сострадательно всплеснула полными руками тётка Матрёна. – Где ж тебе, брошенному, за всем уследить? Полы неметёные, печь остывшая, чугушки нечищенные, обед неготовленный, кот голодный... А ну, бабоньки!

Я их не заставлял, они сами... У нас хороший народ, если видят, что кто-то нуждается в помощи, – помогут обязательно. Пострадавшая Тарасова ещё и стрельцов к уборке припрягла: воды натаскать, дров нарубить, на базар за покупками сбегать.

В санках за воротами действительно вповалку лежали наш Митяй и двое запорожцев. Все трое умотаны, как бабочки в коконах, мешковиной, платками и бельевыми верёвками. Казаков я отпустил, благо их лошадок привели следом. Митьку развязал сам, без предисловий дал подзатыльник и потащил с собой. Мне, как помнится, нужно было заглянуть в царский терем к Яге, и всю полезную информацию наш ретивый опер выкладывал уже на ходу. Почти без театральщины, должен признать. Но выходили, между прочим, через забор на заднем дворе, ибо женщины у ворот, выпустив запорожцев, по-прежнему требовали Митькиной крови...

– Вот так судьба нелёгкая-милицейская и бросила меня без оглядки в седло жёсткое-казацкое, да на службу ратную-законную со товарищами верными сподвигнула...

– Митя, что ты учудил на базаре, можешь сейчас не рассказывать, я в курсе. Как тебе помогли внедриться в среду, полковник Чорный написал. Давай по делу...

– Стало быть, тётку Матрёну мне без выговора спишут?

– С выговором, – спохватился я, – но после завершения задания.

– Справедливый вы человек, Никита Иванович! Не много таких на Святой Руси осталось... Ноне каждый норовит у ближнего хоть верёвочку от лаптя уволочь, а вы со мной, сиротой, по-людски да по-отечески... Большое вам сердце дадено!

– Митя, я просил по делу.

– А вы Бабе Яге не скажете? – на всякий случай перекрестился он, воровато оглядываясь по сторонам. – Чёй-то не доверяю я ей в последнее время. Казаки вона, говорят, что у них, в Запорожье, ведьм разом топят, пока в силу не вошли!

– Ты чего несёшь, Митя?

– А чего? Вы ж сами видели, как она за эту тётку Матрёну заступается. А ведь та точно ведьма, ибо с капустой такое творит – ангелы плачут, закусывая!

– Митя-я-я!

– Дык подозрительно же! – Парень сделал последнюю попытку

доораться до моего зашоренного сознания, махнул рукой и перешёл к сути: – С булавой покраденной – дело как есть тёмное. Всё место преступления я самолично проверил, на карачках облазил и всё, что мог, обнюхать не поленился. Живут казаки в Гостиных палатах, это от царёва терема налево, в том же дворе, где невест государевых поселили. У запорожцев, понятно, хоромы-то поскромнее будут, но они вроде за роскошью и не гонятся. Спят на полу вповалку, седло под голову, кожух на плечи. Едят просто – кулеш да сало, хлеб да лук. Вот пьют знатно! И горилка ихняя с нашей водкой ни в одно сравнение не идёт, до того забориста! Я так думаю, надо бы пару флаг в отделение приволочь, на экспертизу... ну и рецепту ради.

– И думать забудь! Дальше что?

– Дальше-то... – Он поправил съехавшую на нос казацкую шапку, немного подумал и продолжил: – Булава гетманская в ларце деревянном лежала, а тот в тороках. Пока вещи разгружали, могли, случаем, и вынуть да в сторонку отложить. А Гостиный двор – место шумное, многолюдное, – глядишь, какой прохожий в ларец-то и заглянул... Хлопцы бают, что вещь дорогая: вся из чистого золота и камушками красненькими искусно украшена. Минутное дело подхватить да за пазуху сунуть! Она ить хоть и тяжёленькая, да размеру небольшого, едва ли с локоть будет.

– Как насчёт версии возможного участия самих запорожцев?

– Не-е-ет... – поморщив нос, обронил Митька. – Быть того не может. Хорошие ребята...

– Ты-то с чего так уверен?

– Так я ж с ними пил!

О, это железная русская логика! Если наш младший сотрудник хоть раз с кем-то где-то по поводу или без повода пил – собутыльник автоматически зачислялся в разряд «хороших людей». Причём навеки! В доказательство обратного можно лоб себе расшибить, но Митьку не переубедишь.

– Судите сами, Никита Иванович... Остап Наливайко – за горилку последние штаны снимет, но с себя. Гриня Нахапнюк – эти штаны за копейку сторгует и под расстрелом не отдаст! Олекса Енот – мал да удал, коней диких объезжает и в барабан лихо бьёт. Дрон Шмалько, писарь ихний, дак тот вообще человек учёности немереной. Владко Свержа – саблей лучше всех машет, а горькую и не пьёт почти. Есть, правда, два баламута, чёрный с рыжим... Но тока они чужого нипочём не возьмут – для них престиж запорожский дороже денег! Да и прочие...

– Ладно, верю. Всех можешь не перечислять, но хоть какие-то зацепки по делу у тебя есть?

– Есть... – как-то сразу потупился Митяй, резко став очень

серьёзным. – От ларца духами заморскими пахло.

– Митя, это не солидно!

– Дык рази ж я без понятия?! А тока вот, кажись, если б всех гостей приезжих обнюхать позволили – я б того вора в один миг вычислил! Что ж вы замолчали сразу так, Никита Иванович?

– А?! Прости, задумался... – нервно обернулся я. – В чём-то ты прав, служебно-розыскная собака нам по штату положена. Может, действительно начать создание отдела с твоей кандидатуры? Попрошу Ягу, и через пару минут ты будешь бежать впереди по следу, виляя хвостиком...

– Не доверяете, значит? – надул губы Митенька, для парня двухметрового роста у него это получалось очень жалостливо.

– Слушай, ну ты себя на моё место поставь! Как я могу просить государя выдать ордер на право обнюхивания всех иностранцев, гостей города, их прислуги и местных работников Гостиного двора?! Мне ж потом на улице показываться нельзя будет – дети засмеют!

– Да кто посмеет?! Я ж их всех в бараний рог...

– Ага, а кого сегодня бабы бельевыми верёвками повязали?

– Так то ж бабы...

Вот так, не торопясь, мы дотопали до царского терема. Ворота запирались лишь в дни редких народных волнений, а сейчас у здоровенного забора мальчишки играли в снежки, а группа малолеток с визгом устанавливала у обочины снежную бабу. Туда-сюда чинно прогуливались беззаботные молодки, время от времени мелькали гикающие лихачи в расписных санях, запряжённых разгорячёнными лошадьми в цветастых попонах. Тут же торговали леденцовыми барашками и петушками на палочках, горячим сбитнем, пирогами с визигой, и в целом ведь весело было... Я имею в виду, что никто ничего такого особенно запретного не нарушал, поэтому дикий визг (просто какой-то ультразвук на пике неожиданности!) заставил меня отшатнуться от царских ворот, едва не посадив в сугроб. Прямо мимо нас и ошарашенных стрельцов кубарем пролетело что-то пёстрое и лохматое, а вслед за ним (с повторением того же визга, но на более низкой ноте) в воздухе мелькнула тёмная полоса. Бе-е-е-мс!!! Между мной и Митькой, на уровне плеча, дрожало чёрное эбеновое копьё с широким листообразным наконечником. Мы медленно и красиво сползли спинами по забору... Однако, прежде чем народ на улице понял, в чём суть суматохи, из царского терема выпрыгнула скуподетая (или, скорее, щедро раздетая!) африканская принцесса Тамтамба Мумумба. Потрясая вторым боевым копьём, она бросилась вслед за пёстрым «субъектом», в котором я с ужасом признал удирающую Ягу!

Знаете, за свою яркую и очень насыщенную милицейскую жизнь я насмотрелся всякого. В целом, чтобы прямо в лоб смутить меня или поставить в неловкое положение, это давно уже никому не удавалось. Я уж не говорю про запугать, заставить, прижать к стенке... Просто то зрелище, что сегодня предстало взорам горожан, было способно разом перечеркнуть всё долго заслуживаемое уважение к работникам лукошкинского отделения. Эксперт-криминалист – лицо значимое и облечённое ответственностью, буквально честь и гордость местной милиции – едва ли не на четвереньках улепётывала от дико вопящей негритянки в экзотическом неглиже! Да чтоб наша Баба Яга показывала врагу спину?! Она ж одним моментом кого хочешь в табуретку превратит! Увы... факты упорно лезли в глаза, и не замечать очевидное было бы служебной халатностью.

– Уйдёт ведь... – неизвестно о ком протянул Митька.

– От нас не уйдёт, – тоже не совсем понятно за кого решил я и бросился в погоню. Хотя правильнее это было бы назвать коротким рывком, ибо далеко я не убежал, поскользнувшись почти сразу и рухнув навзничь.

– Живы ли, Никита Иванович?! – с причитаниями вцепился в меня новоиспечённый есаул. – Тока не убивайтесь насмерть, я ж без ока начальственного как есть пропаду! И завещание, опять же...

– Какое... завещание, чёрт побери? – морщась от боли в щиколотке, прошипел я. – Встать помощи!

– Дык ясно какое... Кому после вашей гибели скоропостижнейшей на льду холодном всем отделением руководить придётся? Яге нельзя по дряхлости лет, Еремеев со своей сотней тока на подхвате хорош, а сам дедуктивного мышления не разумеет. Так вот я и думаю, а может...

– Нет!

– Почему?! Вы ж и не дослушали даже...

– Потому что я живой, Митя! И помирать в ближайшее время не собираюсь, – рыкнул я и притянул его за воротник: – В погоню!

– Пленных не берём?! – с надеждой уточнил наш младший сотрудник, одним махом водружая меня себе на плечи. Ей-богу, я так не ездил лет с пяти. Пришлось в экстренном порядке вспомнить детство, а то лукошкинский народ уже начинал включаться в общую потеху совершенно бесконтрольно. А это, как вы знаете, чревато...

– Митя, наддай!

...Как мы ска-ка-ли-и-и... Только ветер в ушах, снег в лицо, морозный воздух, обжигающий лёгкие, да Митька скользит на поворотах, высоко вскидывая ноги, как дрессированный лось. Впереди – бабка, охая и взвизгивая, словно школьница, летит вниз с горки! За ней – не замечающая холода негритянская принцесса в бусах, перьях и леопардовых шкурах размахивает копьем, завывая так, что у лихачей лошади шарахаются! Следом – мы, молча, резво, сосредоточенно, до победного конца. А за нами-и...

– Кого ловим, православные?!

– Да кто ж разберёт... То ли Ягу милицейскую, то ли девку черномазую, а то ли сам участковый на дружке своём из города утекает!

Ага, включились-таки... Закон джунглей – если кто-то убегает, значит, его надо догонять. В догонялки ударились все, кто не был занят хоть сколько-нибудь важным делом. Те, кто был занят, рванули на две минуты позднее. Рёв за спиной нарастал с каждым мгновением...

– Ой, бабы, что творится, что деется... Старушку божью, на ладан дышащую, при всём народе с горки кубарем спустили-и! Подол задрали, лапти порвали, платочек измяли, седины опозорили-и! И куды тока милиция смотрит?!

– Да она ж сама и есть – милиция!

– Ой, бабы-ы! Что ж эта фурия милицейская с девонькой чернявой прилюдно делает?! По городу продувает, по снегу холодит, по сугробам вприпрыжку сигать заставляе-е-т! Ить отморозит девка всё хозяйство, а ей небось ещё и рожать по осени-и-и!.. Вона как участковый за ней с тылу отирается... ой неспроста-а-а!

Молодая и горячая Мумумба наверняка догнала бы нашу Ягу в два счёта, происходи всё это где-нибудь в Экваториальной Африке. Но бегать за беззащитными старушками по жарким пескам саванны совсем не то, что охотиться на ушлую бабку в заснеженных переулочках зимнего Лукошкина. Царская невеста два или три раза с размаху летела носом вниз, пропахивая сугробы головой, сбила четыре снеговика и едва не упустила преследуемую, укатившись по льду куда-то за угол. Мы с Митькой поднажали...

– Ба, глянь, мужики, какая фифа разодетая! Так я и говорю – разодетая, без одёжи, значитца... Стыдобища кругом, хоть глаз не раскрывай! А тока сейчас не посмотришь – ить так дураком необразованным и помрёшь, негры не познамши...

– Кум, а нешто у негриев энтих всё как у крещёных баб обстоит? Да я

гляжу, гляжу, сравниваю, а тока вдруг всё энто видимость одна обманчивая? Взору радость, а делу трагедия! Уж больно чёрная она, небось перемажешься весь...

– А ты участкового спроси! Туточки бабы завистливо орали, будто бы он за ей вприпрыжку разлакомился. Вона даже парня своего без седла взнуздал! Небось в баню чернявку загонят... Будут мыть!

– А то... ага... как же!

Мы взяли обеих у двухметрового забора кашкинского подворья. Именно там распалённая погоней принцесса прижала наконец Ягу к стенке. Бабка в руки не далась и совершенно немислимым прыжком взвилась по дубовым доскам вверх, усевшись на заборе, как загнанная кошка. Тамтамба только-только издала победный клич африканских охотников на бегемотов, как я с Митькиных плеч в длинном перелёте приземлился ей на спину! Благо рухнули в снег, никто ничего себе не сломал. Подоспевший Митька навалился следом, и буквально через минуту мы получили умотанную в тулуп, связанную кушаком, лающуюся претендентку на престол. Хотя в данный момент для нас она была уже чисто криминальным элементом, покусившимся на жизнь и достоинство работника милиции. Набежавшая толпа лукошкинцев с интересом ждала продолжения...

– Дык, батюшка сыскной воевода, мыть будете али так, в смысле с пылу с жару нечищеную потребите? – высунулся кто-то чрезмерно любопытный.

Я попросил Митю объяснить гражданину всю глубину его безнравственных и двусмысленных вопросов. Наш младший сотрудник закатал рукава, и болтун исчез за бабьими спинами. Получалось, что мы второй раз лишаем народ законного развлечения. Ладно, на хоккее оторвутся...

– Никитушка-а... – жалобно позвали сверху.

Я хлопнул себя по лбу, о Яге-то совсем позабыли! Незаменимый эксперт-криминалист безуспешно елозила по верхушке забора, где и сидеть неудобно, и спрыгнуть страшно.

– Не бойтесь, бабушка, я ловлю!

– Прости меня, Господи, дуру старую... – с чувством перекрестилась Яга и, закрыв глаза, ничком рухнула вниз.

Я легко подхватил сухонькую старушку и под аплодисменты толпы мягко поставил на ноги.

– Без комментариев! – громогласно заявила бабка, правильно ввинтив нужную фразу. – Всё расскажу-поведаю, тока у себя в доме. А сейчас води меня в баню, участковый, и девицу энту агрессивную туда же тащи. Не

хочу, чтоб у нас заглавная виновница раньше времени замёрзла, ей ещё на суде царском ответ держать!

Угу, похоже, бабулино расследование прошло более чем удачно...

* * *

– Рассказывайте.

– Щас... хоть отдышаться-то после обеда дай. – Яга полусонно откинулась на лавке, пристроив под поясицу Митькин тулуп. – Тока больше меня пельменями покупными не корми, уж больно от них живот пучит.

– Стрельцы на базаре брали, в принципе мы все их ели.

– А меня всё одно не корми! Не для того я дело царское, важности государевой, единолично за один день раскрыла, чтоб пузо пельменями распирать. Слушай лучше...

Я молча взялся за блокнот. Честно говоря, подобный «превосходительно-снисходительный» тон для бабули обычно нехарактерен. Складывалось нехорошее подозрение о некоем головокружении от успехов, но с окончательными выводами лучше пока подождать.

– Как затесалась я в терем царский, ты и сам видал. Вечерком вошла серой утицей, а поутру вышла пава павою! Сапожки сафьяновые, юбки крепдешинные, душегрейка парчовая, мехом заячьим отороченная, на головах платок посадский, бельишко исподнее и то шёлковое, аж страсть! А всё государь-кормилец обеспечил, чтоб ему сто лет прожить не икаяючи. Сделал из меня боярыню столбовую да пред невестами за самую наиглавнейшую блюстительницу представил! Те хоть и понту с форсом полны панталоны будут, а меня зауважали. А то и оно, кто ж царю перечить посмеет... Никитка, а ты кота хорошо кормил ли?!

– Не сомневайтесь, – на миг оторвался я, – за ваше кратковременное отсутствие он успешно набрал два килограмма.

– Ой смотри-и... – привередливо сощурилась бабка, поковыряла жёлтым ногтем в зубах и вернулась к главной теме: – Так вот, сперначалу порешила я всех невест строем поставить да каждой ревизию полнейшую учинить. Крикнула, зубом цыкнула, костяной ногой в половицу топнула – все как есть девки красные передо мной стоят! Глазками хлопают, плечиками жмут, губки яхонтовые кривят капризственно, а возражать не смеют. Я тут и смотрю – вроде нет одной. По списку выходит двенадцать

их. Двое – в горенке тайной без сознательности лежат, девятеро тут, аки цветики, головками качают, а десятой-то и нет! Да, участковый, где ж Митенька наш?

– Был, ушёл, – коротко доложился я. – Отчёт предоставил, расследование продолжает. О результатах доложит к вечеру, после матча.

– Ой смотри-и... – Яга удовлетворённо вытянула ноги и с видимым удовольствием сняла с парчовой душегрейки незаметную глазу сориночку. – А девкой энттой, на переключку не явившейся, принцесса африканская оказалась. Тамтамба Мумумба. Она из краёв далёких, пустынь безводных, песков бескрайних на верблюде одногорбом сюда приехала. Один слуга при ней и был, да его стрельцы сердобольные третий день самогоном греют, не простыл чтобы... Ну да я ж бабка не гордая, лыком не шитая, по старинке сделанная – я и сама к ней пошла. Девки комнатку подсказали, изнутри запертую, а тока отворить её нетрудно было, слово тайное разумеючи. Вхожу-у... гляжу-у... а там...

– Вуду, – понимающе кивнул я, – что-то вроде маленьких куколок на всех невест. Иголки, петушиная кровь, зола, змеиная кожа, перья и кости?

– Да ты никак, сыскной воевода, мне за плечо глядел?! – попыталась обидеться наша домохозяйка, но удивление в её глазах было столь безграничным, что я с трудом удержал улыбку. – Всё так оно и было... уж не знаю не ведаю, откуль тебе такие подробности известными стали. Ну я, значитца, и скумекала сразу, кто во всех бедах виноватее будет. Лицо сделала такое строгое, как у тебя на задержании, и говорю, мол: «Гражданка-негрityнка, вы как есть арестованы за содействие тёмным силам и по подозрению на двух девиц в покусительстве!» Правильно ли, а? Тока ничё она мне в ответ не сказала – взревела по-звериному, зашипела по-змеиному, крякотнула не по-нашему, да как хватать копьё! Я-то, старая, и ахнуть не успела, а у неё уж в каждой руке по смертоубийству, и...

– Вы побежали?

– А ты бы не побежал?!

– Я не к этому. – В принципе мне всё было ясно. Полчаса назад мы передали отпаренную, но всё ещё ругающуюся принцессу Мумумбу с рук на руки царским стрельцам. Они должны были доставить её к государю с соответствующими разъяснениями. Ну не в пору же её держать, всё-таки иностранка. Завтра с утра сходим к Гороху, надо будет произвести тщательный обыск в жилище «охотницы за черепами», возможно, именно там мы и найдём противоядие.

– Ты тока о награде моей потолковать не забудь.

– Да что с вами сегодня, бабуля? – даже напрягся я.

– Кому бабуля, а кому и самая наиглавнейшая невестова смотрительница! – подбоченилась бабка. – Раз уж я вот такенное дело хитромудрое, как кудель, распутать сумела, так нешто мне теперь всю жизнь в отделении на одном окладе куковать?! Фигу!

– О-о-у... Да тут дело серьёзное. Вы ещё не надумали заняться частным сыском?

– Самой, что ль, расследования вершить? – сразу догадалась Яга, с самым серьёзным видом почёсывая бородавку на подбородке. – Подумывала, а как же... Нешто можно силами одной милиции разные проблемы свойства деликатного разрешать? Может, и взаправду частным сыском на кацавейку новую подзаработать...

Я молча покачал головой, сунул блокнот с записями в карман форменного пиджака. Сейчас говорить не о чем, но, быть может, бабка к вечеру придёт в себя. Думать о затыжном характере «звёздной болезни» как-то и не хотелось уже... Мало мне было «оказавшегося» Митяя, так ещё и родная бабка туда же!

– А что ж ты не спрашиваешь, почему я тады от стервы энтой, в перьях бесстыжих, принародно тёку давала?

– Почему? – послушно спросил я.

– Да потому, голова твоя еловая, что не могла я невесту царскую посередь гостей иностранных арестом позорить! – победно припечатала вконец зарвавшаяся «мисс Марпл» лукошкинского райотдела. – Надо мне было её со двора выманить да тебе же и возможность дать злодейке при всех руки завернуть. Теперь ей немалый срок светит... А за что?! Не за невест, яблоком травленных, ибо скандал международственный будет, но уже за покушение на ответственного работника милиции – на меня то бишь! Чуешь значимую разницу, участковый?

– Да, вижу, вы всё досконально предусмотрели...

– Вот то-то и оно! А тебе впредь наука – выше старших нос не задирать. Да я б её вон... хошь в валенок, хошь в тряпку половую одним мизинчиком превратила! Захотела если бы...

Похоже, за один вечер дурман славы, ударившей в старухину голову, не развеется. Нормально общаться с ней можно будет только утром. Я вышел в сени, набросив на плечи тулупчик, уже во дворе замотал шею шарфом, застегнулся на все пуговицы, поправил фуражку и, козырнув охранным стрельцам, вышел за ворота. Где-то через полчаса должен был состояться отложенный матч между командами ткацкого и кузнечного кварталов. Может быть, посмотрю на хоккей, так отдышусь немного. К тому же там вполне может оказаться похититель чемпионского кубка. Я со

всей дури пнул носком сапога ближайший сугробчик – снег взлетел алмазной пылью, запорошив меня аж до козырька. Обидно! Просто дико обидно и стыдно страшно... Значит, австриец Алекс Борр был прав, обвиняя негритянскую принцессу во всех грехах и собирая о ней информацию как о колдунье вуду. Вот так самые простые и несложные версии на проверку оказываются единственно правильными, а мы всё усложняем себе жизнь. Частное сыскное агентство Яга, естественно, не откроет, это она так сказала, чтобы меня позлить... Но ей-богу, если и Митька найдёт украденную булаву раньше, чем я хоккейный кубок, то хоть стреляйся! Что же было сделано не так? Надо сесть и разобраться не торопясь, а сейчас главное ни о чём не думать. Хоккей, хоккей и ещё раз хоккей, всё!

* * *

...Играли на стандартного размера площадке, огороженной деревянным бортиком и залитой льдом. Форма одежды – свободная, каждая команда отличается только незначительными деталями одежды – единым цветом шапок, шарфов, кушаков или рукавиц. Вот сейчас все кузнецы, например, имели ярко-красные пояса, а все ткачи – одинаковые жёлтые вязанные варежки. По льду носились в лаптях или валенках (коньки – удовольствие дорогое, да и не все умеют на них стоять). Правда, без коньков народ держался на льду ещё хуже, постоянно поскользываясь и падая, но, с другой стороны, это веселило зрителей, придавая игре остроту и пикантность. Вот клюшки были уже типовые, тут пришлось раскошелиться на плотников. Те давали хоккеистам большую скидку, ведь после каждой игры минимум десять клюшек уже ремонту не подлежало, проще было купить новые. Судил всё тот же бессменный Абрам Моисеевич, после исчерпывающего разрешения всех инцидентов его постоянно сопровождали двое наших стрельцов. А вот лучшим комментатором был... Вы не поверите, знаменитый юродивый Гришенька! Он не пропускал ни одного матча, сидя верхом на ближайшем заборе, упоённо болтая босыми ногами и звеня веригами. Вopil так, что полгорода слушало его рассуждения, не выходя из дома. Может быть, он и переувлекался разными религиозными словечками, но комментировал всё равно лихо, народ внимал Гришеньке с видимым удовольствием.

– Ай и защиты, мать царица небесная, ворота ткацкие от ударов кузнецких! Ну, куда? Куда ж ты прёшь, гад, супротив Богоматери, а?! Беги,

беги, беги-и-и... Давай, родненький, бей! А-а-а-а! Руки твои – крюки, ноги – грабли, мозги – труха сосновая... Ты пошто мажешь?! Пошто Богородицу промашкой обижаешь?! И сызнава кузнецы в атаку строем пошли-и... Ох и грозно клюками над головой машу-ут... Ой и прольётся сейчас кровушка христианская, ибо не токмо о Боге, а и о шайбе все забыли-и... Ах, пошла же стенка на стенку, гой еси, забава русская, хоккейная! А судью-то, видать, в центре поля бьют... О, о, о! От он и выкрутился... Редкий талант Абраму Моисеевичу Господом дарован, воистину – редкий! А ткачи-то времени не теряют, костями ложатся, шайбу в кузнечные ворота тычут. Вот пошли ужо... вот и вышли... вот и вдарить сподобились... Нет, нет, не-е-ет!!! Да кто ж к вратарю кузнечному так близко подходит, а?! Прими, Господи, душу раба твоего, азм есмь грешный помолюсь за убийцу его... или не надо? Хвала Пантелеймону-целителю, живёхонький ткач! Унесли калеку... А вот и кузнецы вдогон пошли к воротам супротивным ломить... Ох и заиграли клюки кленовые по головам осиновым... Шибче, православные, шибче! И не введи нас во искушение, но спаси души наша, яко... Го-о-о-л!!!

...Кузнецы открыли счёт примерно на шестой минуте. Сначала я просто «болел» вместе со всеми, потом вспомнил, зачем, собственно, шёл, и начал неторопливо присматриваться к народу. Должен сказать, что большинство присутствующих были мне в той или иной мере знакомы. Люди, приходящие на стадион, традиционно делятся примерно на три неравнозначные категории. Первая, но не самая большая, истинные болельщики! Это те, кто поимённо знает всех игроков во всех командах, не пропускает ни одного матча и готов голову положить за победу родного Лукошкина на каких-нибудь Олимпийских играх в Барселоне. Вторые, а их большинство, задиры, бузотёры и пьяницы. Для этих молодцов хоккей – просто способ выпустить пар, помахать кулаками и наораться вдосталь. Как правило, мы с Еремеевым принимаем самые решительные меры для пресечения возможных беспорядков, но мелкие мордобои всё равно периодически происходят. И третья группа – случайные зрители. Те, кто пришли сюда в первый раз, окрылённые романтикой и рассказами соседей, воочию убедиться в том, что русский хоккей – лучшее зимнее времяпровождение. Во всех трёх группах встречаются самые разные слои населения: от столбовых дворян до уличных попрошайек. Женщины и дети тоже, кстати, не редкость. Вот среди всей этой пёстрой сутолоки я неспешно проталкивался по круговому маршруту, внимательно вглядываясь в знакомые лица. Меня узнавали, приветствовали, желали здоровья, просили Господа хранить милицию... Всё, как всегда. Обойдя

хоккейное поле по периметру, я наконец сосредоточил своё внимание на мрачной сторбившейся фигуре дьяка Филимона Груздева. Стоял он поодаль, у обледенелой горки, и, приподнимаясь на цыпочках, ястребино вглядывался в ход игры. Рукавицами дьяк похлопывал себя по замерзающим бокам, а губы его кривились в явно мстительно злорадствующем режиме.

– Радуетесь проигрышу ребят из ткацкого квартала?

– Ась?! – едва не подпрыгнул он, мелко крестясь от меня, как от беса. – Тьфу на тебя, ирод участковый! Ажно сердце захолонуло... Вот скажу государю, что ты слугам его верным прямо со спины да в ухо глотку дерёшь!

– Пятнадцать суток... – задумчиво предложил я.

– Чёрт с тобой... – признал отпетый скандалист. – Чего тебе от меня, горемычного, надо?

– Да так... просто поинтересоваться вашим мнением насчёт сегодняшнего матча.

– Шутишь?

– Ничего подобного, а что, похоже?

– Да кто ж его разберёт, чего от вас, милицейских, ждать... – ершисто передёрнул плечами дьяк. – Добра от тебя отродясь не видел, а лихостей всяких столько полной ложкой нахлебался, что новым злодейством и не удивишь вроде... Ну да Богу с небеси всё видно! А тебе так скажу – проиграют ткачи, четыре супротив двух. В финал им вовек не выйти, а кузнецы, глядишь, и на четвёртое место взойдут, уж больно у них защита хороша. Хотя супротив «Святых отцов» – руки короткие, да и с Немецкой слободой выше ничьей не прыгали...

– Ого, да вы эксперт!

– Станешь тут... Ты, что ль, отца Кондрата за меня просил?

– Я. Дал ему прочесть ваше письмо и попросил содействия.

– Он и... посодействовал... – Хорьковое лицо гражданина Груздева на мгновение стало таким злым, что я невольно отшатнулся – укусит ещё...

– Епитимью на меня наложил, жестокосердный наш! Играть повелел, доколе кубок чемпионский, червонцами насыпанный, к стопам владыки своей рукою не поставлю! Ибо – видение ему таковое было свыше! Ангелы, мать их, во снах преподобного посещали-и...

– Знаете, а пойду-ка я... – Мне почему-то сразу расхотелось продолжать разговор. Брызжащий слюной и эпитетами дьяк становился слишком одиозной фигурой. Продолжай я задавать наводящие вопросы, народ плюнул бы на хоккей, полностью сконцентрировав внимание на нас!

Быть в одной поп-группе с таким антисоциальным элементом – увольте...

– Делами служебными занялся бы лучше! Вона в тереме царском слухи нехорошие расползаются. Бают, будто бы ведьмина дочь посреди невест государевых затесалась! Или вон запорожцы час от часу всё подозрительней на людей дышат. Меня за день трижды хватали и обыску подвергали облыжно, ровно ищут чего. Ты вона их возьми, прищучь! А то нашёл бесовское веселье – народ хоккеем искушать... Гореть тебе за енто в аду, участковый!

И хотя «дьяк Филька» на нашем служебном жаргоне давно звучит как «геморрой во плоти», ко многим его словам стоило прислушаться повнимательнее. В любом случае до возвращения в отделение у меня было о чём подумать...

* * *

В тереме меня ожидала грамота от царя. Нет, не Почётная, их в то время и в помине не было. Обычный, скрученный в рулон лист желтоватой бумаги с подробным отчётом о допросе афроподданной Тамтамбы Мумумбы. Грамоту мне с поклоном вручил раздувшийся от важности кот Василий. В свете последних событий он даже как-то отдалился от своей непосредственной хозяйки и всё чаще демонстрировал верноподданнические чувства ко мне как к главе отделения. Яга на радостях улеглась спать пораньше, я тоже не собирался особенно засиживаться. Мне, между прочим, даже чаю не оставили... Самовар холодный!

Обычно все речи государя фиксировались двумя, а то и тремя думными или приказными дьяками. На этот раз я с некоторым удивлением узнал руку Гороха. Хм, ну и что же он мне там пишет...

«Худо дело, Никита Иванович, – безвинна девка-то! Она по-русски ещё ни слова не понимает, ну да я самолично допрос вёл. Пробовал и так и эдак, оказалось, что аглицкая речь ей знакома немного. Христом-богом клянётся, что не она это! На бабушку твою по дури да сгоряча бросилась, в чём вины не отрицает. Комнатку её вместе с двумя боярами смотрел, штукovin подозрительных много. Особливо куклы детячи, уж больно на принцесс заезжих похожи... Вроде и стыдно как-то за забавы пустячные на девицу приезжую напраслину возводить. Ты дело-то не бросай, однако факт я затейливый обнаружил – алиби, значит. Польку да французенку чем травили? Яблочком наливным! А почему ж тогда не ананасом али бананом,

к примеру?! Откуль им в Африке про яблоки знать? Да и характер у ней африканский – мёд со скипидаром! В пылу горяча, но сердцем отходчива. Уж ежели не по нраву кто, так копьём запыряет, а фруктом травить доблести мало... Поутру жду, приходи, вдвоём и покумекаем. Бабу Ягу с собой не зови. Она хоть и бабка заслуженная, но уж слишком... спасу от неё нет! Ну да утро вечера мудренее...

Царь-государь и самодержец, твой Горох».

Вот такой образец эпистолярно-художественного жанра.

Честное слово, поначалу я не знал, смеяться или плакать. Нет, смеяться хотелось всё-таки чуточку больше... Вы не поверите, как было приятно узнать, что Яга ошибалась. Я почти на сто процентов был уверен, что царь прав и Тамтамба Мумумба не будет привлечена по делу об отравлении двух претенденток. О, каких сил мне стоило удержаться и не разбудить нашего хвалёного эксперта-криминалиста буквально в ту же минуту. Просто для того, чтобы посмотреть на её вытянувшееся лицо... Мой злорадный порыв погасил кот Василий. Неслышно подкравшись сзади, он внимательно пробежал глазами царскую грамоту и, щекотнув усами моё ухо, муркнув, тихо удалился. Вернулся через минуту, держа в лапах поднос с куском мясного пирога и кружку тёплого молока с мёдом. Всё это дожидалось в печи, чтобы не остыть. Значит, несмотря ни на что, Яга приготовила для меня ужин, а сама просто рухнула спать, в её возрасте такие нервные стрессы с кроссами чрезмерно утомительны. Кот уселся напротив, подперев щёку и вопросительно вскинув брови.

– Будешь? – Я разломил пирог пополам, Васька отрицательно помотал головой. От молока он тоже отказался, но это его проблема. Зато слушать умел бабкин любимец как никто. – Сложно всё... Рассуждать о том, что самые простые преступления и есть самые неразрешимые, – банально. Однако знаешь, вот ощущения трагедии всё равно почему-то нет. О хоккейном кубке я речь не веду, это вопрос принципиальный, и я убеждён – злоумышленник не сумел вывезти его из Лукошкина. Всё говорит о том, что это спонтанная кража. Его взяли случайно, под горячую руку или просто ошалев от самой возможности – безнаказанно взять государеву награду общегородского чемпионата. Кубок всплывёт в самое ближайшее время...

Кот задумчиво кивнул. Нет, он далеко не дурак и психолог отменный, хотя образование, как говорится, высшее запечное...

– О гетманской булаве ничего определённого пока сказать не могу. Честное слово, я ведь этим делом ещё и не занимался толком. Митька там чего-то нащупывает, энергии у него хоть отбавляй, но с завтрашнего утра

обязательно возьму всё под личный контроль. На мой взгляд, речь может идти всего о двух версиях – обычное преступление и политическая провокация. Второе кажется более интересным, учитывая, сколько иностранцев крутится сейчас на царском дворе. Что здесь, что в моём времени – работа дипломата всегда была на грани подкупа, шпионажа, лжи и вечной фальсификации фактов. Может быть, стоит ещё раз побеседовать с полковником Чорным и так ненавязчиво выяснить, кому играет на руку ослабление позиций запорожского войска в России?

На этот раз кот Василий дважды почесал в затылке, прежде чем утвердительно мурлыкнуть. Я столь же глубокомысленно хмыкнул, допил остывшее молоко и отодвинул кружку. Мой собеседник неопределённо махнул лапой, давая понять, что я могу отправляться на боковую, а со стола он уберёт сам.

– Таким образом, настоящая серьёзная проблема у нас пока только с царскими невестами. Если Горох прав, если бабкина версия трещит по всем швам, – то единственное, что мы имеем, так это очередной пролёт! Может быть, негритянская кудесница и в самом деле намеревалась посредством куколок вуду отправить на тот свет ненавистных соперниц, но девочка круто просчиталась! Увы... мы в России, а здесь о культе вуду никто и в газетах не читал, и в страшных снах не видел, и в деревенских сплетнях не трепался. Для того чтобы африканское колдовство сработало – жертва должна о нём знать! И то гарантийного талона на три года никто не даст, нет у нас таких специалистов. Знаешь, что меня обнадеживает в этом деле? То, что девушки до сих пор не умерли. Пребывают в анабиозе, но живы ведь! Просто мы неоперативно сработали... Яга поспешно впала в необоснованные подозрения, вцепилась в первую же попавшуюся жертву и с лёгким сердцем объявила о победном закрытии расследования. Надо эту ситуацию как-то обыграть... Потоньше, поделикатнее, чтобы... ну, ты меня понимаешь?

В общем, лёг я уже ближе к полуночи. Вопреки сложившейся традиции (памятуя наши прошлые дела), ночь прошла спокойно. Никто не прибежал в отделение с неотложными трагедиями, не будил, не писал заявлений и не рвался внести свою лепту в сохранение разлюбезного правопорядка. Даже особенно запоминающихся снов как-то не было. Вроде бы только лёг, едва коснувшись головой подушки, и всё... наутро разбудил дежурный стрелец. Вставать не хотелось, но и ругать парня тоже как-то было не с руки. Сам ведь предупреждал, если до восьми утра к завтраку не спущусь – будить нещадно! Жду не дождусь весны, когда курятник наконец-то откроют и мой любимый пернатый гад снова будет поднимать

меня в четыре часа противным, до судорог, кукареканьем. А я буду метко кидать в него через окно тапочки, огрызки от яблок, абрикосовые косточки и прочие «снаряды». Как только появится свободное время, то и рогатку не грех было бы смастерить. Представляете, сидит он на заборе, пёрышки чистит, а тут я... спелой вишенкой да прямо по гребешку, по гребешку, по гребешку! Виноват, отвлёкся... До весны ещё надо дожить, и потом, резиновый жгут на лукошкинском базаре днём с огнём не сыщешь, так что рогатка отпадает.

...Вниз, в горницу, я спустился бодрым шагом человека, владеющего информацией. Принаряженная Яга праздно сидела у окошечка, выводя на замороженном стекле замысловатые фигуры. В мою сторону и не глянула, задрав нос к потолку.

– Доброе утро. Спасибо за ужин.

– Не за что, – нехотя бросила бабка. – От государя не был ли кто? А то ить я приглашения ждать не буду и передумать могу...

– Был, вчера, – тепло улыбнулся я. – Вот, доставил грамоту от Гороха. Там и про вас написано.

– Да ну? Чего ж пишет?.. Хотя нет, дай-кось я сама, вслух почитаю.

Баба Яга небрежно достала откуда-то из-под рукава допотопные очки на серой верёвочке и важно водрузила их на переносицу. Я ещё раз улыбнулся и подал грамоту. Сам же поспешил выйти в сени, перекинуться парой фраз с нашими стрельцами. Меньше чем через минуту раздался грохот упавшего самовара и звон разбиваемой посуды. Похоже, прочла. Ха, эксперт-криминалист...

* * *

Первые полчаса была война! То есть гром, молнии, осколки глиняной посуды во все стороны; кот, прикрывши уши, snyкавшийся под печь, мелкие клочки от царёвой грамоты на полу и... мат-перемат тако-о-о-й... Стрельцы во дворе аж шапки на уши понатыгивали. В тереме бушевало пенсионное торнадо на костяной ноге! Не хочу преувеличивать масштаб разрушений, но бабка, что называется, отвела душу.

Когда Яга отдышалась – было поздно что-либо спасать. Лично я на её месте даже и не заводился бы с уборкой – проще купить новый дом. Мне, как вы понимаете, крупно повезло (хотя случайного везения у милиционеров не бывает!), в том смысле, что из сеней я попросту не возвращался в горницу. Прижал дверь плечом и держал. Не один, конечно,

мне двое бледных стрелцов помогали. Привалились спинами и крестились как угорелые, пока с обратной стороны в ту же дверь летели крынки со сметаной, горшочки с вареньем, сковородки и даже один раз очень тяжелая табуретка. Мы выстояли...

Я шагнул внутрь – элегантный, стройный, подтянутый, готовый к поддержке и сотрудничеству.

– Никитушка...

– Весь внимание.

– Никитушка, вот погляди мне в глаза и честно скажи: правда ли, что царь наш ополоумел?

– С чего бы?

– Никитушка, дак ведь пишет же, аспид, будто бы девка энта африканская как есть ни в чём не повинная?!

– Это его личное мнение.

– Никитушка, но ить я же права-то, я! Чё он из меня дуру лепит, нешто я безмозглая совсем...

– Ничего подобного там не было.

– Никитушка. – Судя по всему, Ягу окончательно заклинило, и бабка, бессвязно шлёпая губами, на пальцах пыталась мне объяснить, что Горох – дурак и простофиля, а она одна это дело распутала и никакому венценосному адвокату не позволит отмазать от суда злостную уголовницу. Я «выслушал» эту жестикуляцию с самым неприступным выражением на лице. Яга начала по второму разу, но в дверь постучали, и из сеней шагнул присыпанный снежной пылью Митька.

– Здоровеньки булы, шановни громадяне! – с широкой улыбкой в тридцать два зуба объяснил он. Сделал шаг вперёд, поскользнулся валенком на сметане и грохнулся во весь рост!

– Хана самовару. Теперь уже полнейшая хана... – меланхолично отметил я. Бабка пошла буреть на глазах, а бедный Митяй с удивлением смотрел на вогнутый оттиск своего благородного чела в измятом тульском самоваре. Наша домохозяйка уже набрала в грудь воздуху, раскрыла рот, подняла над головой сжатые кулачки и... выпустила пар, осёкшись под моим насмешливым взглядом.

– Вставай, Митя. Поднимешься наверх, сдашь отчёт в моей комнате. А вы бы прилегли, бабушка... Не стоит так близко всё принимать к сердцу. Я отправлюсь к Гороху где-нибудь через полчаса. Побеседую, посмотрю, насчёт дальнейшего – определимся по обстановке.

«Есаул Лыбенко» без разговоров попятился к лестнице, я – за ним, неторопливо и важно, а Яга так и осталась стоять посреди всей разрухи,

опустив руки и повесив нос. В моей комнате, наверху, особой мебели не было: сундук, кровать, табурет – всё. Да в углу подаренная икона из храма Ивана Воина, память о Чёрной Мессе. Я уселся на табурет, Митька предпочёл стоять. Казачью шапку с синим верхом он вновь водрузил на голову, явно тесный жупан подпоясал верёвочкой, широченные шаровары заправлены в русские валенки, но через плечо болтается кривая турецкая сабля. Внешне – вольное сочетание Тараса Бульбы и Иванушки-дурачка, причём второго процентов на десять больше. Разговор, кстати, тоже не получился... Второй день не узнаю своих же сотрудников!

– Докладывай, что нового удалось выяснить по делу и какие предположения появились по ходу расследования.

– Не розумию...

– Не... прости, что?!

– Не розумию вашу москальску мову, пан участковий, – старательно коверкая язык, выдал он.

Я, поморщившись, сжал ладонями виски...

– Митя.

– Шо треба?

– У тебя проблемы с произношением, какой-то грузинско-одесский акцент получается.

– Да неужто? – по-детски огорчился он, но тут же спохватился: – От и хлопцы гуторят, шо у мене усё, як у гарного казака, тильки балакаю не по-запорожски! Но це ж не моя ридна мова, трохи пидучиться бы...

– Это правильно. Для углублённого изучения иностранного языка нет ничего лучше постоянной разговорной практики в естественной среде. Ношение отдельных деталей национального костюма конкретно выбранного этноса тоже помогает проникнуться народной культурой. Тут ты молодец, но что у нас по делу?

– Не можно казати.

– Митя, у меня со вчерашнего дня нервы на пределе...

– Николи не можно казати, бо вы – мент кацапский, а це дило – наше, казацкое, запорожское! – медленно и проникновенно начал наш (или уже не наш?!) младший сотрудник. – Невмочно, шоб москали до нас спрос имели. Чи мы сами не при головах будемо?

– Митя, ты что несёшь?!

– А шо? Тильки б нам не противились булаву гетманьску шукать. Вы вже, не во гнев буди сказано, трохи недалекий... Вона, жидов до хаты привечаете, з католиками немецкими магарыч пьёте – не по-казацки то! За сколько грошей они вас купили? Ну, не чого... Ось ближний погром буде,

мы и...

У меня потемнело в глазах. За какие-то два дня хороший русский парень стал махровым национал-фашистом бандеровского толка. Говорить было не о чем, я встал и закатал рукава. Митяй набычился и потянулся к сабле:

– Не шуткуй, панове, посеку!

Нет, я в любом случае спустил бы его с лестницы. И сабля бы не помогла, ибо правда на моей стороне, а это главное! Но снизу вновь раздался грохот, вопли, визг и дробная беготня с перемежающимися проклятиями под глухие звуки ударов. Поэтому я просто обошёл неуправляемого «есаула», ринувшись по ступенькам вниз. Картина, как и все предыдущие, впечатляла динамизмом трагикомедии. Баба Яга с ухватом наперевес гоняет по разгромленной горнице чёрного кота Василия. Тот, успешно уворачиваясь, с некоторой ленцой орёт дурным голосом. К окнам прилипли любопытные стрельцы. Общий бардак и не думает прекращаться, отделение превращено чёрт знает во что! Завидев меня, кот совершает головокружительный прыжок в стиле китайских акробатов и, прячась за моей спиной, нагло показывает бабке язык...

– Никитушка-а... Отойди! – чуть не плача подскакивает Яга. – Дай мне энту заразу усатую самолично по башке пришибить!

– За что? – ровным голосом поллюбопытствовал я.

– Дык... а как же?! – едва не задохнулась от возмущения запыхавшаяся бабка. – Ить он же... как это... прав таких не имеет, чтоб... Да кто он супротив меня?! Я тут в своём доме не позволю... Ишь!

По лестнице, нарочито тяжело бухая валенками, спустился сумрачный Митька, саблю он по-прежнему держал за рукоять. Я посмотрел на него, на Ягу и неожиданно легко понял, что никаким особенным имуществом не обладаю. То есть тратить время на сбор вещей и подготовку документов к выселению не придётся.

– Все свободны. Я ухожу. Живите, как хотите...

Взял фуражку, планшетку, накинул тулуп. Не буду врать, будто бы меня кто-то задерживал, уговаривая остаться. Хотя и идти тоже было некуда...

* * *

Стрельцы у ворот провожали недоумевающими взглядами. Двое конных запорожцев за забором держали третью лошадь в поводу и на моё

появление отреагировали лишь презрительным плевком сквозь зубы. Я шёл, как обиженный ребёнок, не разбирая дороги, проваливаясь в снег: тулуп нараспашку, щёки горят, и... больно-о... Как же мне было горько и больно... Что случилось, что произошло, что вообще такое вышло, если дружная, спаянная опергруппа развалилась в течение каких-то трёх дней?! Причём без особых причин, влияния извне, даже без намёка на логическое объяснение ситуации! Может быть, нас просто сглазили, всех разом? Баба Яга – мудрейшая старушка, опытный оперативный работник, добрейшей души человек... Впадает в дикое сомнение, крушит всё подряд и губит, возможно, совершенно неповинную девушку только для поддержания собственного авторитета! Дмитрий Лобов, Митяй, Митька, Митенька – широкая натура, безоговорочная преданность делу; напарник, не раз, в полном смысле этого слова, спасавший мне жизнь... Угрожает мне же и в считанные часы становится двуличным подонком с национально-шизофренической идеей, готовым громить за неподходящую кривизну носа и неумение выговаривать букву «р»! Что же я сделал не так?.. Где упустил, недосмотрел, проглядел какие-то первые, явные симптомы разложения молодой лукошкинской милиции?!

– Смотри, Серафимовна, участковый-то какой смурной идёт... Ровно в воду опущенный. Заболел, поди, али дела служебные измучили, а может, с печенью что?

– Дык от любви завсегда люди сохнут. Вот и я, бывалоча...

– Да тьфу на тебя, Серафимовна! Мужики, подьте-ка сюда. Может, сыскному воеводе подмогнуть чем надо?

– Дык от любви завсегда одни болезни. Вот и кум, бывалоча...

– Уймись, Серафимовна! А и вправду, люди добрые, чтой-то не в себе наш Никита Иванович. На ровном месте спотыкается, дальше носа не видит, и в глазах рассуждение такое печальственное образовалось...

– Дык от любви завсегда желудок расстраивается. Вот и мы, бывалоча...

Кто-то мягко подхватил меня под руки. Совершенно незнакомые люди с виноватыми русскими глазами повели меня куда-то в тепло. Там шумел народ, пели девки, плясали цыгане, самокуренное вино текло рекой, и зеленоватый туман обволакивал сознание. Ухарски звенела балалайка, в углу на спор боролись с медведем, шлёпали засаленные карты, и выигранные медные монетки, подпрыгивая, разбегались по столу. Я что-то пил, чем-то закусывал, о чём-то захлёб рассказывал и, может быть, даже плакал... Не помню. Мне было так восхитительно всё равно... Может быть, именно это и есть знаменитая российская психотерапия – взять

издёрганного милиционера и вусмерть утопить ему стресс! Честное слово, никого лучше, порядочней, тактичней, благородней и разумнее этих... Ванюшек, Танюшек, Егоршей, Федоток, Марьянок и Настёнок – я никогда не встречал! Какие люди... как их много... куда они делись?

– Вставай, Никита Иванович, пойдём. – Прямо передо мной повисло заботливое лицо Еремеева. Почему-то вверх ногами. Забавно, правда? Сам сотник Еремеев, и почему-то вверх ногами!

– Ха, ха... – кисло выдавил я. Язык практически не ворочался во рту, и общее ощущение было настолько гадостным, что меня едва не стошнило. Фома протянул жёсткие руки, одним круговым движением перевернув весь мир вверх тормашками. У меня резко закружилась голова, всё поплыло перед глазами, а сознание далеко не сразу пришло к согласию с реальностью. Если бы мне ещё хоть кто-нибудь объяснил, где я, собственно, нахожусь, я был бы ему очень благодарен... В голове шумело, методично, но негромко.

– Ну ты и набрался, участковый...

– Кто, я?! – По-моему, меня пытались обидеть.

– Нет, я! – почему-то рявкнул Еремеев. Вообще-то он редко грубит, но сегодня это особенно оскорбительно.

Я попытался встать и поставить его на место, образно выражаясь...

– Куда, пьянь подзаборная?! Парни, уносите его. – Двое охранных стрельцов взяли меня в охапку и подняли с лавки... О-ой, что-то мне совсем погано...

– Пусти... никуда я не пойду!

– Ага, а то мы спрашивать будем, – неласково пояснил сотник. Я ещё больше обиделся, но ответить не успел...

– Это кто же тут батюшку сыскного воеводу супротив его воли за грудки хватает?! – грозно разнеслось на весь кабак.

Не сомневайтесь, в конце концов я всё равно допетрил, что нахожусь именно в кабаке, чему предшествовал ряд нетрезвых логических умозаключений. Самым главным и неоспоримым являлся тот непререкаемый факт, что кругом – пьяные. И я пьяный, и Фома пьяный, и стрельцы наши охранные тоже пьяные – все пьяные! Иначе с чего бы это образцовый сотник Еремеев прилюдно затеял драку с тем самым здоровенным конюхом, что за меня заступился?

– Бей стрельцов, спасай милицию! – Это кто-то из-за соседнего столика заорал. Меня выпустили, и я послушно брякнулся себе в уголок, где и сидел чин-чинарём, пока кабак подвергался разгрому.

– Не дадим супостатам над Никитой Иванычем надругаться! –

надсадно вопила какая-то тётка, а я всё пытался понять, что же это она имела в виду?! Женская логика для меня во все времена – вещь необъяснимая... Впрочем, мужички тоже не отставали. Пока куча-мала из Еремеева с ребятами и кабацкой теребени каталась по полу, прозвучал новый занозистый лозунг:

– Навались, православные! Сёдни участковому рюмку водки выпить не позволяют, а завтра бабу соломенную в постелю подсунут!

Я попытался это образно представить. Нет, даже не акт, просто саму бабу из соломы. Ж-ж-уткое зрелище, импотенция на всю жизнь... А почему меня вообще это задело?! Значит, интересуется. Как говорил старик Фрейд – пора жениться! Сейчас пойду и... женюсь, встану только...

– Ох и хрень-набекрень, до чего ж хорошо-то! – едва ли не со слезами в голосе выдал последний стоящий на ногах счастливец и рухнул навзничь.

Я огляделся. Все лежат. Весь кабак разбит так, словно покорение Сибири Ермаком репетировалось именно здесь, а уж набравшись опыта, перешло на бескрайние уральские просторы. Кто тут Ермак, кто злой татарин – гадать бессмысленно... Народ лежит друг на друге вповалку, и, кажется, до меня уже никому нет дела. Ладно, я не в претензии, всё понимаю, сам уйду... Хотя зачем же было приглашать, если провожать никто не вышел? Что значит «им не до того»?! Я проявил воистину рыцарское великодушие, простил всех и, не отрываясь от стены, без спотыканий добрался к выходу. Благо дверь ещё висела на одной петле, искать не пришлось.

Морозный воздух после продымлённого перегаром помещения показался буквально живительным бальзамом. Следом за мной кубарем выкатился глава стрелецкой сотни. Доблестный Фома напоминал теперь курицу, побывавшую в лапах у лисы. Я первый подал ему руку помощи и помог встать на ноги, хотя меня самого так витиевато-приятно покачивало. Со стороны Земляного вала бежали еремеевские стрельцы, Фома что-то им прокричал, указуя на кабак. Мне было неинтересно, но он быстро догнал меня и, прихрамывая, пошёл рядом. Какое-то время молчал, изредка прикладывая снег к разбитому носу. Потом заговорил – медленно, извиняющимся тоном:

– Ты уж не серчай, Никита Иванович... Зря я, дурак, на тебя при людях голос повысил. Не должно такого быть, чтоб начальника милиции лукошкинской его же стрельцы подчинённые за химок от бутылки волокли...

Я наставительно поднял палец вверх и с умным видом кивнул. Правда, к чему он всё это, пока не понял.

– В отделении раздрай! Ты ушёл, парни знать ничего не знают, а тут нарочный от государя! Вот и вспылil по глупости... Царь тебя видеть хочет. Радость у него великая, вроде как с невестой определиться изволил. Сходил бы, а? Уважь самодержца, что тебе стоит...

Я остановился, поморгал, пристально глядя на золочёные купола Никольского собора, потом поправил фуражку и важно выгнул бровь.

– Пойду. Но ты проводишь! А то... качает как-то...

– С превеликой радостью! – облегчённо выдохнув, подпрыгнул Еремеев. А потом ещё и перекрестился два раза...

* * *

До царского терема шли пешком – так меня уговорили. Впоследствии я был очень благодарен сотнику за эту часовую прогулку. Он постоянно прикладывал снег к лицу, а я хоть протрезвел на морозце. Чёрт побери, как вообще могло такое случиться, чтобы начальника отделения милиции затащили в самый непотребный кабаk пьянствовать?! Нет, я не ангел, могу и выпить в хорошей компании... Но ведь не с потенциальными клиентами нашего поруба! Если вспомнить (а воспоминания цветисто-размытые), то едва ли не каждого второго можно было брать и тащить в кутузку. Даже нужно было! Там разберёмся за что, за что – всегда есть... И стыдно за такие мысли, и гадко, но вычеркнуть всё из памяти никак не возможно... Похоже, я слишком заиклился на значимости собственной особы, надо делом заниматься. Делом, тогда на отвлечённые философствования просто времени не останется.

– Фома, давай без обид. Извинения отложим на потом, а сейчас надо поговорить о работе.

– Слушаю, Никита Иванович, – рассудительно кивнул сотник.

– Я хочу, чтобы ты с молодцами провёл тщательную ревизию во всех кабаках, трактирах, барах и ресторанах, где после матча отдыхают участники чемпионата. Мне нужно быть в курсе их разговоров, споров, выяснений отношений, проблем с судейством – короче, всего, что может хотя бы намёком продвинуть нас в поисках кубка. Горожане о краже ничего не знают, а вот... Ты чего это?

– Чего это я?!

– Ты покраснел.

– Да брось, участковый...

– Сотник Еремеев!

– Ой, ну...

– Смотри мне в глаза! В глаза, кому говорю... – Я впился взглядом в его смущённую рожу и разом всё понял. – Разболтали-и!

– Да я ж... своих предупредил только... – опустив голову, забормотал Фома. – Ну, может, там кто... под большим секретом жене... али ещё кому, а так – ни-ни!

– Ни-ни, говоришь?!

– Вот те крест, Никита Иванович!

– Ладно, ставлю вопрос иначе: сколько человек в городе ещё не знают о краже царского кубка? – взвился я. Еремеев задумался, пошевелил губами, что-то подсчитал для себя и безнадёжно махнул рукой. Всё ясно... До самых царских ворот шли молча. На прощание я обернулся и дал новые указания:

– В свете сложившейся обстановки нам придётся откорректировать план действий. Разрешаю под мою ответственность привлекать к расследованию самые широкие слои населения. Но! Сразу предупреждаю: государь не хочет международного резонанса. Слухи о том, что кубок похищен прямо из гороховского терема, пресекать незамедлительно! Официальная версия – украден во время транспортировки, и точка! Можешь пообещать от лица отделения благодарность и материальное поощрение. Размеры суммы не оговаривай, у нас не частная лавочка, мы на бюджете. Помощь помощью, но помни: найти этот кубок самостоятельно – для нас дело чести!

– Всё понял, исполню, как велено. – Фома с чувством пожал мне руку и, чуть прихрамывая, двинулся в сторону отделения. Я же не торопясь, поприветствовав охрану, шагнул на царский двор.

На лестнице меня поджидал вездесущий дьяк Филимон. Я пытался его обойти – не вышло... Добровольный сексот и безнадёжный борец за одному ему понятную справедливость вцепился в мой рукав, всей силой щуплого «теловычитания» втискивая меня в угол.

– Секретная информация? – шёпотом спросил я.

– Фу-у-у... – приняхавшись, сморщился дьяк. – Да ты никак пьян в стельку, Каин форменный?!

– Во-первых, не пьян. Во-вторых, не форменный, а в форме. В-третьих, не Каин, а гражданин участковый, – пустился перечислять я, внаглую дыша на Филимона перегаром.

Груздев закашлялся и, сменив обвиняющий тон на заговорщицкий, пустился с места в карьер:

– Тока на тебя, ирода, и уповаю... Поговори с государем нашим! Ведь

не ровён час такую глупость учинит, что мы перед державами иноземными весь век в скоморохах ходить будем. Заступись за Русь православную, не пожалей живота милицейского, а на небесах зачтётся. Я ж самолично за тебя, грубияна, на коленях Христа-бога молить буду!

– Ага, из всех ваших молитв за мою особу только заупокойная хорошо получалась. В смысле, естественно шла, от души... Все прочие – сквозь зубы. Давайте без патетики, что нужно?

– С государем поговорить!

– О чём?

– О женитьбе его скоропалительной... – опять пустился в причитания дьяк. – Ведь сам ни за грош пропадёт и нас, грешных, погубит. Потянуло, вишь, петушка да на паву заграничную. Поговори с царём, он тебя слушает! Бояре и подступиться не смеют, отец Кондрат грамоту срочную архимандриту шлёт, срамотища – хоть глаз не подымай!

– Тьфу ты, господи, да что такого-то?! – не разобравшись, возмутился я. – Сколько помню курс российской истории, наши князья, цари и даже императоры во все времена предпочитали брать жён из-за границы. Это выгодно и с политической, и... и... ну, со всех сторон, короче. Военный альянс с соседями позволит...

– С какими соседями?! – едва ли не в голос возопил Филимон Митрофанович, но осёкся и вновь перешёл на драматический полушёпот: – Соседи-то у нас под боком сидят, а вот до Африки энтой, как до Луны, тока лесом! Гости заграничные вот-вот бунт объявят, оскорбительно для них чернокожую царицу на троне русском видеть. Войной пойдут!

– А вот это уже неприкрытый расизм, – вяло отметил я. Хотя на самом деле гороховский выбор даже меня шарахнул по голове – не зря, выходит, он её без свидетелей допрашивал. И выгораживал потом тоже не зря... Лихо гражданочка Тамтамба Мумумба окрутила нашего царя-батюшку! Он, конечно, натура романтическая, но не до такой же степени...

– Сделай божескую милость! Не за себя прошу – всё государство на корню пропадает... Христом-господом клянусь впредь твою милицию не материть прилюдно! Свечи каждый день ставить буду... не выдай, родимый!

– Стоп, это уже перебор. – Дьяк полез с объятиями, слезами и поцелуями, а меня сегодня уже дважды тошнило. – Я поговорю с царём. Для этого и пришёл, но заранее обещать ничего не буду. А теперь пропустите, пожалуйста.

Груздев отвалил от меня с чувством выполненного гражданского долга – отечество можно считать спасённым! Я немедленно поднялся в

гороховские покои и попросил доложить. Меня ждали.

– Заходи, Никита Иванович, друг сердешный! А ну, подать сюда водки для нас с участковым!! Садись да слушай, ибо радость у меня великая – женюсь!!!

Я молча присел на скамеечку. Ну, весь внимание...

* * *

Он говорил и говорил, не прерываясь и захлёбываясь от возбуждения. Глаза горят, усы топорщатся, борода дрожит, уши красные, и порет такую чушь... аж стыдно за него. Мужика прямо-таки перемкнуло на экзотике. Русские девки, татарки, половчанки, полячки, болгарки и даже немки у него были, а вот негритянки – нет! Видите ли, теперь ему без чернокожей красавицы в постели и жизнь не мила... А сколько фактов привёл, объяснений разных, логикой торжествующей так и припечатывал каждую фразу. Я с ним не спорил. Мне по большому счёту вообще всё равно, кто рядом с ним на троне сидеть будет. Хотя, честно говоря, как-то не очень представлял агрессивную африканочку в кокошнике и длинном сарафане под берёзкой с лукошком в руках...

– Значит, такая большая любовь?

– Кудыть те любовь... Страсть! – Не в силах сдерживать чувства, Горох бегал взад-вперёд по кабинету. Чувства и в самом деле выглядели чрезмерно обуревающими. – Страстью любовной горю весь! Томлюсь по ней, аки лев пустынный по колодезю с водой родниковой алкает!

– Мм... насчёт льва это вы завернули... Нет, мне даже не наливайте! Я на службе.

– Какая служба?! Царь, то есть я, женится! Ты что, обидеть меня хочешь?

– Дело не в...

– А вот возьму да и не обижусь! День у меня сегодня такой – радость великая, всем подряд хочу счастье сделать! – продолжал щебетать воодушевлённый самодержец, и я окончательно принял позицию дьяка. – Тюрьмы открою, налоги отменю, всем всё прощу – пущай страна гуляет! Чай, ить не каждый день царь-государь жениться изволит! Как думаешь, Никита Иванович, может, и границы открыть? Пущай Ваньки с Маньками Европу посмотрят, а Европа на них полюбуется... Вот радость по миру пойдёт!

– По миру пойдём мы с вами, – глубокомысленно откликнулся я.

Поведение Гороха было настолько ненормальное, что у меня зародились сомнения в целостности его рассудка. Нечто похожее я наблюдал в финале дела о перстне с хризопразом, когда отчаявшийся шамахан, приняв царское обличье, изо всех сил изображал нам государя. Вот и сейчас передо мной суетился уже не Горох. Не такой Горох, каким я его знал, а нечто неприятное, зомбированное, что ли... В голове у меня предупреждающе щёлкнуло.

– Давно это у вас?

– Любовь-то?! Давно-о... с утра ещё! – охотно подключился кормилец и поилец. – Вечерком вчерашним, как стрельцы ненаглядную мою на допрос привели, я ей свободу полную объявил и от всяческих подозрений избавил. Невиновная она, участковый! Алиби у ней: что такое яблоко, и близко не представляет. А в комнатке её ядов да зелья колдовского найдено не было. Куколки одни...

– Куколки, значит... А утром, как вы говорите, в вашем сердце зажглась нежданная любовь?

– Эх, хорошо сказал, друг душевный! – Горох сердечно обнял меня за плечи и потряс в горячем проявлении истинной мужской дружбы. – Умный ты человек, участковый, и душа у тебя не только из параграфов служебных писана... Веришь – нет, на заре, часов в шесть, словно сила какая меня на постели подкинула! Чую... любовь в сердце так и ломится! Перед глазами образ её светлый... Тьфу, чёрный!.. Тьфу, чудесный – стоит, не колышется! И в груди защемило сладко-сладко, как в детстве у маменьки на руках... Умереть готов, тока бы Тамтамбу мою разлюбезную видеть! Вона как с любовью-то бывает, а, Никита Иванович?

– Да, бывает... – как можно равнодушнее ответил я и встал, направляясь к дверям. – Пора мне. Дел полно, от службы, как ни верти, всё равно никуда не денешься.

– Куда?! Ну не уходи ты, бога ради! Мы ж ещё и не выпили...

– Я же объясняю – служебный долг зовёт. Да и, кстати, если я вас правильно понял, дело гражданки Мумумбы можно закрывать?

– Закрывай! – чуть надувшись, дозволил государь. – Моё слово твёрдо – неповинна она!

– Вот и замечательно, – улыбнулся я. – Вы не проводите меня в её комнатку, надо составить протокол, описать все вещи и принести официальные извинения. Всё-таки наши сотрудники беспочвенно обвинили иностранноподданную, а это непорядок.

– Непорядок... да ладно, я на радостях и Ягу твою простил! Ещё и на свадьбу приглашу, придёт, чай?

– Непременно, но протокол составить всё-таки надо. Идём?

Горох «проглотил» всё это не разжёвывая и, забегаая вперед, ринулся в комнатку будущей русской царицы. Я тайно дал знак двум стрельцам следовать за нами. Не то чтобы я особенно боялся этой Мумумбы, но, памятуя, насколько ловко она управляется с копьем для охоты на носорогов... Уж троих-то сразу не убьёт. Нет, если проблемы и возникнут, то не с ней, а с дорогим нашим надеждой-государем. Он в своей слепой «любви» запросто поможет преступнице скрыться, а то и сам полезет оказывать сопротивление. На третьем этаже вышли к длинному коридору с одинаковыми комнатками. Низкий вход, дубовые двери, никаких внешних отличий, царь отсчитал четыре справа и, сделав влюблённую физиономию, постучал:

– Мумумбушка! Солнышко моё незакатное, соловушка черноглазая, звёздочка белозубая, открывай...

– Кто белозубая? Звёздочка?! – не удержавшись, переспросил я. Сегодня их величество буквально сыпало новыми поэтическими откровениями. Самому представить зубастую звезду Африканского континента мне не позволила скудость служебного воображения...

– Заинька моя, это ж я – твой серенький волчок! – продолжал надрываться царь. Стрельцы пристыженно опустили глаза, надвинув шапки пониже на лоб. Из-за двери не раздавалось ни звука.

– Может, её дома нет?

– Да где ж ей быть, рыбке моей чернобровой?

– Ну мало ли... – деликатно намекнул я, – пошла в дамскую комнатку припудрить носик.

– Что сделать?!

– Припудр... хм, вы правы, разве что угольной пылью. Стучите!

Государь бился ещё минуты три, пока кто-то из соседей по этажу не сжалился.

– Нет её там, в баню пошла. Говорит, тепло там, как дома... – доложила миленькая боярышня и, покраснев, скрылась у себя в номере.

– Спасибо за содействие! – крикнул я, потом повернулся к царю и сделал сокрушённое лицо: – Ждать нет времени... Может быть, заглянем по-быстренькому, присядем, оформим подписи и не будем беспокоить свежавымытую новобрачную лишней бюрократией?

– Да удобно ли? – засомневался Горох.

– Ну мы же не грабить пришли и не обыски устраивать. У вас есть запасные ключи? Давайте, давайте, чего зря тянуть...

Царь доверчиво пожал плечами. Вот и отлично, отпирайте.

...В лицо дохнуло пряными запахами африканских саванн. Я прикрыл глаза и, втянув ноздрями дурманные ароматы, попытался навскидку определить, чем же всё-таки пахнет. Вообще-то это работа для Бабы Яги – она непревзойдённый эксперт в таких вопросах. Я сам ни одного отдельного запаха так вычислить и не смог. Хотя по первому впечатлению здесь явно пахло кровью, петушиным помётом, затхлым потом зебры, слоновьей кожей, бананами и львами. Может, я не всё перечислил, прошу прощения...

– Мать честная... – отвлёк меня кто-то из стрельцов. Маленькое помещение, по архитектуре скорее напоминавшее келью или малогабаритную кухню, сплошь было заставлено яркими образчиками африканского быта. Пятнистая шкура на полу, кувшин с ломаным орнаментом, бусы, перья, цветные ткани, сваленные в углу, два или три божка из чёрного дерева, четыре разнокалиберных копья, длинный лук, стрелы без колчана, странной формы нож (с четырьмя отточенными клювами!) и целый ряд кустарно вылепленных восковых куколок на подоконничке. Восхищённый государь с большим восторгом перебегал от одного предмета к другому. Стрельцы, правильно оценив ситуацию, обратились напрямую ко мне:

– Нешто не язычество сие?

– Эти деревянные уродцы на самом деле могущественные боги, – нехотя пояснил я. – Им надо приносить жертвы перед охотой, вроде бы так... В плане язычества или идолопоклонничества скажу одно: вы абсолютно правы! Но обсуждать религиозные заблуждения своей будущей царицы я бы на вашем месте не спешил.

– А что такое?! А кто тут против? – попытался мимоходом влезть Горох.

– Все – за! Не волнуйтесь, пожалуйста. Я так понял, что вон те фигурки и есть детская забава вашей избранницы?

– Её искусство! – с гордостью отметил царь. – Ты только глянь, Никита Иванович, до чего же похоже лепит. Большой талант девке даден!

– Угу, оригинальный стиль, ручная работа, – не стал спорить я. – А этот плечистый бородач за кувшином, видимо, вы?

– Где? – ахнул государь. Я наклонился и поднял с пола маленькую фигурку из жёлтого воска. Скорее всего, её и не пытались особо надёжно спрятать, просто убрали с глаз долой.

– И впрямь я... от ить чудо какое! Ну не прелесть ли эта Тамтамбушка?!

– Очень может быть... – сухо бросил я, делая знак стрельцам. – Парни, поддержите государя на весу и без членовредительства.

Стрельцы ринулись вперёд, как коршуны на курёнка. Горох – мужчина не слабый, но эти богатыри возились с ним меньше полуминуты. От удивления царь не то что забыл посопротивляться, рта раскрыть не успел.

– Итак, посмотрим, что у нас внутри? – Я легко разломил мягкую восковую статуэтку. Ага, так и есть – внутри лежали слипшиеся волосы, обреза ногтя и... жёлтая горошинка! Я вытряхнул всё на пол, а две половинки фигурки сунул в карман как вещественное доказательство.

– Ой... худо мне... – За моей спиной царь Горох мешком обвис на стрелецких руках. Пришлось подойти поближе, пощупать пульс, похлопать по щекам и, только убедившись, что самодержец бесповоротно жив, скомандовать ребятам:

– Тащите его в опочивальню. Будет просить рюмку водки – дайте. Я подойду минут через десять, как только закончу осмотр.

По совести говоря, мне просто нужно было немного побыть одному, успокоить подразвинтившиеся нервы. Конечно, там, в кабаке, меня солидно «подлечили», но алкоголь лишь притупляет остроту назревшей проблемы. Да и то временно... Прошло всего несколько часов, а я вновь прокручиваю события вчерашнего и сегодняшнего дня. Нет, что бы ни было, но пускать на самотёк всё это дело нельзя. Надо немедленно посадить Ягу и Митяя за стол переговоров и окончательно определиться – работают они в моей команде или нет. Если да, то я готов принести извинения за возможную грубость и резкость. Если нет, то скатертью дорожка! Отделение меняет адрес, переезжая на царский двор, и мы с Еремеевым продолжаем нелёгкую милицейскую службу. Так-то вот...

– Батюшка сыскной воевода!

– Слушаю, – обернулся я. В дверях комнатки госпожи Мумумбы стоял молоденький стрелец, один из тех, что уводили царя.

– Да я тока доложить хотел, чтоб вы беспокоиться не изволили. Государь на перинке мягкой отдыхают, наливку с изюмом кушают. Вас зовут настоятельно...

– Иду, уже иду. – Я выбрал какую-то оранжевую тряпку поскромнее и расстелил на полу. – Давай-ка, молодец, соберём сюда всех этих куколок. Думаю, такие игрушки лучше всего будут смотреться в отдельном музее МВД Лукошкина.

– А гдей-то такое? – простодушно захлопал глазами парнишка.

– В будущем, – глубокомысленно закрутил я, стягивая в узел всё, что казалось мне чрезмерно подозрительным. Дверь на замок запирать не стал – всё равно принцесса сразу найдёт следы визита незваных гостей. Ну и ладно, если что не устраивает – сама придёт ко мне за разъяснениями. Когда проходили по коридору, почти все комнатки были открыты и на нас, не скрываясь, пялились любопытные девичьи глазки. Многие ведь за всю свою жизнь так ни разу ещё и не видели живого русского милиционера. А воспитанная фройляйн Карпоффгаузен не замедлила выйти навстречу и сделать книксен. Я чуть кивнул, козыряя на ходу, она разулыбалась, и по коридорчику пролетел еле уловимый вздох женской зависти. Понятное дело, что я для них никогда не буду столь же популярным, как царь Горох. Но даже как экзотика, даже на один раз, всё равно такое внимание было лестным и приятным...

У входа в государеву опочивальню стоял боярин Кашкин с сыновьями и дьяком Филькой. Завидев меня, гражданин Груздев кинулся с расспросами: что да как? От него я просто отмахнулся, а вот боярину сказал пару слов на ухо. Кашкин – человек опытный, ко мне всегда относившийся с пониманием, – выслушал молча, так же молча кивнул и молча пожал мне руку. Потом поклонился, давая пройти к царю.

– Что ж ты молчишь, растудрить твою в милицию?! Всё ли ладно вышло? То ли сделал, что я тебе указывал? Сказал ли государю, кто за него душой более всех радел? Да будешь ты отвечать, идол бестолковый?! – надрывался дьяк, пока кто-то не дал ему подзатыльник. У Филимона Митрофановича сразу появился новый объект для претензий, и мне удалось проскользнуть.

Царь вальяжно развалился на широкой кровати под балдахином. Ноги в тёплых носках закинул на подушку, под боком миска с чёрным изюмом, а на полу подносик с пузатеньким штофом и чарками. Глаза у государя были уже слегка соловенькие, но... разумные. Если на деле имело место хоть какое-то воздействие в стиле вуду, то теперь от него не осталось и следа. Передо мной возлежал самый настоящий, прежний царь Горох.

– Пить будешь?

– Буду.

– А кто у нас на службе?

– Да ну вас к чёрту!

– Подставляй, – добродушно ухмыльнулся государь и собственноручно набулькал мне тёплой вишнёвой наливки. – Твоё здоровье, участковый!

Я засиделся у царя до вечера. Пока рассказал, что да как в отделении, пока сетовал на Ягу и Митьку, пока объяснял причины тупикового состояния следствия. Он очень внимательно меня слушал, даже опытного опера из себя не строил. Когда надо, Горох проявляет поистине редкий дар социолога-психоаналитика. Как он умеет слуша-а-ть...

– С советами приставать не стану, учёного учить – только портить. Помочь – помогу, но тайно. Про то, что в тереме царском покража случилась, повторяю, иноземцам знать не надобно.

– Мм... вообще-то весь город в курсе, – виновато заметил я, тут же пояснив, на какие вынужденные меры пришлось пойти ради направления народной энергии в нужное русло.

– Город? Ну бог с ним, с городом, – нехотя отмахнулся государь. – Лукошкинцы – свойские люди, глядишь, и не выдадут. Ты вон поощрение матерьяльное пообещал, так я в долю войду. Но доля моя царская! Отделение милицейское хоть сегодня на мой двор переводи. Крымскую башню займёшь, там пусто сейчас. Провиант, одежду, снаряд всякий, по делу полагающийся, бери без спросу. Я тут своих предупрежу, препятствий чинить не станут. Изю всех дел для меня только одно важное – девиц зачарованных в чувство привести. Этим и заниматься прошу наипервейше! Не приказываю, а прошу... Ибо только мне за них ответ держать. Хоть всю милицию под топор отправь, а от спроса не избавишься и невест не воскресишь... Понял ли?

– Так точно, ваше величество. Будем копать дальше.

– Ну а коли так, чего ж ты ещё тут сидишь? Иди давай, служи. – Горох приобнял меня за плечи, похлопал по спине и пояснил: – Мы небось уже часа три болтаем. Оно приятно – с умным человеком поговорить, но ить у меня и без твоей особы государственных забот хватает.

– Иду. – Я забрал с подоконника фуражку и повернулся к дверям: – Простите, можно ещё один вопросик? Вы жениться не передумали?

– Вот она где у меня, женитьба эта! – Царь выразительно подпёр ладонью кадык. – А куда денешься?! Женюсь я, будь оно неладно...

– На Тамтамбе Мумумбе?

– Иди... иди, участковый! – сердечно посоветовал царь.

– Да или нет? – продолжал домогаться я. – И почему?

– Нет! – жёстко отрубил Горох. – Не в моём вкусе. Удовлетворён?

– Больше вопросов не имею. – Я козырнул на прощание и вышел вон.

Получается, что он просто ничего не помнит, не осознаёт, что всего несколько часов назад поставил на уши весь терем... Да что там терем, весь город, страну, за границу! Значит, я прав, и воздействие вуду на него всё-таки было. Древняя африканская магия не смогла одолеть заурядного участкового милиционера. Всех восковых кукол, включая и поломанную фигурку царя, увязанных в пёстрый свёрток, я нёс под мышкой. Охрану ещё раз предупредил, чтоб африканку ни в коем случае не обижали, а если будет буйствовать, во всём ссылаться на меня. Ещё немного поболтал с боярами помоложе о перспективах сборной думской команды по хоккею. Всклооченный дьяк Филимон дважды пробежал мимо, то ли ругаясь, то ли угрожая сквозь сжатые зубы. Больше знакомых лиц видно не было, но вообще-то кое-кого на царском дворе мне бы разыскать стоило. Алекс Борр! Он уже не раз мелькал у нас по ходу следствия, и мне было очень интересно побеседовать с ним по поводу пары занятных совпадений. Надеюсь, никто не будет особенно настаивать на дипломатической неприкосновенности? Однако в собственных апартаментах господина австрийского посла не оказалось. Немногословный лакей кое-как на пальцах объяснил мне, что его хозяин с утра ушёл на базар и до сих пор не вернулся. Нет, искать его не надо. Волноваться за него тоже не стоит – герр Борр очень храбрый человек и всегда носит с собой заряженные пистолеты. Последнее обстоятельство я постарался запомнить хорошенько, хотя, забегаая вперёд, скажу, что мне оно не пригодилось...

А за воротами царского двора на дороге меня ждала одинокая старушечья фигурка в старомодном ветхом шушуне... Шучу, в добротном тулупчике, тёплых юбках, валенках и пуховом платке на голове. Я никогда не был таким занудой, каким мог иногда казаться. Яга стояла, переминаясь с ноги на ногу, в сдвинутых бровях читалась решимость, а в поджатых губах – неуверенность...

– Спасибо, что пришли. Мне требуется помощь и совет специалиста.

Бабка недоверчиво вытаращилась на меня, не зная, как себя вести... Я тоже не находил нужных слов, а вот ненужных, как всегда, оказалось в избытке:

– Мне пришлось произвести несанкционированный обыск в комнате гражданки Мумумбы. Разумеется, в присутствии царя и двух свидетелей... Были обнаружены странные восковые куклы, очень схожие с претендентками на престол.

– Никитушка, – тихо прервала меня бабка, – стрельцы болтают, будто бы ты из отделения уходить собрался?

– Не совсем...

– Это на время, что ль?

– Это... непринципиальный вопрос, – окончательно запутался я. Говорить правду почему-то совершенно не хотелось, как, впрочем, и врать. Враньё Яга сразу видит... даже не чувствует, а именно видит, для неё оно материально. – Сейчас гораздо более важно разобраться в том, что произошло в гороховском тереме на самом деле. Кто и для чего «убирает» невест? Версия борьбы за царское ложе меня лично не устраивает. Всё слишком просто, слишком понятно и слишком предсказуемо.

– А я-то пирогов напекла... – дрогнувшим голосом вновь затянула бабка. – Думаю, ты, поди, голодный придёшь, усталый... С морозцу-то и откушаешь!

– Какие пироги?! Тут люди гибнут...

– Рыбные, – совсем уж тихо произнесла Яга, – из осетринки с капусткою тушёной, да с лучком, да с яичком... Может, пойдёшь, а? Горячие покуда...

Баба Яга теребила пальцами уголки платка и, не поднимая глаз, продолжала что-то бурчать себе под нос, пока я наконец не понял... Она просила прощения! Вернее, она таким образом извинялась за всё, что натворила, признавала свою вину и хваталась за любой повод её загладить. А я-то тут перед ней дурью маюсь... Можно подумать, я меньше её мириться хочу?!

– Рыбные, говорите? Ну, тогда отказать не могу, идём.

Бабулька, зардевшись как мак, подцепила меня под локоток. На душе стало легко и прозрачно. Все обиды сгорели в один миг.

– Это что ж, коли не рыбные пироги, так и не пошёл бы? – стыдливо хихикала Яга. – Уж я-то на тебя смотрю, участковый, больно весело ты сегодня разругался. Вона как винищем подпольным от тебя ароматизирует... Аж у самой ноги заплетаются!

– Да бросьте вы... Принял одну рюмочку у государя. Так за хорошее дело, из царёвых рук и для борьбы с простудными заболеваниями. Это уставом не возбраняется...

– А ктой-то сегодня поутру кабак на Перевозной улице разгромил? – уже едва ли не во весь щербатый рот хохотала счастливая Яга, и прохожие шарахались от её оскала. – Вона мало не трёх, четырёх стрельцов еремеевских девки в отделение на санках привезли. Вроде они твою милость от бадьи с водкой оторвать пытались. Грозен же ты во пьяном духе-то! Ить во всём кабаке скамеечки целой не оставил, мужички зубы веничком сметали, кому какой рядили...

– Поклёп! Вот честное милицейское...

Нам не дали договорить. И пообедать толком тоже не дали, хотя время давно шло к ужину, но суть не в этом. Мы от царских ворот отошли хорошо если метров на сто, как сзади раздался топот и крики. К нам, задыхаясь и поскальзываясь на бегу, спешил почтенный боярин Кашкин:

- Остановись, сыскной воевода... Поворачивай назад!
- Что-то случилось?
- Канарейка... у царя... любимая, случилось вот...
- Опять?! – дружно ахнули мы с Ягой. – Которая?
- Ой, и не спрашивай, участковый... – схватился за голову столбовой боярин. – Не поверишь ведь... африканская!

* * *

Бездыханное тело, накрытое простыночкой, навтыжку покоилось на длинной скамье в предбаннике. Половинку зелёного яблока нашли там же. В отличие от предыдущих жертв принцесса Тамтамба успела съесть большую часть. Видимо, организм африканской девушки, выросшей в первобытных условиях саванн и джунглей, оказался куда менее восприимчив к яду. Думаю, всё дело в здоровом образе жизни и в том, что яд, несомненно, европейского производства.

– С чего ж ты так решил, Никитушка? – шёпотом любопытствовала Яга. То ли она мысли читает, то ли я незаметно для самого себя начал рассуждать вслух.

– Хм, ну... это элементарно вообще-то... – прокашлявшись, начал я. – Американок и австралиек среди приехавших невест нет. Все, кроме потерпевшей, относятся к различным европейским домам. Отсюда вывод...

– Не бесспорный... – сощурилась бабка.

– Пожалуй, да... Яд мог быть доставлен из любой страны мира, а опробован и применён именно здесь.

Мы находились в царской бане. Именно сюда, по утверждению свидетелей, направилась темнокожая красавица после обеда. То, что она пропадала в бане больше четырёх часов, в принципе никого не насторожило. Мало ли чем там могла заняться незамужняя девушка, кроме самого мытья: попить чаю в предбанничке, постирушку устроить, маникюр с педикюром навести, вздремнуть на лавочке, к примеру... В те времена это считалось практически нормой. Да что говорить, вспомните-ка, сколько времени до сих пор в современном мире проводят в саунах расслабляющиеся мужики? Тревогу подняла престарелая тётка-банщица,

когда в очередной раз принесла негритянке поспевший самовар. Она же и уложила валяющуюся на полу девицу на длинную лавку, и прикрыла простынёй, после чего побежала докладывать охране. Я попросил Ягу побеседовать с ней отдельно, а также передать мою милицейскую благодарность за оперативную смекалку и разумные действия. Другая бы ещё панику подняла...

Осмотр места происшествия ничего особенного для следствия не прибавил. Всё, как всегда: яблоко плюс тело. Констатация смерти невозможна по тем же самым причинам. Жертва ни жива, ни мертва, а пребывает в некоем подобии летаргического сна. Действенных способов лечения современная наука (в лице эксперта-криминалиста Бабы Яги) пока не знает. После двух неудачных опытов с оживляющими поцелуями экспериментировать уже как-то не хотелось. Хотя, положив руку на сердце, должен признать – даже «мёртвая» африканочка выглядела чертовски соблазнительно. Словно уснула на лавочке, едва прикрытая тонкой простынёй, и недаром подоспевший царь в первую очередь испустил вздох мужского восхищения. Это уж мгновением позже он осознал глубину произошедшей трагедии...

– Чёй-то с ним? – осторожно пихнула меня локотком бабка, кивая в сторону рухнувшего царя.

– Обычное дело – симуляция обморока, – хладнокровно констатировал я, пытаясь поднять Гороха с пола. Не вышло, тяжёлый он, килограммов под девяносто. Пришлось звать дежурившего за дверьми Кашкина. Вдвоём мы кое-как усадили кренившегося набок государя и побрызгали холодненькой водичкой в лицо.

– Ох ты ж горе-то како-о-е-е...

– Вы это о чём, ваше величество?

Очнувшийся царь скорчил кислую мину, отвернулся, полностью переключившись на Ягу. Нашёл сентиментальную слушательницу...

– Ох, и за что ж мне, горемычному, такие испытания?! За что наказуешь, Господи? По воле твоей муки душевные принимаю, а телесных жду, аки избавления... Несу крест помазанника Божьего без ропота и гордыни, откуль же такие напасти несоизмеримые на главу мою валятся?! Ить не за-ради сладости телесной, а токмо народной благодати алкаючи, к венцу законному поспешаю... За что ж третью зазнобу яблоками травить дозволяешь, Господи?!

– Вам это ничего не напоминает? – нетерпеливо влез я.

– Окстись, Никитушка, государь страдать изволит, а тут ты со сравнениями...

– Бабуль, да ведь он нам тут Митьку вживую пародирует.

– Помолчал бы, барсук несострадательный! – обиженно рывкнул государь. – Горе моё велико и безмерно, понял? А как послы иноземные обо всём проведаят, так ещё и бунт мне учинят. Ноты во все страны разошлют, прямо не выходя из терема. Ну, нешто нет у меня причины для стенаний?

– Есть, конечно... – Я сел рядом с ним на лавочку и, достав планшетку, указал карандашиком на тело пострадавшей: – Это уже третья по счёту. Что можете сказать в своё оправдание?

Горох призадумался. Возмущённый моим диктатом Кашкин делал тайные знаки: дескать, не царское это дело – отчёт давать! Пущай участковый свои вопросы каверзные да загадки мудрёные другим задаёт. Царь, он на то и царь, чтоб всем – цыц! Отметьте, и это самый прогрессивный боярин. Что уж там говорить об остальных...

– Никитушка. – Баба Яга тихонько потерявила меня за рукав. – Раз уж девка энта африканская тут пластом лежит, значит, я и вправду маху дала! Выходит, безвинная она, как ни ткнись... И следствие – насмарку, и я на седых кудрях дура душой выхожу! Неласково как-то...

– А ить и верно! – разом очнулся самодержец, хлопая себя по колену. – Ведь эксперт твой, Бабушка Яга (не то чтоб я был на неё в претензии, боже упаси!), говорила ведь, что дело закрытое! Преступницу обозначила, задержание произвела, как так получилось, что новая жертва в тереме?!

– Верно, батюшка, милицейский недогляд, – сурово подтвердил боярин Кашкин.

– Стыдно, граждане... стыдно и непорядочно валить все грехи на одну ошибку следствия.

– Чего уж там, виноватая я... – поникла бабка.

– А я ещё раз повторяю, что роковая оплошность нашего сотрудника не является решающим фактором в продолжении серии «убийств». В конце концов именно Баба Яга указала на Тамтамбу Мумумбу как на специалиста в магии вуду. И не далее как сегодня мы все имели возможность в этом убедиться. Так что кое-кто из здесь присутствующих холост только благодаря оперативной работе милиции!

Я выдохся. Бабка утирала благодарственные слезинки. Горох с Кашкиным тоже пристыженно смолкли, хотя на самом-то деле были во многом правы. Не дожидаясь, пока до них это дойдёт, я взял Ягу под ручку и поспешил откланяться.

– Ваше величество, я попрошу немедленно выяснить, каким образом отравленное яблоко могло попасть к потерпевшей. По вашим словам, она

их в глаза не видела. Значит, кто-то принёс, передал и объяснил, как его следует есть... Терем полон народу, во дворе и всех пристроях постоянно толкутся люди. Не может быть, чтобы никто ничего не видел. Справитесь?

– Распоряжусь, – согласно кивнул государь.

– Ну а мы направляемся в отделение. Огрызок яблока беру с собой, на экспертизу. О результатах доложу к завтрашнему утру. С телом сами разберётесь?

– Не впервой, – весомо подтвердил боярин, чем заработал от Гороха мрачный взгляд.

Вот вроде бы и всё, надо спешить, у меня появились новые идеи...

* * *

– Не пойдёт, – безапелляционно заявила Яга, когда я объяснил ей суть дела.

– Но ведь с зубом и кровью получилось. Почему же у яблока нельзя спросить, кто его принёс?

– Да ведь зуб с каплей кровяною у живых людей взяты были. А яблоко твоё мертво давно! Вона скольким ядом его напоили, рази ж кто выдержит...

– Значит, никак нельзя? – поник я.

– Почему никак? Можно, конечно... Ежели ты чародейством чёрным не побрезгуешь, душу свою бесам навек заложишь – так и у мёртвой плоти сумеешь все секреты выведать. Тока я на такие дела тебе не товарищ!

Мы, неспешно беседуя, возвращались от царского двора к отделению. Темнело рано, на перекрёстках города горели сторожевые костры, греющиеся рядом стрельцы еремеевской сотни приветливо махали нам вслед. Ночного нападения никто не опасался, при таком морозе ни один нормальный грабитель из дома носу не высунет. Мы бы в принципе вполне могли воспользоваться царской тройкой, но Яга настояла на прогулке пешком – хоть и холодно, но можно говорить без лишних свидетелей. Когда бабка успела стать настолько подозрительной? Ума не приложу. Видимо, день житья в царском тереме ей еще долго будет аукаться... Вот так в разговорах и шли, простудиться и заболеть я не боялся (дома ждёт банька и горячий ужин!), а вопросы решались действительно серьёзные...

– Хорошо, что фигурку царскую разломал, да не выкинул. Я ить, когда куколки те смотрела, Гороха промеж них углядеть не удосужилась. А прочим большой веры не дала – мало ли кто какой забавой свою душеньку

тешит? Ан вишь, как оно обернулось-то... Ведь ежели б ты, сокол, не успел – стоять государю под венцом с негрой африканскою!

– А по-моему, она вполне симпатичная.

– Колдунья она! Эх, мужики, одни титьки на уме... – философично вздохнула бабка, а я перевёл тему:

– Вы сумеете их разрядить?

– Кого? – двусмысленно подмигнула Яга.

– Ой, ну не тить... пардон! Речь, естественно, о восковых куколках, их надо обезвредить. Вдруг они заведены на какое-то определённое время и сработают даже в отсутствие создателя?

– Обезврежу... Надо все фигурки с молитвой да благословением посередине преломить, то, что внутрь понапихано, – вытащить да в землю закопать, а сам воск перетопить и свечей церковных из него понаделать. Тут уж любое чародейство на корню сгорит и запаху не оставит...

– Как считаете, Мумумба намеревалась убить всех невест посредством колдовства вуду?

– Да где уж ей... В каждой земле, Никитушка, своя сила волшебная, своя магия, своё колдовство имеется. Я вон в Африке энтой али в Эфиопии, к примеру, и слова-то чародейского произнести не сумею. Но и вона жрец египетский али маг халдейский у нас под Лукошкином своей логи поставить не смогёт. Разная земля и силы разные! Не всякое колдовство в любом краю прижиться умеет...

– Но фокус с «отравленным яблоком» вполне себя оправдывает?

– Потому и оправдывает, что наше оно, – развела руками Яга. – А готовит его иноземный гость, на совесть нечистый, вот и не совсем так всё получается. Иначе б мы с тобой, милок, давно всех невест одним поцелуем царским на ноги поставили...

– Ваша версия? – предложил я.

– Да что ж далеко ходить, не так много энтих невест осталось... День-два ждём, та, что последняя окажется, – небось злодейка и есть!

Может быть, это прозвучало несколько цинично, но по большому счёту бабка права. Сразу вспомнился популярный фильм с Кристофером Ламбертом «Горец» – «в конце концов остаётся один...». Ладно, шутки шутками, а дело делать надо. Никто не позволит нам дожидаться, пока всех невест складируют в царских покоях. Иначе к тому времени, как мы отыщем виновных, царь уже будет вести войну на два... три... четыре или пять фронтов! Должен признать, что только сейчас эта мысль показалась мне незаслуженно лишённой пристального внимания.

Мы все рассматривали разнообразные варианты того или иного брака

царя с максимальными выгодами или минимальными потерями для блага государства. А если Горох вообще не женится, тогда что? Невесты разъедутся по домам, обиженные послы объявят Лукошкину всеобъемлющее эмбарго, и мы в глубокой луже. Плохо... Однако куда хуже, если невесты вернуться домой не сумеют. То есть будут лежать между жизнью и смертью, сложенные в штабеля, а их родственники пойдут на праведный вооружённый конфликт. Такое нам не приходило в голову? Если во всей этой белиберде есть хоть какое-то рациональное зерно, Горох на пороге крупной дипломатической авантюры. Хотя правильнее было бы сказать – подставы! Обычно такими щекотливыми делами занимаются специалисты внешних ведомств, но у нас в Лукошкине их нет, а значит, всё ложится на наши милицейские погоны.

Вопрос прежний: кому это выгодно? Подозреваемых нет, за исключением Алекса Борра. И то лишь потому, что он чем-то не угодил Кнуту Гамсуновичу да пару раз мелькал в наших сводках. Ничего серьёзного мы ему инкриминировать не можем. Хотелось бы, но увы...

Отделение встречало нас дружным рёвом соединившихся фронтов. Парни бросали шапки вверх, отмечая наше примирение. Как оказалось впоследствии, за мной из бабкиного двора безропотно ушли бы все, но начинать службу на новом месте, да ещё под презрительными ухмылочками царских стрельцов, как-то не улыбалось... В горнице меня ждал праздничный стол. Подтянутый и церемонный кот с рушником через лапу принял у нас с Ягой тулупы и, кланяясь, пригласил отужинать. Весь дом вылизан так, словно вчерашнее утреннее побоище происходило где-то в другом месте. Я вымыл руки и сел за стол. Ага, посуда-то вся новенькая! Значит, всё-таки было, и было всерьёз... Как только подали пироги, в дверь деликатно постучали.

– А-а, попрошу откусить с нами, Фома Силыч! – Бабка, оторвавшись от печи, поприветствовала вошедшего Еремеева. Сотник чинно поблагодарил, от горячего отказался, но рюмочку водки (в честь конца насыщенного рабочего дня) принял с видимым удовольствием:

– Какие известия от царя?

– Да всё то же... Женитьбы не будет, государь вовремя передумал, а его темнокожая избранница решила прилечь на денёк-другой.

– Понятно, – задумчиво крутанул ус Еремеев. – Про наши новости слышал уже?

– Нет, наверное... – Я кинул взгляд на Ягу, – та тоже ничего не знала. – Говори, мы не в курсе.

– Так ведь Митька твой, запорожский, вот только что из отделения

ушёл. Нешто не застал вас? – удивился Фома. Мы отрицательно покачали головами. – В общем, приглашал он всех завтра на заре к Шмулинсону дому – погром смотреть.

– Че... че... чево?!

– Погром! Вроде как он с казаками подозреваемому Шмулинсону погром учинять будет, – популярно пустился расписывать начальник охранной сотни. – Дело, говорит, самое православное. Он уж весь город оббегал, просил быть. Надо пойтить, а? На Запорожье вона казаки так кажное светлое воскресенье развлекаются...

– Завтра пятница, – осевшим голосом поправил я.

– Это что ж, не будет погрома, значит?

– Будет! Но не Шмулинсону... Бабуля! Это всё из-за вас... Я ведь хотел его уволить?! Хотел, да?! Где он тут...

– Не шебуршись, Никитушка, – самым медовым тоном, успокаивая меня, как ребёнка, протянула Яга. – Утро вечера мудреней будет... Завтра на зореньке и возьмём его, тёпленького. Заодно и погром посмотрим. А то что ж, до таких лет дожила, а ни одного погрома самолично не видела? Нехорошо так-то...

* * *

Полночи я провалялся, представляя, какое гневное и нелюбезное письмо я отправлю с утра этому полковнику Чорному... Нет, что он там вообще себе навоображал, если его же подчинённые за пару дней так задурили голову сотруднику милиции! Правда, сотруднику младшего звена... и голова у него, честно говоря, такая, что задурить её ещё больше – постараться надо... Но тем не менее это не оправдание! Много чего у меня в Лукошкине было, но погром... Нет, ну курам на смех! На весь город всего одна (подчёркиваю!) еврейская семья, живут тихо-мирно, как все люди, и нате вам – погром! Наш Митяй с заезжими казаками торжественно едут громить Шмулинсона. Да на того чихни хорошенько – он падает! Ладно, погромщики-умники, завтра встретимся... Как уснул, не помню, а подняли рано.

– Никитушка-а! – Ласковый бабкин голос пробился ко мне, хотя спал я, укрывшись с головой. – Вставай, касатик, завтрак на столе.

– Ммр-р...хрр... – невнятно ответил я, за окном едва розовеет, под одеялом тепло, и ни малейшего желания куда-то мотылять спозаранок.

– Ну вставай, вставай уже, участковый, – ещё ласковее уговаривала

Яга. – А то, не ровён час, весь погром проспишь...

– Бабушка, – мгновенно вскинулся я, всё вспомнив и осознав. – Ну скажите на милость, вот за что он так с нами? Он же знает, мерзавец, что у меня дел и без его погрома хоть удавись. Подождать не мог, да?

– Кто ж его, олуха царя небесного, разберёт... – примирительно улыбнулась Яга. – Видать, совсем невтерпёж, а может, и неспроста он энто дело затеял. У Митеньки нашего голова шибко варит, за всем и не уследишь. Гляди в оба, он ещё себя в работе секретной как пить дать проявит!

– Вы издеваетесь?

– Шучу, касатик, а это у нас покуда дело неподсудное. Однако и ты вставай давай, личико своё белое умой да при параде полным вниз спускайся – я тебя, добра молодца, завтраком потчевать буду.

Минут десять я затратил на всё про всё, за что и получил полную миску рассыпчатой гречневой каши с топлёным маслом и курятиной. Яга, как обычно, почти ничего не ела. Диета у неё идеальная, продуктов потребляет минимум, стройная, словно берёзка, а шустрая-а-а... Бабкиной энергии, в её годы, на десяток молодых с запасом хватит. Честное слово, я устаю в два раза быстрее...

– Никитушка, а ить весёлая зима у нас в этот год вытанцовывается. Обычно-то как – от первого снежку и до весенней травки на санях с горки ездят, баб снеговых катают, ну разве ещё снежками друг дружке морды мылят. Нет, праздники зимние, само собой, шумно да весело проходят. А тока нет того подъёму душевного, как опосля хоккея твоего! Хоть и не люблю я его, прости господи, а душу греет... Или же вон дела наши милицейские, как ни верти, а всё время коротают. Митенька, опять же, скучать не даёт...

– Это точно, без этого массовика-затейника Лукошкино бы просто зачахло, – встал я. – Не захваливайте его раньше времени, бабуля, ещё неизвестно, понравится ли вам погром?

– И то верно, соколик, – честно признала Яга. – Ну дык пошли, что ль, посмотрим...

Мы и пошли. Погодка на улице – загляденье! Морозец лёгкий, снег под каблуком хрустит, как богемское стекло во время обыска, солнышко в небе к облакам ластится, а народ вокруг такой счастливый, такой улыбчивый... со всех концов, словно на октябрьскую демонстрацию, стекается. Нас приветствовали, спрашивали, как здоровье, приглашали посмотреть на погром, радовались, что нам всем по дороге. У дома Абрама Моисеевича уже собралась целая толпа. Виновник торжества ещё не

явился, а сам Шмулинсон, похоже, не был ни напуган, ни расстроен. Он чинно беседовал с горожанами, приветливо кивал подходящим, а с капитанами хоккейных команд города даже обменивался традиционным спортивным рукопожатием.

– О, и ви тоже пришли смотреть на свежий погром? Я таки рад в вас видеть милицию, которая меня бережёт! Встаньте вот здесь, у крыльца, отсюда будет лучше видно.

– Не волнуйтесь, Абрам Моисеевич, – сурово козырнул я, – Еремеев с молодцами уже прибыл, мы никому не позволим тронуть вас хотя бы пальцем!

– Та ви шо?! Ви шо? – вытаращилась на меня поражённая жертва антисемитизма. – Люди собрались, лучшие места занимали ещё с вечера, а ви хотите всё отменить?!

– Минуточку, может, я чего-то недопонимаю...

– Мой дорогой Никита Иванович, ви человек молодой, и душа у вас открытая. Вслушайте меня, старого, больного еврея, вам это будет полезно на будущее... Ви думате, у меня это первый погром? Ха! Да я встречал свой первый погром ещё в пять лет! Мне было очень весело, но мама просила: «Абраша, плачь! Абраша, плачь, тебе говорят! Это традиция! Видишь, люди стараются, а ты портишь им праздник...» С тех пор я пережил шесть погромов, это будет седьмой. Моя Сара всю ночь репетировала с детьми жалостливые крики. Если не дать им выступить, они похоронят в себе актёров! Дайте мне слово, шо ви не будете их разочаровывать.

– Буду! – неожиданно обозлился я. – Вы мне тут демагогию не разводите! Погром – это нарушение общественного порядка, и я, как представитель власти, никому...

– Никитушка, глянь-кось, Митька наш с казаками пожаловал!

Я обернулся, костлявый палец Яги обличающе указывал на пёструю группу празднично одетых всадников. Их было немного – всего пятеро, включая нашего остолопа. Запорожцы неуверенно мялись в сёдлах, словно не зная, чего от них ждут. Народ, плотными рядами заполонивший всю улицу, разинув рты, следил за каждым их движением. Погромов до этого у нас не было, так что никто не знал, с чего начинать... Митька, узревший за спиной ростовщика меня и Ягу, явно перепугался, затравленно озираясь, начал по шапкам пересчитывать еремеевских стрельцов. Насчитал около двух десятков и приуныл окончательно. В этот момент к запорожцам на гнедой кобыле неспешно подъехал атаман Чорный. Свысока оглядев пожимающих плечами подчинённых, он хмыкнул, закрутил усы, бросил

поводья одному из казаков и грузно сполз с седла:

– Здоровеньки булы, пане сыскной воевода! А шо цэ туточки твориться?

– А это погром! – с широкой улыбкой и сдвинутыми бровями объявил я. – Ваши парни решили устроить антиобщественную акцию на территории вверенного мне участка. Вы не слышали?

– Чув, потому и прыйшов, – кисло поморщился полковник. – Гей! Мордашко, Нахапнюк, Шмалько, Безрук, а ну, шо вы тут за гвалт зробыць выришили?!

– Та ничего, пане отаманэ! – слаженным хором откликнулись все четверо. – То он баламут кацапський нас поутру нагнав. Казав, нібы тут погром який-то буде...

– А вы?

– А мы шо... Пишлы подывытысь!

– От дурни... – раздражённо сплюнул Чорный и, подмигнув мне, возвысил голос на нашего младшего сотрудника: – Цэ що ж ты, бисов сын, моих хлопцев на разбой толкаеш, а?!

– Кто, я?! – Под заинтересованными взглядами лукошкинцев Митька вертелся в седле, как рак на штопоре. – Пане полковнику, дак я... це ж воны... воны сами казали, шо... Все ж беды от жидов, вот я и...

– Та, тю на него! – возмущённо открестились запорожцы. – Зовсим шуток не розумие...

– Ладно, на сегодня все свободны! – громко оповестил я, но, увидев скорбное лицо Шмулинсона, не смог выдержать его умоляющего взгляда. – Митя! Слазь с коня. Давай быстренький погром – и по домам, у меня дел полно.

Вконец убитый Митяй под сдержанные смешки толпы поплёлся к Шмулинсонову крыльцу. Счастливый отец семейства бросился ему навстречу, пал на колени и начал осторожно рвать на груди самую старую, самую грязную и самую ненужную из рубаш.

– Бей жидов, спасай Россию... – тоскливо протянул Митька, не поднимая глаз и краснея, как бакен.

– Берите всё! Штаны, галстук, корыто, лекала, муку для мацы, и шоб ви жили, как я жил! – упоённо вопил Абрам Моисеевич. – Тока не трогайте жену и детей, у них слабое здоровье и горькая наследственность. Сара, выпускай!

Из дома вылетела простоволосая, в нижней рубашке, жена Шмулинсона, гордо выпихивая вперёд рвущихся ребятишек. Те заверещали так, что у меня разом оглохло правое ухо...

– Дяденьки, не бейте папу! О, и за шо нам такое горе! О, и как мы будем дальше жить?! О, и почему небеса так суровы к бедным еврейским мальчикам?!!

Чета Шмулинсонов откровенно гордилась своими детьми. Лукошкинцы вытирали слёзы и кое-где аплодировали. Похоже, сегодняшний погром удался на славу...

* * *

– Вам слово.

Полковник Чорный, отодвинув в сторонку чашку с липовым чаем, задумчиво потербил кончик носа и начал:

– Ну, пане сыскной воевода, мабуть, не ти слова ты от мене слухать хотив, а тилькы шо ж теперича... Колы зараз правду не казаты, то и дружбу зря шукаты! Не оправдав твий парубок нужды наши, не сыскав злыдня вороватого. Тилькы хлопцев зазря взбаламутыли...

– А что вы скажете, бабушка?

Яга, осуществлявшая сегодня общие функции хозяйки саммита, поставила на стол свежую ватрушку, важно уселась на лавочку, по-девичьи подперев пальчиком подбородок.

– Левко Степаныч, оно конечно, свою линию гнут, да тока не всякая правда – истина. Уж шибко поспешливо он всё на товарища нашего взвалить удумал. Хотя, по совести ежели, то апосля вчерашнего мне энтот товарищ и не товарищ больше!

– Кто ещё хочет высказаться? – для порядка уточнил я.

Собственно, это вопрос риторический, нас в горнице сидело четверо, так что спрашивать больше некого. Ну, кроме Митьки разумеется, но ему я дам слово в последнюю очередь. Пока он смирененько притулился на табуреточке в углу и в разговоры старших по званию не вступал.

– Хорошо, видимо, настала моя очередь. Я не буду касаться нравственно-правовых и политических последствий погрома как такового. То, что сегодня произошло у Абрама Моисеевича, иначе как театрализованным фарсом и не назовёшь. За такой «погром» участникам «Оскары» раздавать надо, а сценарий – хоть сейчас на Каннский фестиваль отправляй. Там жюри сплошь из евреев, сразу первую премию получит. Но – к делу! Я хочу знать, откуда вообще в мозгу этого... с позволения сказать, доброго молодца зародилась сама идея такого увеселительного мероприятия?

Я, наверное, на немножко вернусь назад и вкратце расскажу о том, чем всё закончилось у Шмулинсона. Дети отыграли свою партию, Митька из всех сил пытался скрыться, но супруги уверенно гоняли его по улице, падая в ноги и умоляя «ещё чуточку погромить». Лукошкинцы хохотали над ними, как малые дети. К концу представления всех участников забросали аплодисментами и пряниками. Еврейское семейство было тут же приглашено в кабак, откуда, я думаю, они ни за что не ушли до самого вечера.

Мне с Ягой ничего не оставалось, как отправиться восвояси. Полковника Чорного я пригласил на собеседование. Есаула «Дмитро Лыбенко» никто никуда не приглашал, он вполне мог уйти с казаками, но увязался следом за нами. Охранные стрельцы поначалу его и на порог отделения пускать не хотели, потом уж бабка смиловилась. Даже к столу его позвала, правда, у парня хватило ума отказаться...

– От мы зараз ёго и запытаемо.

– Вот вы и спрашивайте, – кланяясь, предложила Яга.

– А чому ж я? – удивился запорожский гость.

Пришлось объяснять очевидное:

– Всё дело в том, что за пару-тройку дней наш младший сотрудник настолько «оказачился» – слов нет, есть ругательства и афоризмы! Приведу лишь несколько конкретных примеров... Внешний вид! Обратили внимание? Да, мне тоже смешно, но не я учил его так одеваться.

Чорный подпихнул локтем бабкиного кота, фамильярно потыкал его пальцем в пузо и лишь под моим суровым надломом бровей вернулся к обсуждаемой теме. Васька сидел до того обалдевший от подобного обращения, что я едва не попросил бабку дать ему валокордина.

– Если бы всё ограничилось чисто внешним подражанием, я бы не поднимал этого вопроса. Но благодаря вашему...

– Та тю! Ну грається хлопчик в казака, так шо ж поганого?!

– А отказ в предоставлении сведений о проделанной работе на основании того, что начальник отделения – кацап? А угроза холодным оружием непосредственному начальству? А организация и проведение антиобщественной акции?!

– Мундир милицейский опозорил! – добавила Яга.

– Честь казачью осрамил... – теперь уже допетрил и атаман.

– Из наших рядов он сам ушёл, в органах никого насильно не держат.

– Такой дурноты и мне на Запорожье не треба!

– Тема исчерпана. Дмитрий, можешь быть свободен.

– Як велиты вас розуметь? – тихо спросил он, не сводя умоляющего

взгляда с Бабы Яги. Та вздохнула и отвернулась.

– Ответишь на один вопрос и можешь отправляться на все четыре стороны. В отделении ты больше не работаешь, Левку Степанычу тоже вряд ли нужен, так что куда идти – решай сам.

Он встал, тупо хлопая глазами, нервно поклонился нам всем и, водрузив на голову мятую-перемятую шапку, развернулся на выход.

– Минуточку, – окликнул я, – так откуда ты всё-таки взял идею погрома?

– В кабаке сидели... – еле слышно начал Митька, обращаясь больше к коту, нежели к нам. – Болтали с хлопцами, за жизнь разговаривали. Потом об играх, забавах разных, вот кто-то возьми и скажи...

– Брешешь! Не могли мои козарлюги... – хлопнул ладонью по столу атаман.

Митя вздрогнул, но продолжил:

– Это не они... это со стороны кто-то... из-за спины у меня сказал, что, дескать, евреев громить надо, они всегда во всём виноваты. Я и спросил у ребят: как это? А они про погром и рассказали...

– Хорошо, но кто этот человек, стоявший за твоей спиной? Неужели ты даже краем глаза его не заметил?

– Не-а... тока не местный он, – уже у самого порога обернулся наш бывший младший сотрудник. – Не лукошкинский, не запорожский... говорит гладко, да язык всё одно нечисто коверкает. И... запах от него!

– Какой запах? – ухватился я.

– Приятственный... ровно у ларца гетманского.

Бабка ахнула, пан полковник в удивлении склонил голову набок, как волнистый попугайчик. Я удовлетворённо откинулся на лавке и потянулся за планшеткой. Согнув спину и ссутулив плечи, Митяй вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Никитушка, – после непродолжительного молчания выдохнула моя домохозяйка, – чегой-то строго ты с ним... Парня нашего мы не первый день знаем, чего ж выше терема плетень городить?

– Так ото ж и воно, – сдержанно подхватил атаман Чорный. – Як же ж теперь хлопцу житы – ни богу свичка ни чорту кочерга!

– Угу, ты ещё что-нибудь от себя добавь... – Поспешив прикрыть рот бабкиному коту, я снизошёл до объяснений: – Вы оба правы! Но, поверьте моему опыту, сколько я знаю этого суперактивного недоросля – сейчас он голову положит, лишь бы доказать нам, что хоть чего-то стоит! И мешать ему в этом не надо... Пусть сам, в одиночку, заслужит право вернуться. Сумеет найти ниточку к настоящему преступнику – честь и хвала, орден на

грудь, прямая дорога назад, в родное отделение! Не сумеет ни одной зацепки отыскать – значит, к маменьке в деревню, расчёт получит на днях, при разумной экономии где-то на год хватит.

– Ох, и откуль же ему улики энти отыскать-то? – жалостливо запричитала Яга, но я её успокоил:

– Одну, и немаловажную, он уже нашёл. Помните, Митя как-то обмолвился мне, что якобы у ларца, где хранилась украденная булава, витал какой-то странный запах. Духи, лосьон, одеколон – он в таких тонкостях не разбирается. Среди запорожцев подобного запаха ему уловить не удалось, поэтому он и защищал их так рьяно. Опять же, тот, кто бросил за его спиной фразу о погромах, говорил как-то необычно... Речь наверняка идёт об иностранном акценте! Если мы примем всё это за рабочую версию, то Дмитрий выяснил, что к похищению булавы причастен иностранец.

– Тю! Та там их, немцев скаженных, полон двор! Усих хватать – рук немає...

– Зачем же всех, – коварно улыбнулся я. – Нас интересует человек, хорошо говорящий по-русски, знающий в лицо сотрудников милиции, пахнувший ярко выраженной парфюмерией и крайне заинтересованный в провале вашей посольской миссии. Таких, я думаю, немного...

– Добре, добре... – удовлетворённо признал полковник, а потом, понизив голос, как можно безразличнее спросил: – А шо ото там парубки твои клюками чурбак на гумне молотят? Игра якая чи шо?!

– Хоккей! – тоном заправского фаната бросила бабка.

– Та Расскажи хоч, як в нѐи граты, га? А то ж козачки мои без дила зовсим скислы.

Полчаса спустя нам было торжественно объявлено о создании первой хоккейной команды «незалежной» Украины. С чем мы её (в смысле, Украину) и поздравили...

* * *

Я отправил с Чорным сотника Еремеева. Фома – неплохой специалист, покажет запорожцам основные правила игры, а заодно подскажет, где, чего и почём подкупить из снаряжения. Мне и самому хотелось выйти, поразмяться, но стрельцы доложили, что у ворот дожидаются срочные посетители. Я-то, честно говоря, давно забыл, что отделение милиции – не частная лавочка и трудимся мы не только на благо государя, но ещё работаем и с простыми гражданами. Как раз трое таких вот предельно

простых и заявили сегодня со своими бедами. Я бы их даже не слушал – Яга настояла...

– За советом к тебе, сыскной воевода, научи уму-разуму! – Трое разновозрастных мужиков склонились в глубоком поклоне. Вернее, двое... Третий, самый молодой, стоял, как пост ГАИ, неспешно ковыряя в носу.

– Представьтесь, пожалуйста, и обстоятельно расскажите, в чём проблема? – Я почему-то подумал, что их наверняка цыгане «кинули» – классические «лохи» деревенские. Митяй на этом фоне – интеллигент...

– Братья мы, – степенно представился самый старший. – Батюшка наш о прошлой неделе помер. Схоронили мы его, значитца...

– Соболезную.

– Чего? – вскинулся средний. – Чегой-то делает нам?!

– Сочувствие выражает, – важно пояснил старший и продолжил речь: – А просил нас родитель наш, да будет ему земля пухом, на могиле его три ноченьки переночевати.

– Зачем? – не понял я.

– Того нам неведомо, но волю батюшки уважить надо.

– Ну так и уважьте! Вторая неделя пошла...

– Да как же можно?! – вскричали двое братьев одновременно, младшенький столь вдохновенно продолжал своё нехитрое занятие, что весь прочий мир был для него просто несущественен. – Зима ведь на дворе! Мыслимое ли дело – три ночи на кладбище в мороз сидеть?! Вразуми, сыскной воевода!

– Бабуля, – недоумённо развернулся я, – чего им от меня надо? Вам не кажется, что это дело вообще не в нашей компетенции... Пусть у священника какого-нибудь проконсультируются, как не исполнять волю умершего. Мы-то здесь при чём? Даже если предположить, что усопший хотел таким оригинальным образом избавиться от сыновей (позаморозив всех на фиг!), – уголовного дела возбуждать не на чем.

– А всё ж таки батюшку уважить требуется! – стояли на своём братья.

Мне уже ударило в голову розовым туманом, и я был предельно близок к тому, чтобы просто нагрубить, но... не успел. Яга неслышно подплыла сзади, положила руку мне на плечо и командирским тоном отшила просителей:

– Вот что, добры молодцы! Вы, стало быть, хотите и водку пить и трезвыми быть?! К отцу-батюшке на кладбище три ночи подряд ходить – холодно, страшно, да и надо ли?.. А воли родительской послушаться тоже не смеете! Ладно уж, вразумлю вас, недалёких... Идите себе по домам, да братца меньшенького не забижайте там! К родителю вашему на поклон

Никита Иванович своей персоной собственной заявится. Довольны ли?

Все трое, включая и оторвавшегося от «самокопания» меньшого, удовлетворённо закивали. На мои протестующие выкрики не обратил внимания даже кот. Двое старших братьев торопливо откланялись, третьего развернули и погнали вперёд подзатыльниками. Он шёл, не огрызаясь, весь поглощённый всё тем же делом...

– Никитушка...

– Бабуля, да вы кого из меня делаете?! Мы здесь для охраны правопорядка поставлены, а не сценарии к детским утренникам озвучивать!

– Никитушка, мне-то позволь хоть...

– Не позволю! Кто начальник отделения? Я – начальник! У нас что, подчинённых мало? Да я хоть всю еремеевскую сотню могу поочерёдно, аж до весны, на кладбище отправлять! С ночёвкой, разумеется...

– Никитушка, ну дай старухе слово мудрое вставить...

– Ой, да знаю я всё, что вы скажете! Я тоже ребёнком был, тоже сказки читал. Переночуй на кладбище три ночи – выйдет зомби из могилы и даст тебе коня, меч-кладенец или, ещё того круче, красную девицу, чтоб ей...

– По шеем он тебе даст! – не выдержав, сорвалась Яга. – Вот ведь упёртый какой, не дослушает, а уж гонору! Сказки он в детстве читал... Мало читал, значит! Знаю я братьев этих и отца ихнего, Сидорова Фрола Степаныча, преотлично знала. Шутник большо-ой был... Курьером царским при батюшке государя нынешнего подрабатывал, за один только денёк грамотки царские в любое государство иноземное доставить мог. Тайна у него была...

– Сивка-бурка? – всё ещё ворчливо буркнул я.

– Очень может быть... – присела в уголок бабка, привычно взявшись за вязание. – Я об том точно не ведаю, но стрельцам дело такое деликатное доверять нельзя. Ты уж, соколик, сам сходи.

– Бабушка, три ночи на морозе!

– Не кричи ж ты так жалостливо... У тебя, чай, голова на плечах, а не чугунок в фуражке. Побеседуй со стариком по-свойски, может, не будет он тебя три ночи-то мурыжить. Скажи, что интересы следствия требуют, а Сивка-бурка нам на конюшне милицейской ого-го как пригодилась бы...

– Ну и как вы себе это представляете? – всё ещё надеясь отвертеться, тянул я, хотя исход спора был предрешён. – Ваш Фрол Степанович лежит себе и ждёт появления кровных детишек. Встаёт ночью из гроба, сыночков нет, зато припёрся замёрзший в зюзю милиционер и канючит у него лошадь! Бабушка, ну что он должен обо мне подумать?!

– Да тебе-то что? Пущай себе думает, что хочет...

– Что я его кровиночек в поруб посадил, а сам припёрся забрать наследство?! И, кстати, даже если всё пройдёт гладко, то кобылу всё равно придётся вернуть. Номинально она принадлежит ближайшим родственникам покойного.

– Фигу им! – нахмурилась Яга. – Лентяи они и батюшку своего не уважают.

– По сюжету вроде бы да, – согласился я, – но, как помнится, самый младший, Иван-дурак, должен выполнить волю отца, получить Сивку-бурку и жениться на царевне.

– Такое тока в сказках и бывает, – отмахнулась бабка, лишая меня последней надежды. – Ты ж видал его – дурак, так это мягко сказано... Иди сам, Никитушка, поверь мне, старой, иди! Ужо насчёт наследования я с ними сама дела улажу. Откупимся небось...

Вот, собственно, на этом весь спор и кончился. Времени до обеда было ещё вполне достаточно, я вызвал дежурных стрельцов, дал определённые указания по работе. В частности, попросил никого ко мне больше не пускать. Отделение работает в авральном режиме, и всякие мелкие проблемы типа пропавшей курицы или украденной vareжки в данный момент абсолютно не к месту.

Часика в три будет очередной матч между хоккейными командами думцев и «Святых отцов». Сам не пойду, но Ягу смотреть отправлю. Силы почти равны, так что игра может оказаться очень интересной. К тому же бабка так или иначе трётся в среде зрителей, и, возможно, ей повезёт куда больше. В отличие от меня, кстати... Правда, она хоккей не очень любит. Но, выслушав меня, Яга неожиданно охотно согласилась:

– А и впрямь схожу-ка я, разомну косточки. В мои-то годы особливых радостей в жизни и нет уже, дак хоть забавой твоей несуразной со стороны полюбоваться...

– Имейте в виду: похититель кубка почти наверняка ходит на все хоккейные матчи. Я даже готов предположить, что он фанат игры.

– Не бойсь, участковый, – многоопытно ухмыльнулась наша эксперт-криминалист. – Уж я-то злодея не прогляжу! Как у кого глазки воровские заблестят сверх меры, али кто кричать в исступлении начнёт да шапкой о снег бить, фанатизм энтот прилюдно показывать, так мы его и... цап-царап!

На мгновение у меня пропало желание её отпускать. Если пользоваться такой методой выделения подозреваемых из общей массы зрителей, то поруб не выдержит – он на такое количество не рассчитан.

– Значит, так, бабуля, объясняю ещё раз – болельщиков хватать не

надо...

* * *

К четырём бабка ушла. Еремеев должен был привести новоявленных украинских хоккеистов туда же, посмотреть игру лучших команд с комментариями. Хотя на деле лучшими пока являлись наши стрельцы, но это не принципиально... До возвращения Яги у меня было часа два на спокойные, логические размышления. За всё время ведения этих трёх одновременно запутанных дел я понял главное – мы разрубим гордиев узел только все вместе, одним утроенным усилием! Я, Митя и Баба Яга – три человека, три характера, три милицейских души... Объединимся – победим! Банально, но верно. А пока стоило неторопливо разложить на столе все записи по ходу ведения расследований и сопоставить немногочисленные улики. Казалось, что решение где-то рядом, все ниточки уже нащупаны, нужно только понять общую концепцию и арестовать негодяя. Или нескольких негодяев? В чём я почему-то крупно сомневаюсь: есть нечто неуловимое, схожее во всех трёх преступлениях...

Попробуем раскидать всё по полочкам. Итак, кража царского кубка, плюс похищение присланной царю булавы, плюс поступательное «отравление» царских невест. Ключевое слово «царь». Что, если мы только предположим наличие некой силы, поставившей своей целью дискредитацию Гороха вплоть до втягивания его в крупный военный конфликт? Смысл? Проведём анализ событий. Первое и главное, несомненно, невесты. Тот факт, что с ними происходят однообразно несчастные случаи, может иметь только две трактовки. Либо кто-то хочет видеть на русском троне вполне определённую претендентку, либо ни одной претендентки вовсе.

Кнут Гамсунович как-то в разговоре отмечал несуразность сложившейся обстановки с точки зрения Европы. Обычно женихи едут к невесте, а та, в свою очередь, уже выбирает согласно политическим пристрастиям и собственному вкусу. В данном случае невесты слетелись со всех концов, дабы понравиться нашему Гороху и протолкнуть экономические интересы своей родины. Но даже если в цивилизованной Европе отказ нескольким принцам мог обострить международную обстановку, что же говорить об отказе невестам... Причём, возможно, всем?! Яга недавно вспоминала о древней языческой богине Весте, которая являлась символом мудрости и рассудительности. Выходит, если Веста –

мудрость, то «невеста»... Ой-ёй-ёй! Страшно подумать, какими словами отверженная красавица представит Россию у себя дома. Кому это выгодно? Вопрос без ответа.

Идём дальше... Гетманская булава и продление договора о военном сотрудничестве Запорожской Сечи с приграничными окраинами государства. Зная вспыльчивость и в чём-то прямо-таки детскую обидчивость Гороха, можно с уверенностью заявить – без булавы он завернёт казацкую делегацию обратно! Если бы он о ней не знал, если бы они вообще приехали просто так, без всяких подарков, – он бы понял и принял. Но привезли сувенир от гетмана и уверяют, что его похитили посреди столицы, более того, посреди царского двора... обидится и не поверит! А значит, участие запорожцев в возможных военных действиях представляется уже весьма сомнительным. Без пороха, без снаряжения, без провианта... Они бы и с пикой да саблей на врага пошли, но ведь Горох запросто откажется от военной помощи людей, которые его «не уважают». Просто из гордости и самодержавного форсу!

Остаётся кража хоккейного кубка... Вот здесь я в тупике. По всем прикидкам, брал его свой, лукошкинский человек. Но если смотреть шире, то эффект от кражи точно так же работает на руку заграницы. Во-первых, это может вызвать недовольство отдельной части граждан, а при разумной пиаровской технологии и спровоцировать побоища между командами! Во-вторых, наверняка отвлечёт внимание милиции от главного (см. «отстрел» невест) и уж по крайней мере заставит дробить силы. В-третьих, бросает подозрение на всех иностранцев, приехавших ко двору, что тоже никак не улучшит международной обстановки. Получается замкнутый круг – так или иначе, но Горох будет втянут в войну. Закономерную, справедливую и, главное, вполне понятную даже рядовым лукошкинцам. Государь на девице иноземной не женился – обида... А иноземцы у нас кубок золотой, с червонцами, спёрли – ещё обиднее! Выводы напрашиваются самые печальные... Зато более-менее ясно, что нужно делать.

– Батюшка сыскной воевода! – раздалось со двора. – Наши с хоккея возвращаются.

Я поманил стрельцов через окно и дал двум вошедшим молодцам чёткие указания:

– Мне нужно видеть немецкого посла, попросите Кнута Гамсуновича быть у меня как можно скорее.

Парни поклонились и кинулись выполнять. Через пять минут в горницу вошла раскрасневшаяся с морозу Яга, поддерживаемая под локоток Еремеевым. Бабка приплясывала, размахивала руками и

скандировала в полный голос:

– Братва, не зевай! По воротам надавай!

– На матче того... немножечко. Переувлеклась как бы... – виновато объяснил сотник, покручивая пальцем у виска.

– Кто крут и кто смел, тому место в НХЛ! – продолжала надрываться Яга.

– Н...да, лихо её разобрало, – сочувственно поморщился я. – Ну, всё равно заводи, сажай вон туда, на лавочку. Кто выиграл?

– «Святые от-цы» – молодцам мо-лод-цы!

– Понятно, а с каким счётом?

– Три-два, – ответил Фома, усаживая бабу. Задача не из простых, а если учитывать, что Яга под горячую руку и колдануть прямо в лоб может, то прямо «русский экстрим». – А ты тут чем занимаешься?

– Построением дедуктивных умозаключений, – таинственно подмигнул я. Потом аккуратно собрал бумаги со стола и пересел поближе к нашему вздрагивающему эксперту-криминалисту. Кот Василий устроился с другого бока от Яги, поглаживая её лапой и что-то успокаивающе мурлыча на ухо. Баба вроде бы присмирела...

– Как запорожцы?

– Ребята хваткие, по два раза не переспрашивают. Ещё завтрачка к ним на тренировку схожу, и можно на игру ставить.

– Полковник наверняка ворота обороняет?

– Да ну... – уважительно хмыкнул сотник. – У Левка Степаныча о другом голова болит – ну день, ну два, а ить к царю на приём идти надо. Как он государю нашему в глаза смотреть будет, ежели подарок гетманский не уберёт.

– Подумаешь, украли... рядовое событие.

– Так-то оно так, а только на Запорожье иначе всё. У них ведь там милиции нет, а о воровстве и помыслить стыдятся. Говорят, будто бы ежели кто на Сечи хоть хвостик свиной украдёт – того в мешок вяжут да палку покрепче рядышком кладут. Кто мимо ни пройдёт, всяк по мешку той дубиной и отметится! Может, и нам бы так?

– Взгляд, конечно, очень варварский, но верный... – кстати процитировал я строчку не помню какого автора. – Не сработает, у нас традиции другие. В Сечь женщин не допускают, а здесь первая же сердобольная дура выпустит негодяя из мешка, да ещё и наорёт на тех, кто поднимет палку. Народ сострадательный...

– И то верно, – признал Фома, – так какие указания по расследованию будут?

– Пока никаких. Вот побеседуем с господином Шпицрутенбергом, тогда и посмотрим.

Я бегло изложил Еремееву свою новую концепцию одновременного разрешения всех трёх дел. Он слушал внимательно, перебивал в меру и в конце концов признал мою полную правоту. Яга в разговор не встревала, сидела тихонечко, только время от времени нервно дёргая бородавкой на подбородке, словно её покусывали короткие разряды электрического тока.

Отправленные за послом стрельцы ввалились в дверь без стука:

– Беда, сыскной воевода! Убили ведь немца твоего...

* * *

Не убили. Господин посол был тяжело ранен в процессе дуэли. Дрались на трёхгранных шпагах пехотного образца, свидетелей хватало. Он получил действительно серьёзную колотую рану в грудь, но лезвие не задело лёгкие, и Яга однозначно диагностировала – будет жить. Мы застали Кнута Гамсуновича в Немецкой слободе, перебинтованного, бледного, но не сломленного духом. Рядом с постелью отважного немца крутился лекарь и две зарёванные горничные.

– Я всё равно его убью! – Это первая фраза, которой приветствовал нашу делегацию гражданин Шпицрутенберг.

Пока бабуля осматривала раненого и перебрасывалась с немецким врачом сугубо специфическими терминами, я оккупировал бесхозный табурет и открыл планшетку:

– Судя по всему, говорить вы пока ещё можете. Я не буду касаться этических и правовых норм дуэли как уголовно наказуемого деяния... Я всего лишь спрошу вас: КАКОГО ЛЕШЕГО?!

– Герр Ивашов, – торжественно приподнявшись на локте, начал старый дипломат. – Я глубоко уважаю вашу нелёгкую работу и скорее пущу себе пулю в лоб, чем огорчу достойного сотрудника милиции. Мне нечем оправдать своё поведение, но и слов раскаяния вы от меня не услышите. Как потомственный дворянин, я приму любое наказание и, зная вас как человека чести, попрошу милости – будьте моим поверенным. Я давно составил завещание и теперь могу...

– Стоп! Прошу прощения, но не так быстро... – вежливо отодвинулся я. На самом деле никаких законов, карающих за дуэль, в гороховском уложении не было. Следовательно, вряд ли имело смысл запугивать хорошего человека. Я перевернул страничку и обернулся к Яге: – Яда нет?

Какие-нибудь необычайные моменты типа чародейно-заколдованного клинка, заговоров на оружие или направленное применение магии имеют место?

– Ядов нет вроде... А вот насчёт чародейства злостного так сразу и не скажу. Есть что-то эфемерное, витает над раной, но откуда взялось и чем пахнет, не разберу. Я вона тут платочек обкровавленный отыскала, коли посол не против будет, так на экспертизу заберу.

– Мой долг законопослушного гражданина во всемерной помощи органам охраны правопорядка!

– Кнут Гамсунович, я же всплакну сейчас... Вот если бы мои соотечественники хоть вполовину были бы так же сознательны, как вы... Но давайте вернёмся к событиям не столь отдалённым: почему вы затеяли драку с австрийским послом?

– Вам уже доложили, доннер веттер... – скрипнул зубами Шпицрутенберг, причём так страшно, что горничные враз перестали размазывать слёзы по щекам и попятились к выходу.

– Элементарная дедукция, – криво улыбнулся я. – Из всех иностранцев, собранных нынче при дворе государя, вы нелестно отзывались только об одном. А завести дуэль на шпагах с кем-нибудь из русских просто невозможно. У нас всё проще – дали друг другу в морду и разошлись, а то и пошли в обнимку мириться в кабак. Следовательно, остаётся один Алекс Борр. Итак, чем же он вас допёк?

– Ист айн тойфель... – с чувством пробормотал раненый и на пару минут впал в глубокую задумчивость. Дальнейший рассказ был сбивчивым и сумбурным, а с точки зрения нормального человека, ещё и совершенно нелогичным. С его слов выходило, будто бы сегодня после обеда наглый австриец при всех жестоко посмеялся над несравненной фройляйн Лидией Адольфиной Карпоффгаузен, обозвав её «жабой». Что само по себе уже нонсенс, ибо он её сопровождающий! Та уже почти собралась дать обидчику в ухо, но передумала, решив, что принцессе более приличествует обратиться за помощью к благородному рыцарю. Им и оказался многострадальный посол государя Фридриха. Он попытался пристыдить насмешника и даже угрожал ему милицией, а в результате... Короче, его, опытного дипломата и крючкотвора, самым элементарным образом втянули в заварушку и поставили в такие условия, что вызов на дуэль был неизбежен. Выбор оружия, по правилам поединка, принадлежал Алексу Борру, и после пятиминутного звона клинков его шпага нашла-таки сухопарую грудь честного немца.

– Я потерял над собой контроль, – сетовал Кнут Гамсунович. –

Подобное поведение приличествует горячим юнцам, но не рассудительному мужчине моих лет. Прошу извинения за несдержанность, но...

– Что-то ещё?

– Одна просьба: если я вернусь живым с сибирской каторги, можно я его всё-таки убью?

– Можно, – не задумываясь, пообещал я и, пожелав раненому послу скорейшего выздоровления, церемонно откланялся. Пусть пока отдыхает и набирается сил, а вот с его спортивным соперником нам надо будет срочно встретиться. До этого он не давал мне повода для ареста. Честно говоря, и сейчас повод был достаточно зыбкий, но как же хотелось хоть чуточку превысить полномочия...

– Будем брать злодея?

– Надо бы... да только нам нечего ему предъявить. Дуэли не попадают под статью об умышленном убийстве. Тем более если при поединке присутствовало достаточное количество свидетелей. Мы же просто создадим ему ореол мученика, а потом будем вынуждены выпустить под нажимом общественного мнения.

– В шпаге евойной секрет ищи, – помолчав, заявила Яга. – Чую я, есть там какая-то хитрость волшебственная.

– Проверим...

До царского двора добрались быстро. Времени было часов восемь, темно, но царские стрельцы чинить препятствия милиции не станут в любое время суток. Стрелецкие наряды, охранявшие ворота, встретили нас укоризненными взглядами:

– Припозднился ты, сыскной воевода. Ужо иноземцы на пороге государевом друг дружке кровь пускают, а тебя всё нет и нет...

– Сами воспрепятствовать не могли? – резонно поддели мы.

– Воспрепятствуешь тут... Дуэль ведь! Штука, говорят, на благородстве замешенная... Двое дерутся, третий не мешай!

– Ладно, проехали, Горох дома?

– Утешает... – многозначительно ухмыльнулись стрельцы, тыча бердышами в освещённые окна терема.

– Идём, Никитушка, пока беды не случилось, – потянула меня бабка. К её интуиции стоило прислушаться, поэтому мы дружно ускорили шаг. Но далеко не ушли – на первом этаже нас остановила долговязая, умотанная бинтами и тряпками (а значит, о-очень живописная) фигура дьяка Филимона. Судя по его горящим глазам (в оформлении багровых фонарей), победа далась «Святым отцам» нелёгкой ценой.

– Смилуйся, аспид! – надрывая душу жалостливо-бабьим стенанием, начал гражданин Груздев. – Избави волей милицейской мя, грешного, от хоккея твоего безбожного! Ибо бьют меня на льду нещадно! Гоняют, аки Господь торгующих из храма, пинками в зад да зуботычинами в перед! Нет мочи моей терпеть сии муки адовы... Бюллетеню давай, змий в погонах!!!

– Отец Кондрат очень высоко отзывался о вашем стиле игры, – попытался прорваться я. – После чемпионата вам наверняка дадут титул «лучшего защитника года» – публика вас любит!

Думского дьяка едва не хватил удар, он взвыл дурным голосом и недвусмысленно оскалил редкие зубы, но Яга решительно заслонила меня грудью:

– Гони его в шею, Никитушка! Будет тут ещё рот разевать... Мало на матче хоккейном норов зловерный показывал? Тока-тока на лёд шагнул, да и обматерил всех, деток малых не устыдившись! Думцы покуда его догнали, две шайбы по воротам пропустили. Семён, боярский сын, ажно плакал в уголке – три раза парень своей клюшкой его огрести старался, так не дал же, гад, не порадовал мальчонку! А кто всю площадку перед воротами «Святых отцов» так заплевал, что думцы туда и заходить брезговали?! «Братва, не робей, Филимона клюшкой бей!» Нет тебе моего милицейского сострадания, жлоб! Ещё раз такое на игре устроишь, я ты сама в чурку берёзовую превращу да шайб настругаю!

– Ах, вона вы как... Вам за-ради хоккею и человека божьего не жалко?! Кубок бы царский искали лучше! Ить украли его, совсем украли! Из-под носу милицейского свистнули!

Теперь уже я оттаскивал бабку за воротник от зачуханной жертвы большого хоккея. Но что меня поразило в самое сердце, когда мы добежали до царских палат, – Горох отказался меня принять! Я не поверил сначала... Стрельцы виновато подтвердили. Яга пожала плечами, что-то нехотя буркнула, и у парней ноги приросли к полу. Мы толкнули дверь и решительно шагнули внутрь...

* * *

– Так вот, значит, чем мы здесь занимаемся...

– Па-па-асьянс, рас-с-кладываем... – запинаясь не хуже стрельца Заикина, объяснил Горох, пытаясь снять с колен окаменевшую от нашего бестактного визита фройляйн Лидию. Он вообще-то мужик нехилый, но попробуйте отцепить от себя перепуганную девицу, которую хватил

столбняк.

– Можете не стряхивать, – понимающе отмахнулся я, – пусть сидит, но нам надо задать вашей... собеседнице пару вопросов.

– Пусть стряхнёт, Никитушка, – шёпотом попросила Яга, – ить глядеть стыдобственно!

– Да бросьте вы, обычное дело, и потом, как мы можем им указывать? Он – царь, она – иностранка. Пусть сидит, мне так даже больше нравится...

– Тады хоть юбку пуцай одёрнет, – всё ещё краснея, продолжала уговаривать Яга, – вона ногу усю видно! Как ты вопросы милицейские задавать станешь, ежели она тебе ногой все глаза отведёт?!

– Так уж и все... Бабуля, это ханжество, где вы видите ногу? Один башмачок и носок вязаный до щиколотки...

– Никитка, не спорь! Стыдобственно энто!

– Ага, а когда я на Лялину улицу ходил местных путан разгонять, не стыдобственно было?

– Да что ж ты сравнил хрен с морковкой... Там девки стоят бедовые, гулящие, для бога пропащие! Во рту кольцо держат, сквозь зубки золотом мигнут – мужички блудливые тут как тут, вот они с них своё и возьмут, – распевной скороговоркой зачастила бабка. – А апосля твоей проверки мало не три девицы кольцами поперхнулись... Ко мне за слабительным ходили, на тебя жалились...

– Кхм!.. – неожиданно громко прокашлялся кто-то. Мы с Ягой опомнились, государь для солидности покашлял ещё, выразительным подмигиванием упрасывая меня о помощи. Надо признать, я сразу сообразил, что ему нужно, и мы удвоенными усилиями сняли австроподданную гражданку с царских колен, усадили на лавочку, прислонив спиной к стене.

– А теперь знать изволю, какого такого рожна вы ко мне в покои личные по ночи впереться посмели? – Горох старался изо всех сил, но голос был настолько неуверенный и дрожащий, что вызывал скорее сострадательную улыбку. Хотя хихикать над ним в лицо я бы не стал просто из соображений мужской солидарности. Ну и субординация, разумеется...

– Дело в следующем: не далее как сегодняшним вечером фройляйн Лидия Адольфина Карпоффгаузен послужила причиной дуэли между немецким послом Шпицрутенбергом и австрийским дипломатом Алексом Борром. Кнуту Гамсуновичу не повезло, в настоящий момент он находится на постельном режиме. Долго допрашивать раненого мы не стали, поэтому хотели бы получить всю необходимую информацию из уст

непосредственной свидетельницы. Вы не против?

– А на фига мне это? – напряжённо уточнил государь. – Мало ли кто кому в горячке синяков наставит...

– Эти сведения могут вывести нас на заказчика «сдохших канареек», – от души просветил я.

Горох подумал, разгадал мой намёк и царственно кивнул:

– Если девица сия не против, позволяю – спрашивай!

Описать общий цвет лица принцессы Лидии я не берусь. Слово «красный» слишком банально, а других, более подходящих оттенков я навскидку не назову. В целом, скорее всего, она напоминала сейчас пожарную машину в кружевах и кринолинах. Глаза как фары; грудь двумя колёсами от «КамАЗа», а из-за шивороты тонкие струйки желтоватого пара поднимаются. От волнения, видимо... Впрочем, меня она узнала и приветствовала дружелюбным кивком «сквозь зубы».

– Извините, что заставляю вас вернуться к неприятным воспоминаниям, но из-за чего вспыхнула ссора?

– Он есть обозвать меня! При всех оскорблять этим словом...

– Этим?! – вытаращились я, Яга и даже Горох.

– Этим, этим! – шумно дыша, подтвердила девушка. – Он говорить на меня – «жаба»!

– Не пойму чёй-то... – опешила бабка. – Никитушка, она ить вроде тока что говорила, что он её не жабой, а...

– Делайте скидку на незнание языка! – пристыдил я. – Значит, обозвал вас жабой. Это нехорошо! Мы его обязательно за это накажем... А почему он так вас назвал?

– Не есть знать... – недоумённо развела руками австриячка. – Может, я есть быть на неё похожа, нет?!

– Нет вроде... – внимательно пригляделся царь, и я поддержал его утвердительным киванием.

– Спасибо. Значит, вот так, ни за что ни про что и обозвал? Неужели не побоялся, что кто-нибудь вступится за вашу честь?

– О, я, я! Он так и сказать, что никто не заступит через мою честь! Найн? Наступить на мой честь?!

– А господин немецкий посол? – вкрадчиво спросил я.

– Мой милый, добрый дядюшка... – жалостливо всхлипнула фройляйн Карпоффгаузен, почему-то делая ударение на «ю». – Герр Борр кричать, что «этот старый лис не посмеет ему ничего сказать»! Он кричать «трюс!» и вновь называть меня, оскорблять...

– Вот, опять! – дёрнулась бабка, и мы с Горохом шикнули на неё уже

одновременно. В принципе мне всё было ясно. Шпицрутенберга сознательно спровоцировали, поставив его в такие условия, когда отказаться от дуэли он просто не мог. Нет, пережить свой позор он бы ухитрился, но честь дамы... Надо признать, посла завалили совершенно профессионально. Зачем? Хороший вопрос, мне тоже интересно...

– Что ж, благодарю за содействие органам. Ещё раз извините за наше несанкционированное вторжение, – козырнул я. Бабка было пошла следом, но на пороге неожиданно обернулась, быстренько шагнула к царю и что-то прошептала ему на ухо. Государь вздрогнул, схватился руками за то место, которое прикрывают футболисты во время штрафного удара, и резко побледнел.

Удовлетворённая Яга догнала меня и вежливо прикрыла за собой дверь:

– Ну не могла я, Никитушка, не удержалася... Слово ему сказала тайное. Ежели до свадьбы с девицей этой оскоромится, как есть – всё отпадёт!

– Что отпадёт?! – ахнул я.

– Желание! – весомо подняла пальчик бабка. – А ты что подумал?

– Так, мелочи...

Попутно мы задержались извиниться перед стрельцами, приняли их заверения в том, что они «не в обиде», и только после этого наш эксперт отклеила их ноги от пола. Парни рассыпались в благодарностях... Дьяк Филимон нам больше не попадался, хотя у меня были к нему некоторые вопросы. Пока ждали обещанные государем сани, Яга напряжённо поинтересовалась:

– А что ж, смутьяна этого, иноземного, арестовывать не будем?

– Будем, – рассеянно ответил я, – когда будет за что. В данный момент ничего сверхуголового мы ему предъявить не можем.

– Как так?! Митеньку подкупал, Мумумбе африканской грозил, посла немецкого изранил, невесту царскую из Австрии «жабой» крыл и словом неприличным...

– Неподсудно, – вынужденно разъяснил я. – Всего вышеперечисленного не хватит даже для выдворения его из страны как дипломатического работника. Любой начинающий адвокат отмажет мерзавца в две минуты. У нас нет улик, свидетельские показания разрозненны, а сами свидетели – пристрастны, но главное – полное отсутствие состава преступления. Поверьте, мне самому хочется его арестовать, но не за что.

– А коли не за что, чего ж так хочется? – отступая, подковырнула Яга.

У меня не было однозначного ответа. Слишком много ниточек тянется в его сторону, но все они на уровне домыслов, предположений, бездоказательных умозаключений и тому подобной чепухи. Бабка права, в самом деле, почему мне так хочется его арестовать?

* * *

Я очень устал за этот день. Мне хотелось только одного – добраться до кровати, рухнуть и чтобы часов до десяти никто не будил. Зима... Благословенное время, когда мой вечный противник, гад, сволочь, скотина домашняя, пернатая, сидит под замком в курятнике. Летом он своими побудками доводил меня до белого каления, сейчас легче: вот поднимусь, разденусь и спать...

Я зажёл свечу на столе, устало улыбнулся иконе Ивана Воина в углу, кое-как стянул с натруженных плеч китель и... едва не заорал от ужаса – в моей постели спал медведь! Или кто-то очень на него похожий... Большой, до головы укутанный одеялом, и только валенки сорок пятого размера вызывающе лежат у спинки кровати. Первым автоматическим побуждением было броситься к противоположной стене и вооружиться подаренной царём саблей. Уже чувствуя в руках успокаивающую тяжесть оружия, я смог рассуждать более хладнокровно. Поэтому никаких вопросов никому задавать не стал, а просто рявкнул изо всех сил:

– Какого чёрта ты делаешь в моей кровати?!

Митька дёрнулся, проснулся и вместе с одеялом съехал на пол. Он был всё так же псевдоказацки одет, и только форменный тулупчик аккуратно лежал под подоконником.

– Ба... батюшка сыскной воевода-а?..

– Нет, это крокодил Гена! – возвысив голос, нахмурился я. – Ты откуда здесь взялся, Дюймовочка?

– Никита Иванович! – Митя, всё ещё путаясь в одеяле, кое-как стал на колени и, непрерывно крестясь, начал: – Христом-богом прошу – верните меня назад, в отделение! Чёй-то на меня умопомрачение бесовское нахлынуло – невесть кем себя вообразил! До седьмых небес вознёсся, а уж как пал низко да вдарился больно...

– Мы не в театре, есаул Лыбенко, – на всякий случай напомнил я, хотя видеть этого обормота рад был несказанно.

– Ваша воля, казнить или миловать, – покорно согласился он. – Хотите, на плаху отправьте, на каторгу забайкальскую, на галеры турецкие! А

только знайте: не с пустыми руками Митька беспутный, лапоть деревенский, к вам в горницу пробирался... Не красным словцом, а делом знатным, не прощения, а искупления за-ради, не...

– Митя, я устал и спать хочу.

– Не время милиции спать! – голосом, объявляющим начало Третьей мировой, оповестил наш трагик. – Ибо не дремлют враги отечественные, и далеко их руки в России загреблись...

– Это ты тоже у дьяка Филимона выучил?

– Никак нет, сам дозрел. Но красивественно ведь? – Видя по моему кислому лицу, что не проняло, Митька тактично захлопнул пасть и на четвереньках припустил к окошку. Я даже, грешным делом, подумал, что он окончательно сбрендил... Но нет, парень развернул сложенный тулуп и торжественно представил мне царский кубок, набитый червонцами! У меня похолодела спина... Сзади скрипнула дверь, это Баба Яга (наверняка подглядывавшая в щёлку) церемонно вошла в мои покои:

– Так вот он какой, кубок чемпионский... Молодец, Митенька!

– Ба...бабуля, я не понял...

– Никитушка, да за кого ж ты меня держишь? – лучезарно ухмыльнулась Яга. – Нешто ко мне в терем может кто ни есть войти, а я и знать не буду?! Это он стрельцов охранных, замёрзших, вокруг пальца обведёт, через забор сиганув. Но меня, старую, горелой кашей не накормишь – я ить его по запаху вычислила! Сразу как в дом вошла, да...

– Почему не доложили? – буркнул я.

– Да надо ли было... Вона как вы тут тепло побеседовали – и пропажа царская отыскалась, и до нас блудный сын возвратился. Пойдёмте-ка за стол, сотруднички, самовар уже поспел небось...

– Один вопрос, – остановил я, – откуда кубок, Митя?

– От злодея иноземного, – шмыгнув носом, бывший есаул постарался горделиво расправить плечи, – мною же дедуктивно и нюхательно распознанного, от Алекса Борра!

– Восстановлен на рабочем месте в прежней должности, – не обращая внимания на меня, поздравила бабка, по-матерински целуя дубину стоеросовую в обе щеки.

– Бабуля-я! Он ведь нам всю следственную работу под асфальт закатал! Вы что, сговорились оба?!

– Ночь же, чего орёшь? Люди спят, – укоризненно покачала головой Яга, и я окончательно решил, что они надо мной издеваются. Тем не менее как-то позволил увести себя вниз, усадить за стол и даже «изволил откусать чашечку чая». Митька внаглую ел за троих, не забывая, впрочем,

поминутно креститься и благодарить «Христа-бога за милость». Бабка сияла не хуже тульского самовара, то и дело вскакивая с лавки, дабы лишний раз погладить нас по затылкам. Какая всепрощенческая толстовская идиллия, тьфу...

Насчёт нашего перебежчика у меня было своё, особое мнение, если бы не Яга – я бы его на дух к отделению не подпустил! Не из вредности и не по злобе, просто из воспитательных соображений. Ведь, по сути дела, ничем он нам не помог, а значит, себя не проявил. Ха, прошу прощения, – проявил! Да ещё как проявил – с выдумкой, с размахом, с интеллектом своим детсадовским. Для бабки главное, что он кубок царский вернул. Дело закроем, галочку поставим, о находке объявим, весь город в аплодисментах, а государь ещё и награду даст! В действительности всё хуже некуда...

С Алексом Борром наш обиженный судьбой индивид столкнулся на базаре и разом принял стойку охотничьего терьера. Он ведь не раз говорил, будто бы запомнил запах мужской заграничной парфюмерии у ларца с булавой и в кабаке. Ещё утверждал даже, что «запашок дюже знакомый будет», а тут – нате вам, ароматизирующий преступник! Как Митяй удержался от того, чтобы не «заарестовать злодея» на месте, – он и сам толком объяснить не мог. Обычно после его арестов и задержаний мы не только извинения приносим, но ещё и больничный отдельным гражданам оплачиваем. Короче, взяв себя в руки до хруста в суставах, наш шпики-одиночка устроил филёрскую слежку, каковая и привела его к царскому подворью. За ворота он проник беспрепятственно, благо тамошняя охрана ещё ничего не знала о его увольнении. Проследил за подозреваемым до самых его дверей и впал в длительную засаду, терпеливо изображая истопника, принёсшего дрова. Боже, сколько дров ему пришлось перетаскать...

Когда ругающиеся бояре и иноземные гости уже просто спотыкались о поленья, Алекс Борр наконец покинул свою комнатку, отправившись по делам. Вот тут начинается самое интересное – отстранённый работник милиции начинает совершать противозаконные действия одно за другим! Для начала он выдавливает плечиком дверь, потом проникает внутрь, тем самым посягая на чужую территорию, после чего производит несанкционированный обыск, совершает банальную кражу и бежит с места преступления. Кубок, видите ли, спокойненько стоял себе на столе посередине комнаты, и наш ягнёнок едва не взвыл от бурной радости – нашёл! Чем это выльется мне и Гороху, гадать не приходилось... Хуже другое, если Алекс Борр действительно виновен, то такого коварного

преступника у нас ещё не было. Одним движением так развернуть шахматную партию, что мы оказались в глубокой луже, – это особый криминальный талант!

Плохо... Всё плохо, но, судя по всему, завтрашний день будет ещё хуже. Вот только это чуточку и утешает...

* * *

– Не томи душу, сокол ты мой ясный. Ну скажи-поведай, чего ж ты с утра такой озабоченный?

– Ба... бабуля, о чём это вы?! – чуть не поперхнулся я. Яга заботливо похлопала меня по спине и положила на тарелку ещё два пирожка поподжаристее.

– Вижу ведь, печаль-тоска, грусть-кручина тебя, молодца, так поедом и ест! Нешто из-за Митеньки нашего так опечалился? Дак не будем пока царю про кубок найденный говорить, а там, глядишь, и утрясётся всё...

– Не утрясётся...

– Да почему ж? Али ты не рад, что мальчонка наш кубок твой хоккейный отыскал?!

– Он не имел права его забирать! – не выдержал я. – Нашёл вора – молодец, выследил – герой, пришёл в отделение, доложил – медаль и Почётную грамоту на руки! Это же элементарная сыскная этика. В тот же вечер мы могли совершенно законно задержать негодяя, а что теперь? Как мы докажем, что зарубежный дипломат – вор?!

– Так Митенька же кубок краденый у него нашёл!

– А кто это видел?! Я уж не говорю о том, сколько преступлений ради этого он совершил...

– Ох, чегой-то невдомёк мне... – завозилась Яга, от её былой уверенности не осталось и следа. – Мудришь ты, участковый. Я вон к Гороху пойду да всё ему и обскажу, он-то с вором долго церемониться не будет – на дыбе все признанья выпытает!

– На дыбе, говорите? – Я отодвинул тарелку и устало поглядел в окошко: Митяй разгребал лопатой снег во дворе. – Что ж, можно и так. Но царский терем полон иностранных гостей, и если незаконно бросить палачу хоть кого-нибудь (а речь об известном дипломате!), то международный скандал Гороху обеспечен. И это при условии трёх невест в коме... Вы представляете себе, что поднимется?

На этот раз бабка примолкла. Соображала она всегда лихо, поэтому,

сложив все факты и сопоставив подозрительные совпадения, пришла к тем же выводам, что и я:

– Дак ведь он, злыдень, Митеньку нашего вокруг пальца обвёл! Подставил, зараза, ровно дитё малое объегорив. Вот почему кубок на видном месте стоял...

– Он им сознательно пожертвовал, точно рассчитав, что в этом случае мы ничего не докажем. Если бы у нашего обалдуя было чуть больше мозгов... Но, увы, приходится иметь дело с тем, что есть.

– Ты уж из отделения-то его не гони, старался парень...

– Куда... – вздохнул я. – Пусть остаётся, он своё дело сделал, а нам надо как-то выкручиваться из сложившейся ситуации.

– Не впервой... – ободряюще улыбнулась бабка.

– А то! – поддержал я. Митька за окном прервал общественно полезный труд и побежал открывать ворота. Видимо, кто-то пожаловал. Неужели Алекс Борр заявил насчёт взлома? Нет, вряд ли... Он будет молчать до первого нашего шага. А интересно, как всё-таки у него оказался кубок? Мы-то считали, что его украл кто-то из местных... О, это идея! Надо попросить Ягу поколдовать над наградой чемпионата. Отпечатков пальцев, может быть, и не получим, но через чьи руки он прошёл – выяснить можно! А ещё у меня появилась одна очень хорошая идея... Не очень оригинальная, но хорошая и, главное, – быстродействующая. Результат будем иметь уже к ночи.

– Бо-бо...ярин Ка-ка-шкин, п...по-ожиловали! – торжественно доложил наш неутомимый камердинер. Честное слово, Еремеев просто издевается надо мной, поставив этого молодца с дефектом речи докладывать о приходе посетителей.

Вошёл сумрачный боярин («заикалистую» версию своей фамилии он предпочёл проигнорировать).

– Здрав буди, сыскной воевода!

– И вам того же. – Я честно попытался отвесить поясной поклон. – Проходите, присаживайтесь. Чаю не предлагаю, знаю, что вы по пустякам отделение беспокоить не будете.

– Вестимо. – Кашкин важно кивнул и чинно опустился на скамью. Высоченную медвежью шапку он, разумеется, не снял, парадно-выходная шуба тоже осталась на плечах владельца, а вот взгляд был... какой-то чрезмерно спокойный, что ли? Знаете, как у утопленника. – Рюмкой водки не угостишь ли, хозяйюшка?

Яга с полуоборота рванулась к заветному шкафчику, распахнула дверцы, запоздало поинтересовавшись:

– Анисовую али пшеничную с тмином?

– Без разницы.

Я покосился на бабку, произвёл в уме нехитрые вычисления, сделал логические выводы и спросил напрямую:

– Очередная любимая канарейка копыта откинула?

– Истинно, – спокойно ответил боярин, смачно опрокидывая рюмку куда-то между усами и бородой. На мгновение его лицо стало по-детски счастливым.

– Смею предположить, что это австрийская принцесса Лидия Адольфина Карпоффаузен.

– Она самая.

– Ну что ж, нам к этому не привыкать. Главное – не волноваться и не впадать в панику. В конце концов, Горох знает...

– Ещё налей! – дрогнувшим голосом попросил царский советник. Кажется, всё не совсем так, как мы привыкли...

– В тереме бунт? Иностранцы узнали обо всём и грозят интервенцией? Первые три невесты перестали дышать? Господи, неужели государь объявил, что женится на дьяке Филимоне?! Просто так, всем назло...

Боярин Кашкин едва не поперхнулся от такого предположения, но рюмку удержал, выпил и даже чуточку улыбнулся. Значит, не всё так страшно...

– Бабуль, вы бы хоть закусывать давали, что ли... Может, человек голодный с улицы, там у нас ведь оставались пирожки с завтрака? А историю фройляйн Лидии можно послушать и за столом, вряд ли она кардинально отличается от остальных.

– Яблочком травленную нашли, – немногословно подтвердил важный гость.

– И что на этот раз говорит наш любвеобильный государь?

– Ещё рюмочку...

– Так и сказал? – не понял я. Яга молча сунула боярину штоф и укоризненно приложила пальчик к губам. Я покосился на неё с некоторым недоумением, а потом словно прозрел...

– Где царь?

– Нет его...

– Что значит «нет»?!

– Пропал надёжа-государь, – повесил голову Кашкин, хлопнул прямо из горлышка и чуть заплетающимся языком пустился резать правду-матку. – Давеча вечером, как ушли вы, он всё по терему бродил, вроде думу думал... Утречком встал как человек да попросил принцесску энту,

австрийскую, для собеседования к нему представить. Меня из горницы не погнал, видать, и впрямь тока поговорить хотел. Стрельцы возвратились бледные, говорят... ну, дверь отпертая, а девица на полу в беспамятстве... как всегда! Я тока на кормильца нашего глянул, да и сам туда – посмотреть, приказать, прочее всё, чтоб чин по чину! Унесли её быстренько, в ковёр завернутую, туда, в подвалы тёмные, где прежние невесты судьбы своей дожидаются. Слова твои помнил... Всё оглядев, яблочко нашёл, красное, с одного боку покусанное. Побёг к государю доложить – ан нет его! Туда, сюда, всех спросил – нету! Вроде как вышел во двор, но за ворота не выходил, охрана бы знала. Ну, выждал я час, другой, мало ли... А тока время к обеду ведь – нет царя! У него ж и встречи, и дума, и смотрины, и дел невпроворот, да Гороха нашего ровно ложкой сгребли... Ужо и не знаю, как сказать да что сделать, а тока помогай, участковый, – царь пропал!

* * *

Мне почему-то стало смешно... Бедняга Кашкин горячился, шумел, возмущался, то грозя кулаком, то впадая в слёзы, – на меня это не действовало. Он прихлёбывал водку, как компот, он отказался от предложенных Ягой огурчиков, у него действительно было горе. Я смеялся... Опустив голову на руки, прикрывая ладонями лицо, я безудержно хохотал над несоизмеримо диким трагикомизмом ситуации! Да-а, лучшего наш Горох не мог и придумать... Вот так легко, танцующе, безоглядно взять и сбежать в самый серьёзный момент, когда от него столько зависит. Я честно пытался его понять, влезть в его шкуру и поставить себя на его место.

Отрицательное отношение государя к самому факту женитьбы было известно в Лукошкине каждому уличному мальчишке. Тем не менее под нажимом боярской думы Горох решает-таки воплотить в жизнь народные чаяния и осчастливить столицу матушкой царицей. Вроде бы даже в рифму, но суть не в этом... Он приглашает на смотрины всех достойных претенденток и честно присматривается к каждой в домашней, неофициальной обстановке. Как только ему хоть чуточку начинает нравиться какая-либо девушка – с ней сразу же происходит несчастье...

Причём какое! Не смерть, заметьте, а именно несчастье – невеста лежит ни жива ни мертва, отравленная сложно составленным ядом при помощи банального яблока. И так повторяется раз за разом... Поднять тревогу невозможно – иностранцы сбегают, да ещё и ославят по всему миру!

Им ведь не докажешь, что исчезновение царских невест не есть дело рук самого царя. Они воспитаны на сказках о Синей Бороде и просто так никому не поверят. Милиция бьётся как рыба об лёд, но толку нет... Наоборот, как бы в насмешку возникают другие следственные дела, и все усилия раздробленной опергруппы не приносят практически никаких результатов. Видимо, последняя жертва окончательно заставила Гороха потерять голову. Царь не пропал, он сбежал. Что это значит для нас – догадаться нетрудно...

– Поисками Гороха я займусь лично. Панику не поднимать, всех любопытных оповестить о «срочном отъезде надежды-государя». Куда-нибудь не очень далеко, в Спасский монастырь, за благословением, например. Или икону чудотворную, избавительницу, лишний раз поцеловать – хуже не будет.

– Всё, как сказано, содею! – с великолепной смесью в дым пьяных глаз и кристально чистого словопроизношения выдал боярин Кашкин. – Ещё не присоветуешь ли чего?

– Держитесь естественно, как будто бы ничего не произошло, – многоопытно предложил я. – Убеждён, что государь в самое ближайшее время даст о себе знать. Ведь из города он не сбежит, а долго укрывать у себя беглого царя никто не решится – подсудное дело...

Седобородый боярин встал, шагнул ко мне, широко обнял, одарил троекратным отеческим лобызанием и... фривольно подмигнув Яге, вышел вон. Бабка аж блюдце на пол уронила от такого обращения...

– Митька-а! – Я постучал по оконному стеклу. – Еремеева ко мне, срочно!

С первого раза он не понял, пришлось повторить на пальцах, дошло, убежал искать.

– Бабуль, а вы что обо всём этом думаете?

– Охти ж... Чего ж тут думать-то, известное дело – охальник он и есть! Седина в бороду – бес в ребро.

– Минуточку...

– Я говорю, Кашкины – они всегда такие были! Подмигивает, вишь... Ровно я ему девка мокрогубая, несмышлёная... тьфу, зараза!

– Бабушка!

– Как считаешь, на пятнадцать суток потянет? – с надеждой приподнялась Яга.

Я гулко хлопнул себя ладонью по лбу – дал бог сотрудинок! Однако других нет, и эти, надо признать, самые лучшие...

– Насчёт исчезновения царя что вы думаете?

– Ах вон ты о чём... – Бабка покраснела, словно её поймали за подсматриванием в мужской бане. – Дык правду ты молвил, Никитушка, никуда не денется государь. Это он, видать, с отчаяния да с перепугу великого лыжи наострил... Возвернётся, поди! Гороха нашего сызмальства большая ответственность отличала.

– Вот и замечательно, тогда у нас на очереди... – В горницу шагнул стрелецкий сотник, стряхивая с шапки снег. – Заходи, Фома! Садиться не предлагаю, время не ждёт. Поздравь нас – царский кубок найден!

– Да неужто?! – восторженно ахнул Еремеев и тоже распахнул объятия, но я вовремя его остановил:

– Спасибо! Я знал, что ты, как и любой честный лукошкинец, будешь рад до небес. Теперь о задании... Я хочу, чтобы ты под большим секретом сообщил об этом приятном известии всей своей сотне. Не стесняйся, говори громко, так, чтобы ребята не подумали, будто в отделении от них скрывают информацию.

– Да нешто мы не люди русские, нешто не понимаем... – смущённо потоптался с ноги на ногу геройский сотник. – Всех оповещу, а уж парни у меня – могила! Дело секретное, что ж раньше времени языком трепать?!

– Вот именно, – я обличающе ткнул ему пальцем в грудь, – и не забудь предупредить, что отныне кубок хранится у меня в комнатке, на втором этаже, под подушкой слева! Ну, это на случай, если кому взбредёт уточнить... Вдруг попадутся недоверчивые?

Еремеев лишний раз подтвердил полную лояльность своих ребят, поимённо поручился за каждого и с места в карьер ринулся «радовать секретной тайною».

– А ить хитёр же ты, сыскной воевода! – завистливо прищёлкнула языком бабка. – До вечера почитай всё Лукошкино будет знать, что кубок чемпионский в отделении обретается, да где лежит, да как найти. Хочешь соучастника местного изловить? Думаешь, он, упырь неспортивный, вдругорядь за кубком побежит?

– Несомненно. Я по-прежнему убеждён, что его брал фанат хоккея! А значит, вор вернётся на место преступления... В смысле, вернётся за кубком.

– Ну дак этой ноченькой и жди... А мне-то, старой, что делать прикажешь?

– Не прикажу, а попрошу, – вежливо поправил я. – Бабушка, как вы полагаете, мы можем посредством колдовства выяснить, через чьи руки прошёл царский приз?

– Ох, ох, охонюшки мне... – призадумалась Яга. – Уж больно дело

непростое. Двух-трёх владельцев последних, может, ещё и укажу, а глубже... не обессудь! На нём и твои руки, и Митькины лапищи, и Алекса Борра, ну как больше и не разгляжу ничего...

– Давайте попробуем?

– И то, за старанье, поди, не бьют, – философски заключила бабка-экспертиза. Судя по её загоревшимся глазам, результат будет, несмотря ни на что.

– Вот и отлично! – обрадовался я. – Через пару минут можем начинать. Мне только надо дать задание Митяю...

* * *

Видимо, есть какая-то особая порода горбатых, которых даже могила не исправит. Так вот, Митя из их серии... Заявить ему, что царь пропал, я не мог. С его прямолинейной старательностью он всё Лукошкино на уши поставит, в каждом сугробе будет Гороха разыскивать, в каждую собачью конуру заглядывать и арестовывать, соответственно, всех подряд. Поэтому обычную задачу для него всегда надо чуточку усложнять...

– Митя, тут у нас в городе опасный сумасшедший появился. Мнит себя царём Горохом, привлекает нездоровое внимание населения. При задержании может оказать сопротивление. Справишься?

– За честь почту во имя правопорядку местного голову сложить!

– Я так и предполагал...

– Вы ж меня знаете, Никита Иванович! – расправив плечи и сделав самое похоронное лицо, начал он. – Задания по задержанию безумцев опасных – дело для меня самое сердцу любимое! А уж ежели кто мордой своей безрогой вздумает личину государя нашего поганить... Убью на месте лбом об валенок!

– Митя, это лишнее, – строго напомнил я. – Сумасшедший гражданскому суду не подлежит. Нам его только поймать надо, а уж Яга вылечит в принудительном порядке. Так что иди, найди, в тулуп осторожненько заверни и бабуле нашей сдай с рук на руки.

– Не извольте беспокоиться, исполню, как велено! А так вопросик один, любопытствую...

– По существу или отвлечённо?

– Отвлечённо.

– Нет.

– Тады по существу.

– Валяй, но коротко.

– Вот, к примеру, ежели собака бешеная за ногу тяпнет, ведь, говорят, от неё тоже сбеситься недолго. А коли сумасшедший этот кусаться зачнёт, ить больно небось будет?

– Пожалуй... – задумчиво признал я. – Поэтому и дело названо особо опасным.

– Ага! – воскликнул он, но я уже знал, что это значит.

– Не волнуйся, маменьке на деревню передадут.

– И вот...

– Тебя похоронят с почестями, оркестром и барабанами, а гроб закажем у Шмулинсона.

– Но я...

– С чёрным бархатом, цветочками и росписью под хохлому.

– Но если...

– Тебе ампутируют укушенную ногу и отправят в санаторий инвалидов МВД за государственный счёт!

Митька гулко захлопнул рот, что-то ещё поразмышлял, изображая напряжённую работу головного мозга, и бодро развернулся на выход.

– Кстати, шаровары казацкие сними. И шапку махновскую тоже. Оденься по форме, ты ведь всё-таки при исполнении. И... удачи тебе.

– Не подведу, батюшка сыскной воевода! – счастливо гаркнул он, стукнулся лбом о притолоку и вышел вон, свалив что-то громоздкое в сени. Пусть побегает, ему полезно проветриться. Особенных бед не натворит, а если отыщет где-нибудь сбежавшего государя, то доставит в отделение как сумасшедшего. Это и проще, и с точки зрения политики тактически верно. Яга в наш разговор не вмешивалась даже вздохом, готовила какую-то особенно вонючую смесь в котелке. Магия, как всем известно, штука взрывоопасная, и любая неточность рецептуры может запросто оставить от терема лунный кратер. Я пробовал, я знаю...

– Ушёл ли малой-то?

– Отправился на задание.

– А ты что ж, так в царский терем и не наведаешься?

– Незачем. На австрийскую принцессу мне глядеть уже просто скучно, всё, что нужно по уходу за телом, приближённые бояре и без меня знают. Надкушенное яблоко Кашкин оставил нам в качестве улики. Кстати, оно не зелёное, как обычно, а красное.

– Видать, семириновка кончилась... – знающим тоном поведала бабка. – Ну, раз ты свободен, касатик, так давай к столу – кубок чемпионский допрашивать будем!

Но всё началось не сразу. Сначала я предупредил стрельцов, чтобы к нам никого не пускали, потом наглухо закрыли ставни, потом помог Яге установить на столе самый большой чугунок с тем самым неаппетитным варевом, и только после этого настало время чародейства. Это немножечко похоже на фольклорный театр с запевками, пританцовыванием и малопонятным ритуалом, но почти всегда интересно. Кубок, по-прежнему полный червонцев, а потому тяжёлы-ы-ий, поставили прямо в булькающую бурду. Яга аккуратненько вытерла руки полотенчиком, прикрыла заслонкой пламя в печи и ещё раз внимательно приняухалась к наступившей темноте.

– Мрачновато однако же... Но огонь зажигать не будем, нам иное требуется. Васенька, посвети!

Кот прыгнул на подоконник и широко распахнул выкатившиеся глаза. Словно кто-то резко включил два зелёных прожектора направленного ночного видения. Зрелище впечатляющее во всех отношениях... Бабка довольно хмыкнула, дважды плюнула через левое плечо и затянула приторным речитативом:

Ой да гуси-селезни
Шли через горы –
Ко святой горе, ко сырой норе!
Ой да гуси-селезни
Лили слёзы слёзные...
Злато во горе искали, червонного просили,
Во сырой норе, что без солнышка-а!

Кот начал подмурлыкивать, отстукивая мягкой лапой ритм. Вроде золото они где-то там нашли, но оно сказала, что не их, что хозяина своего помнит и что в руки не даётся... По-моему, как-то так. Не совсем внятно, тем не менее на уровне народных песен срабатывало. Я не знаток колдовства, но наблюдать за бабкиной работой люблю – это познавательно и слегка щекочет нервы. Над кубком за клубился зеленоватый дымок, Василий поковырял когтем в правом ухе, словно что-то подкручивая, и свет его глаз стал ещё ярче.

– Вот теперича не зевай, Никитушка, – шёпотом просигналила эксперт-криминалист нашей бригады. – Планшеточку раскрывай да всё, что видишь, на карандаш бери.

Может быть, мне показалось, но... вроде бы дымок над кубком начал приобретать вполне узнаваемые очертания безумно знакомого лица.

– Не может быть, ведь это... я!

– Знамо дело, – тем же шёпотом, но с оттенком научной язвительности ответила Яга. – Для кубка ты – его последний хозяин и есть. Дальше смотри, да не кричи так, образы спугнёшь...

Моё лицо висело в бледно-изумрудном облачке меньше минуты, потом появилась широкая Митькина рожа. Чуть бледнее, но вполне узнаваемая. Потом одутловатая физиономия, как-то очень неприятно подёргивающая верхней губой. Судя по парикку с буклями – иностранец, Алекс Борр, я полагаю... Он выглядел очень размытым, а вот четвёртое всплывшее лицо мы поначалу даже не узнали. Колдовской дымок почти исчез, видение держалось от силы секунд десять. Я успел отметить лишь вытянутый нос, козлиную бородку и вечно чем-то недовольные глаза. Бегающие такие, но очень честные, правдивые даже...

– Дьяк Филимон Груздев!

– А ить тока его рожу я и запомнила по рассказам девок с царёва двора, – победно встала Яга, упираясь обеими руками в бока. – Значитца, не старая ещё, из ума не выжила и в службу милицейскую ох как гожусь! Верно ли, участковый?

Я откинулся на лавке, устало зажмурился от фосфоресцирующего света кошачьих глаз и медленно кивнул. Куда уж вернее...

* * *

После обеда вернулся Митька. Свежий, отдохнувший, непобитый. Пришёл своими ногами, без толпы возмущённых сограждан и даже никого не арестовав. Парень мгновенно вырос в моих глазах почти на недостижимую высоту.

– Что, неужели совсем ничего?

– Я старался, батюшка сыскной воевода... – виновато развёл своими граблями на два метра наш младший опер. – На Базарной площади своими руками мужичонку подозрительного изловил, уж больно на царя Гороха смахивал. Однако же отпустить пришлось с извинениями, не опасным преступником тот оказался, а пекарем с соседней улицы.

– Значит, правильно отпустил, – заметил я. – Ну а вообще в городе какие новости?

– Не очень так чтоб...

– А поконкретнее?

– Да вы ж опять ругаться будете.

– Не буду, говори.

– Да будете, будете, знаю я вас... Ещё и в харю небось двинете али вон табуретом по лбу...

– Мить, – даже как-то опешил я. – Ты за кого вообще меня держишь?! Можно подумать, я тут в отделении каждый час руки распускаю!

– Не-е, грех жаловаться!.. – Он явно пошёл на попятную, по принципу «ну, если вам так хочется это услышать...». – Такое начальство, как вы, поискать ещё надо! Я ж на вас молюсь каждый вечер. Образ ваш светлый перед собой представляю, на колени становлюсь и...

– Никитушка! – с укоризной покачала головой Яга, когда я потянулся за веником. – И ты, Митенька, комедию нам не ломай. Отвечай прямо – чего непотребного на улице услышал?

– А вы меня в полено потом?

– Стыдись, дубинушка, – тоже не сразу нашлась бабка. – Нешто ж я тут так злобствую, что от меня свои же сотрудники шарахаются?!

– Ни-ни, как можно... – На Митькином сарказме впору было замешивать пирожки. – Вы же у нас тут всем вместо матушки любимой. Кормите, поите, указываете, жизни, дураков, учите! Вам перечить – совсем ума не иметь... Мне вон и щенком, и петухом оприходоваться доводилось, за что я вам по гроб благодарственен буду!

Знаете, и ведь слова-то всё правильные. Претензии могут быть к тону, интонационным вариациям, а так – глаза честные, морда дышит простодушием, стоит прямо, не горбясь! Надо бы... сделать ему промеж рогов что-нибудь эдакое, да ведь не за что вроде! Судя по мечущимся под бровями искоркам, те же чувства обуревали и Бабу Ягу. Положение спас Еремеев, он постучал в дверь и завалился с докладом.

– Садись, Фома Силыч, у нас тут очередные фокусы с разоблачением. Тебе тоже может быть интересно.

– Благодарствую, – важно ответил сотник, опускаясь на скамью, а Митька, лишний раз убедившись в полном внимании аудитории, начал издали:

– Как я шёл-пошёл, добрый молодец синеглазенький! По морозцу шёл на задание, жутко важное, милицейское... По дороге всё воры-жулики, конокрады сплошь да карманнички. В ноги падают, богу молятся, все в тюрьму хотят исправляться! Так мне до них дела нетути! Я иду-ищу приключеньица, на головушку, на бедовую...

– Ай люли, ай люли! – дружно поддержали мы. – Спасибо, достаточно. Что-нибудь действительно необычное было?

– Было, но ведь вы небось...

– Митя, не искушай судьбу.

– Особливо подозрительного встречать не довелось, а вот тока на Базарной площади Шмулинсон со мной нос к носу спотыкнулся. Сам раскрасневшийся такой, нос синий, а под мышкой корзина здоровущая и в ней бутылъ самогона бледного да окорок свиной, во-от такенный! Увидел меня, так и заюлил... Дескать, гость к нему приехал знатный, приехал раввин харьковский! А у самого-то глазки так и бегают, так и бегают... Как удрал, я и не заметил даже. Вот вы меня давеча погромом попрекали, а тока зачем же сюда раввин пожаловал?! Не иначе в Лукошкине синагогу строить, веру иудейскую поднимать! Может, мы отцу Кондрату доложим, пока не поздно, а? Ить святое дело-то...

– Ты сам этого раввина видел? – не дав договорить, перебил я.

– Не-е... не успел, – сокрушенно признался наш парень. – Думал, после матча посмотрю. Сегодня вроде запорожцы в первый раз играют?

– В первый, – подтвердил Фома. – Супротив кузнецов наших, но я бы им и думцев отдал – будет кого со льда соскребать.

– Это если бы там сами бояре играли, – сдержанно напомнил я. – Ну что ж, Митя, рад тебя поздравить! С заданием ты справился блестяще, в качестве поощрения можешь пойти поболеть за своих дружков. Жовто-блакитный флаг попросишь у полковника Чорного.

– Непонятно даже... – Почему-то он насупился. – А сумасшедшего опасного теперича ловить не надо, что ли?

– Пока не надо, мы им завтра займёмся. А сегодня отдохни. По моим скромным просьбам проблем не было? – Я развернулся к Еремееву.

– Никак нет вроде... Молодцов своих предупредил, но уж так строго, так строго, чтоб ни-ни!

– Это правильно... Значит, мы можем рассчитывать на удвоенную скорость распространения информации. Отлично! Бабуля, а не поставить ли нам самовар?

Еремеев вежливо отказался, на Митьку цыкнула зубом бабка... Короче, через пять минут мы сидели с ней одни за столом, пили чай с мёдом и вели пространную беседу о превратностях человеческих судеб.

– Как же ты, сокол, угадал, что Горох у Шмулинсона прятаться будет?

– Благодаря зоркости нашего Митяя. Бабуля, если у вовремя обрезанного еврея в гостях настоящий раввин, то он на базаре свиной окорок покупать не будет. Им это по вере запрещено, следовательно... Я думаю, что всё-таки там наш царь. Более неподходящего места для сокрытия русского государя трудно себе вообразить...

– И то верно... – признала Яга. – Про Фому не растолковывай, я сама

догадалась. А вот вора ночного, знать, мне одной брать придётся... Ты ить на кладбище идёшь али забыл?

– Забыл, – честно признал я. – Мне вообще-то и не хочется, был я там уже разок, если помните. Но пойду, конечно, вы только объясните толком, что и как...

– Бояться тебе, касатик, нечего... По зиме, под шубой снежной, да в земле мёрзлой, покойники смирно лежат, наружу редко какой выйдет, уж разве совсем насморку не боится. Оденься потеплее, носки из собачьей шерсти, валенки побольше да вместо фуражки своей треух бараний возьми. Как заветный час придёт – из могилы голос раздастся. Потом сыра земля раскроется, вот старик Сидоров и выйдет. Тут уж ты не теряйся – речь вееди почтительно, про поклоны не забывай, за сыновей его прощенья проси, да про Сивку-бурку всё как следует вызнай.

– А если речь не о лошади?

– Ну, ты всё одно у нас самый умный, сообразишь небось, как дело повернуть, чтоб отделению выгоды не потерять.

– Ладно, – обреченно прикинул я. – А вот ладанку против упырей вы мне всё-таки одолжите.

– Экий ты невера, участковый... – наморщила нос бабка. – Да сделаю я тебе ладанку, сделаю. Смотри тока, дедушку Сидорова ей не пришиби, рука у тебя тяжёлая...

* * *

Десятерых стрельцов мы отправили на слежку за Алексом Борром. Причём я лично объяснил, что слежка должна быть явной до нарочитости – пусть знает, гад, что мы не спускаем с него глаз! Нервничающий преступник – бальзам на сердце милиционеру... Получалось, что до вечера я совершенно свободен. «Капкан» на дьяка «поставлен», царь найден (но пусть отдохнёт немного), запорожцы при деле, булава... Вот по делу о краже булавы пока никаких серьёзных подвижек нет. Можно доверять Митькиному нюху и предположить, что булаву украл всё тот же австриец, но на основании эфемерности улики к суду его не привлечёшь. Косвенно мы обложили негодяя со всех сторон, и, будь он российским подданным, Горох, не задумываясь, призвал бы палача! Проблема в дипломатическом иммунитете и, самое главное, в большом количестве иностранцев при царском дворе. Нет, бунтовать никто не будет, но славу разнесут такую – в Европу носу не высунешь. Нет, надо найти способ взять Борра с поличным,

до этого он для нас неприкасаем...

Ближе к вечеру пришёл воодушевлённый Митька. Запорожцы всухую обыграли кузнецкую сборную. Я, честно говоря, удивился: если хохлы начнут двигаться такими темпами, то мы наверняка встретимся в финале и ещё неизвестно, кто возьмёт кубок. Почти сразу же за Митькой постучался полковник Чорный.

– Здоровеньки булы, шановни панове-добродии громадяне! Ось заявився до вас з горилкой, бо гарний повод е!.. – с порога начал пан атаман, демонстративно встряхивая трёхлитровый штоф немировской водки. Через плечо у него висела здоровенная связка бубликов с маком. – Та ще й з своєю закускою. Ох и гарни ж бублыки у вас на Московщине выпикають!

– Ой, да проходите же к столу, Левко Степаныч, – всплеснув руками, захлопотала Яга. – Наслышана о молодцах ваших, на всю улицу девки галдели, как казаки кузнецкий ряд на льду обставили.

– Так воно и було! Запорожский казак при любом деле – перший буде! За то и выпьем...

Я пожал плечами, почему бы и нет? Через два часа мне идти мёрзнуть на всю ночь, так что не вредно слегка принять для сугрева. На стол накрыли быстро. Полковник взахлёб рассказывал о перипетиях игры, и, судя по его горящим глазам, с этого дня у украинского хоккея большое будущее. Слово за слово, тост за тостом, разговор плавно перешёл на политику.

– Ото я и чуяв, шо булаву гетьманску поганые католики-австрияки зпёрли! Им же ж хлеба не трэба, тильки шоб люди русские друг до дружки веры не имели... Ось побачишь, пане участковий, як воны взвоют, коли мы с хлопцами за нагайки возьмёмся!

– На каком основании?

– Не розумию?.. Ты ж сам казав, що во всём австриякский посол виновен?!

– Мы говорили о разных вещах, – попытался объяснить я. – С вашей точки зрения – достаточно доказательства вины, а с нашей – это лишь повод для передачи дела в суд. Только суд вправе определить степень виновности того или иного человека и меру наказания.

– Ну так шо ж ты ждёшь? За химок злодия та и до суду!

– Обязательно, – пообещал я. – Вот буквально завтра же этим и займусь, а сейчас... Что с вами?!

Полковник, только что отправивший в рот здоровенный солёный груздь, неожиданно поперхнулся, закашлялся и перегнулся через стол.

– Охти ж, Никитушка, помогай давай! – вскочила бабка. – Видать, не в то горло пошёл грибочек, не подавился бы!

Я подхватил атамана за плечи и пару раз гулко хлопнул ладонью по спине. Злосчастный груздь вроде бы выскочил, но дело явно было хуже некуда. Лицо Левка Степановича побагровело, он силился что-то сказать, и Яга, скумекав причину, мигом притащила крынку топлёного молока. Полковник зажмурил глаза и протестуяще замычал.

– Наипервейшее лекарство! – авторитетно заявила целительница, махом вливая в рот казака едва ли не половину.

Чорный побледнел, замахал руками, но поздно – от лечащей Яги ещё никому не удавалось вырваться. На шум борьбы прибежал Митька из сеней. Толком не сообразив, что происходит, почему-то начал крутить гостью руки за спину. Когда молоко кончилось, атаман откинулся на спину, два раза икнул и обмяк...

– А чёй-то здесь было, Никита Иванович?

– Всё нормально, Мить, – запоздало попытался я внести никому не нужную ясность. – Человек поперхнулся солёным грибом, и бабуля дала ему молока. Сейчас всё пройдёт.

– Не пройдёт, – задумчиво остановился наш младший сотрудник. Что-то в его безнадёжном тоне мне очень не понравилось...

– В каком смысле?

– Пан атаман желудком мается, хлопцы рассказывали. Потому и горилку пьёт, что для него молоко – чистый яд!

– Батюшки-светы... – обомлела Яга.

Митя сочувственно похлопал её по плечу и продолжил:

– Видать, отравили вы его. С такой-то кринки и здоровый мужик загнётся, а уж болезненному – прямоезжая дорога во землю сырую. Гляньте, ить не дышит, поди?

– Митя, не пугай бабушку!

– Да рази ж я осмелюсь? Отравила и отравила, стало быть, интересы милицейские того требовали. Труп я поутру в лес отнесу, под ёлкой закопаю. А только вдруг заметит кто? Надо бы обдумать, как от бабулечки нашей все подозрения на нет отвести...

Теперь уже сама Яга схватилась за сердце и попыталась прилечь рядом с полковником Чорным. Я обеими руками заткнул рот нашему доброхоту и, крикнув на помощь Ваську, бросился приводить людей в чувство. Наша домохозяйка встала первой, как только кот сунул ей нюхательную соль под нос. С паном атаманом провозились дольше: во-первых, он тяжелый, а во-вторых, похоже, ему действительно нельзя было молока. Бедолагу дважды

стошнило, и сердобольные стрельцы унесли страдающего запорожца в баню. Туда же отправился Митька и оставшаяся часть горилки, литра два... Наш увалень божился, что через пару часов полковник будет как новенький. А мне, хочешь не хочешь, пора было собираться на «ночное дежурство». В пятый раз повторяюсь, идти не хотелось...

– Ты, главное, это, построже с ним там... – напутствовала бабка. – Ладанку в рукавицу клади, сподручнее доставать будет, да без дела ей не размахивай. Не ровён час, кого из соседешек заденешь...

– Какой дурак туда ночью пойдёт? Кроме меня, естественно.

– Ой, да уж какой-никакой, а мало ли... – Яга всегда считала, что если основательно запугать меня дома, то на кладбище мне уже ничего не будет страшно. – Зимой-то спят все, редкий упырь за кровью свежей наверх полезет. А только ты всё одно не задерживайся там. Я-то на всякий случай стрельцов еремеевских загодя предупредила, чтоб тебя за воротами ждали.

– Это приятно... – глубокомысленно признал я, хотя чего такого особо приятного, объяснить, наверное, не смог бы.

– А придёшь с утречка, мы тебе баньку справим, я блинков гречишных испеку. Полковник твой, Чорный, глядишь, отойдёт. Митька его веничком быстро в здоровьице приведёт.

– Да уж, в этом смысле он маньяк-специалист...

– Не нравишься ты мне, участковый, – решительно заявила Яга. – Грустный ты, квёлый какой-то, даже отпустить боязно.

– Так не отпускайте! – воспрянул я.

– Не могу. Служба требует, долг зовёт, да и обещание людям дано – слово милицейское, нерушимое!

Я мысленно плюнул и пошёл за тулупом...

* * *

Зимой ворота Лукошкина наглухо не запирались – смысла нет. Шамаханцы нападают только летом. Тевтонский орден сунулся раз, так только до Ревеля и дошёл. Мороз был такой – рыцари в доспехах за день всё наследство отморозили! Сами крестьяне чаще двух раз в неделю за товаром не ходили, всё необходимое город запасал с осени. Дальние обозы из Европы или Сибири приходили и того реже. Не любят купцы зимнюю торговлю, вроде бы и праздников много, да больше всё мелочь ярмарочная идёт. Ни зерно, ни скотину, ни лес продать невозможно, жизнь течёт тихо,

словно ручей подо льдом. Поэтому охрана у ворот пропустила меня безо всяких требований и спецразрешения, просто любопытствовал, всё ли в порядке с головой. Это не юмор, это они так искренне заботятся. С их точки зрения, только ненормальный будет разгуливать ночью, да ещё зимой, да в придачу на кладбище...

Что ж, я был с ними полностью солидарен. Дорога недолгая, освещённость как днём, луна старается изо всех сил, и звёзд – хоть горстями рви. Морозец, конечно, градусов двадцать и к полуночи, пожалуй, ещё крепче будет. Однако воздух чистый, настроение бодрое, сна ни в одном глазу, в правом кармане фляга водки грамм триста, за пазухой кусок пирога с капустой – до утра не загнусь. Очень надеюсь, по крайней мере...

Кладбище, мирно спящее под покрывалом искристого снега, выглядело прямо как на картинке. Крестики с пушистыми шапками, могилки, словно сказочные серебряные терема, вокруг – ёлки разлапистые, все в алмазах... Душа отдыхает, скоро стихи писать начну.

Искомая могила нашлась далеко не сразу, это летом тут же видно, где земля свежая, а зимой, увы... В общем, что-то максимально похожее я отыскал, не вполне уверен, но выбора нет. Сидел примерно с полчаса – никого не было. Я пытался конструктивно выстроить схему поимки Алекса Борра, но замёрз. На холоде только пять минут мыслится позитивно, потом мёрзнешь... Спустя ещё какое-то время я полез в карман за флягой, поэтому хруста снега под чьими-то тяжёлыми шагами просто не услышал.

– Ага! – радостно раздалось за моей спиной. Будь сейчас лето, наверное, от неожиданности подскочил бы на месте... Зима, холодно, ограничился учащённым сердцебиением.

– Эге... – неуверенно выдохнули сзади, и глуховатый мужской голос однообразно спросил: – Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?

Я решил, что у кого-то там мозги не в порядке. Нахохлившегося милиционера даже в полной темноте трудно спутать с замёрзшей Настенькой. Но по крайней мере сразу догадался, с кем предстоит иметь дело...

– Тепло ли тебе девица, тепло ли...

– Я не девица!

– Уже нет?!

– Ну вообще-то и никогда ей не был. – Я побряхтел и развернулся, за моей спиной оторопело стоял классический Дед Мороз в умопомрачительном парчовом кафтане. Шапка, посох, рукавицы – всё ручной работы, в жемчугах и бисере. Ей-богу, у него даже валенки были все в тиснёных узорах.

– Здравствуйте. Я участковый из Лукошкина, лейтенант милиции Ивашов Никита Иванович.

– А девица где?

– Какая девица? Не знаю, может, на других могилах где-нибудь, но мне на глаза не попадалась. А что, обязательно должна быть?

– Так душ по пять каждую зиму мачехи из дому гонят, – рассеянно объяснил Дед и пристально оглядел меня со всех сторон. – Я тут воеводство своё дозором обхожу, речи с ними веду, кому подарочек дам, а кому и...

– Как же, как же, это был мой любимый фильм в детстве, – но, видя, что старик не в курсе, вернулся к прежней теме: – Дедушка, вы вот только о девушках изгнанных говорили, нельзя ли поподробнее? Это ведь серьёзное уголовное преступление, между прочим... Не напомним имена, фамилии, адреса потерпевших?

– Дело тихое, семейное, мне знать без надобности. А ты сам-то что тут делаешь?

– Так... сижу.

– Тепло ли тебе, молодец, тепло ли тебе, красный? – привычно начал Мороз, но довольно быстро опомнился. – Неловко как-то выходит... Ты уж не серчай, участковый. Дозволь старику с тобой посидеть, раз девицы нет. Так я вроде не при делах нонче.

– Да ради бога, присаживайтесь, – гостеприимно подвинулся я. – А вы не в курсе, случайно? Могила Сидорова, отца трёх детей, не эта?

– Она самая. Тебе что ж, умерший человек нужен?

– Обещал его деткам, что приду сюда ночью и исполню их сыновний долг, – ответил я. Мороз хмыкнул в бороду и понимающе улыбнулся. Хороший дедок, общительный и не занудный, не то что некоторые пенсионеры.

– Слыхал я о тебе, Никита Иванович, от лешего да водяного. Мы с ними уж и не вспомню, сколько лет дружбу водим.

– Да, да... И мне доводилось встречаться. Забавные старички, в карты играть умеют, а водяной с русалками меня даже спас один раз. Я как-то с немецким агрессором в речке плескался, ну и...

– А я его вчера только видел, но он почитай всю зимушку под корягой спит. Лёд, как стекло, чистый, речка аж до дна видна. Леший тоже берлоги не покидает, и поговорить не с кем.

– Вообще-то мне в любом случае здесь до утра сидеть, – логично решил я, прикидывая, пьёт водку Дед Мороз или не пьёт. Нет, наши, маскарадные, на каждой ёлке «хорошие» до немоты, но этот-то настоящий!

– А и вправду, посижу-ка я с тобой, – правильно истолковав мои сомнения, определился дед. – Говорят, ты человек умный и уважительный.

– Намёк понял! – Я с облегчением выудил из кармана флягу. – За знакомство или за здоровье?

Знаете, я уже давно ничему такому не удивляюсь. Мне нравится этот мир и люди эти нравятся, страна, и легенды её, и сказки. Я, наверное, очень русский не только по крови, но и по душе... А говорят, что немцы и французы называют Деда Мороза почтительно строго – «генерал мороз»! Якобы только он позволил нашим войскам победить в двух Отечественных войнах. Только для нас он всё равно дедушка, Мороз Иванович, Морозко...

Мы как-то сразу очень душевно засиделись. На часы я и не смотрел, водку мы пили медленно, маленькими глоточками (да что уж там, триста граммов на двоих взрослых мужчин?!), пирог тоже уговорили быстро. О чём говорили – не помню, но весело было, как на концерте Евдокимова. Дед Мороз, оказывается, знает столько смешных историй, и рассказчик он великолепный, с удивительно добрым чувством юмора.

– Я ведь и никого не морожу всерьёз, мне от тела обмороженного радости нет. Вот девок за нос щипать – это люблю, грешен, старый... Пьяного не обижу: либо протрезветь холодом помогу, либо отоспаться в снегу позволю. А влюблённым первым от меня и вовсе помощь одна – сколько ни целуйся, всё щёки горящие на мороз спишут, папки-мамки не заругают. А хочешь, ещё историю расскажу, как поп с попадъёй на Рождество в лесу клад искали, а медведь теперь своим деткам театр кукольный показывает?

Я знал этот анекдот, но всё равно искренне расхохотался. Да так, что едва не опрокинулся навзничь.

– Ты чего, участковый? Я и не начинал ещё, а ты уж прыгаешь, словно земля под тобой ходуном ходит.

В какую-то секунду мне резко стало не смешно, снизу действительно ощущались явственные толчки.

– Мать-перемать... – Мы с Морозом наострили уши и затаили дыхание. – Встанешь тут! Расселись, как эти...

* * *

Я уже видел встающих из гробов покойников, и желание свято выполнить обещанный «сыновний долг» пропало напрочь. Не знаю, как подобное проходит в других странах, но у нас в России могила зимой без

мата не открывается. Поэтому вылезший из-под снега старикан уже был раздражён до предела. Его можно понять, он был главной шишкой в семье, его отцовскому слову безоговорочно подчинялась вся родня, он самолично повелел всем трём сыновьям поочерёдно провести ночь у него на могиле, а тут такой облом... Мало того что мерзлая земля никак не хотела открываться, там ещё вместо сыночек-кровиночек незнакомый милиционер при исполнении?! Старичок низенький и худой, как кузнечик, одарил нас с Морозом зеленовато-подозрительным взглядом.

– Не люблю я покойников восставших... Хороший человек после смерти гулять не будет, а, участковый?

– Что вы так смотрите? Я тоже не люблю. По долгу службы приходится общаться, но чтобы любовь...

– Ты ли это, Степанушко, сын старшой? – неожиданно густым, классическим шалашинским басом пропел умерший. Мы переглянулись.

– Это он на вас показывает.

– Побойся бога, участковый!

Попрепившись, Дед Мороз отрицательно покачал головой и развёл руками, давая понять, что не он.

– Ты ли это, Федорушко, сын середний? – В вопросах благообразного старца не было ни капли логики, но следование традициям чувствовалось.

Мороз вошёл во вкус и обличающе показал на меня пальцем, я протестующе замахал руками.

– Ты ли это, Иванушко, сыночек любимый, младшенький? – Не получив и на этот раз утвердительного ответа, старичок решил поизображать злобного упыря и показать зубки: – Тогда какого супостата на мою могилу нелёгкая принесла?!

– Я из милиции. Начальник тутошнего отделения, лейтенант Ивашов. Прибыл, так сказать, по поручению ваших родственников.

– Ась? Да уж не посадил ли ты сынов моих в тюрьмы каменные, во подвалы глубокие, за семь замков да десять засовов со одиннадцатым?!

– Да уж не посадил! Не за что было, и работы полно, – огрызнулся я, но, припомнив советы Яги, постарался смягчить тон: – Они были сегодня утром в отделении и очень просили меня зайти к вам, выяснить, по какому поводу вы хотите их видеть.

– А чего они сами не пришли? – как-то сразу сник покойник. Дед Мороз тоже укоризненно глянул на меня, призывая быть посострадательнее.

– У них много срочных дел, и, согласитесь, ночевать на кладбище лучше летом. Я вам не родственник, даже не близкий знакомый, но если бы

мне предложили пилить одному зимней ночью, в тридцатиградусный мороз чтить батюшку... Знаете, это как-то очень притупляет сыновние чувства.

– Стало быть, ни один не пришёл?

– Да холодно же, дядя, говорю вам!

– Стало быть, ты один явился... – задумчиво прикинул старичок и торжественно объявил: – Так пусть всё по воле Господа и сбудется! Если ты, мил человек, все три ноченьки на моей могилке скоротаешь, да не испугаешься – отдам тебе чудо чудное, диво дивное – Сивку-бурку, вещую каурку. Слово моё твёрдое!

– Э-э-э! Простите, но так не пойдёт. – Я поймал уже развернувшегося умника за плечи. – Какие три ночи? Вы думаете, что говорите?! Да я от одной этой все уши себе отморожу.

– Моё слово твёрдое! – задиристо вывернулся старик и с места, рыбкой, попытался прыгнуть к себе в могилку. Удар был всей плоскостью тела, глухой и гулкой. Тут присыпанная снежком могильная земля замёрзла камнем. Ошарашенный покойничек пытался скрести её ногтями и бить её коленками. Звук, словно железом по стеклу, а толку – ноль! Дед Мороз, одобряюще подмигнув, делал вид, что он тут совершенно ни при чём.

– Одну ночь! Моё слово твёрдое... – выбившись из сил, заверещал старик.

– Причём именно эту, – поднажал я. Может быть, от меня ожидали какого-то иного выполнения сыновнего долга, но увы... Не нравится – приходите исполнять сами. Дед Мороз в наши разборки не вмешивался, демонстративно держа руки за спиной и улыбаясь в усы. Отец трёх сыновей, утомясь разгребанием «вечной мерзлоты», плюнул на всё и мрачно уселся на соседний бугорок. Минута молчания затянулась...

– Гражданин Сидоров, вы мне не до утра здесь сидеть собираетесь?

– Отчего же... Сажу ведь.

– Я понимаю, вам по большому счёту всё равно терять уже нечего, но мне-то есть!

– Слово моё твёрдое... – нахохлился старик.

– Это до меня дошло, убедили, верю. Но если вы действительно намерены сделать нашему отделению ценный подарок в лице популярной лошади (что я несу?!), то лучше поторопиться – через час я просто брошу всё и пойду домой греться.

– А мне-то что, иди! Пущай никому животинка не достанется, но без уважительности не отдам.

Я беспомощно обернулся к Морозу, тот добродушно покачал головой и вмешался в беседу:

– И какую же тебе, старинушка, уважительность сделать? Хочешь жемчуга скатного али алмазов гранёных на блюде хрустальном, на подносе серебряном?

– Неуважительно, мне в могиле без надобности.

– Хочешь одеяло атласное, перину пуховую, шубу соболью, тапки белые?

– Неуважительно, мне в могиле без надобности! – продолжал издеваться старик. Он, может, и хороший человек... был, просто, когда холодно, затянувшиеся переговоры никого не греют.

– А хочешь бабу белую, дебелую, с косой до пояса, очами голубыми, тихую да неперечливую?

– Неуваж... – Неуступчивый покойничек запнулся на ровном месте. – А покажь-ка её сей же час!

Дед Мороз величаво поднял руки к небесам, потом пристукнул посохом, и снег у его ног взвился сияющим вихрем. Снежинки лепились одна к другой, буквально через пару минут уже угадывались контуры женского тела, а вскоре перед нами стояла томная красавица... Старичок вскочил с чёрной могилы, обежал скульптуру кругом, потыкал пальцами и обличающе заявил:

– Так она же неживая?!

– Да ведь и ты неживой, – резонно ответил Мороз. – А как под землю её с собой возмёшь, там она до самой весны от тебя не уйдёт и слова худого не скажет.

– Уважительно... – признал тороватый покойник. – Беру!

– Вот и ладно, а только наперёд уж не поскупись, отдай доброму молодцу участковому, что обещано.

– Слово моё твёрдое!

Деда Мороза после недолгих уговоров удалось пригласить в гости – с меня причиталось. Правда, когда конкретно зайдёт, не сказал. Но главное, что с его безвозмездной помощью дело было сделано! Ибо не прошло и часа, как я летел над кладбищем, над заснеженной дорогой, над стенами нашего Лукошкина на спине самого прекрасного сказочного коня, какого только можно вообразить, на Сивке-Бурке! Навстречу утренней заре, новому дню, новым свершениям, новым... головным болям. Иногда мне кажется, что отделение нельзя оставлять ни на минуту. Стоит только отлучиться по делу – нате вам! Первоначально я решил, что все умерли...

...В пять утра территория отделения представляла собой малохудожественное подобие картины «После побоища Игоря Святославича с половцами».

Ворота нараспашку, повсюду во дворе вперемешку разбросаны наши стрельцы и запорожские казаки. Лежат вповалку в интересных позах, такое впечатление, будто бы каждый получил чем-нибудь тяжёлым по голове. По крайней мере, следы побоев на морде каждого видны невооружённым глазом. Спрыгнув с седла, я взял благородного скакуна под уздцы и отвёл в конюшню. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять – на самом деле никаких трупов на снегу не валяется. Все, кто есть, спят самым беспросветным образом. Походил, попринюхивался – алкоголем не пахнет, посапывают добрые молодцы, аки младенцы безвинные. Не тратя времени на особо дедуктивные размышления, сделал один единственно верный вывод – бабкины штучки! Дверь в терем оказалась незапертой, в сенях безмятежно храпел Митька (что, кстати, ещё раз утвердило меня в подозрении на колдовство – обычно парень встаёт в четыре утра). Деловитая Яга уже бодренько суежилась у печки, на меня даже глаз не подняла:

– Доброго утречка, Никитушка! Заходи давай да к столу садись, вона уже и завтрак твой милицейский на сковороде шкварчит.

Я тоже поздоровался, вымыл руки, получил большую тарелку с яичницей и ветчиной, обильно посыпанной мелко нарезанным чесноком. Почему бабка именovala её «милицейской», доподлинно не знал никто. Подозреваю лишь, что после этого завтрака преступники от моего дыхания мёрли, как мухи...

– Лошадушку в окно видала, кобылка знатная... Видать, сумел ты старику Сидорову по душе прийтись.

– Я тут ни при чём. Встретил на кладбище вашего местного Деда Мороза, он там Настеньку разыскивал. Только благодаря его безвозмездной помощи мы обменяли Сивку-бурку на снеговую бабу, впечатляющую объёмами с фронта и тыла.

– Хитро... От ить каков похабник-то, и в могилу за собой девку тащит – и там, где спится, любая сгодится! – Яга присела напротив и, помаленьку отщипывая кусочки от пирога, впала в воспоминания: – А Мороза-то я давненько знаю... Добрый он, сердце большое имеет и сострадателен до людей хороших, да хоть бы и Настенек этих взять, что мачехи по зиме из дому гонят, другой бы...

– Бабуля, у вас это что, общегородская традиция? – перебил я. – Давайте вернёмся к ней попозже, а сейчас, пожалуйста, объясните, каким

образом по всему двору разбросаны спящие стрельцы с казаками.

– Ах, энти... – равнодушно отмахнулась Яга. – Да тока ты ушёл, как нарочный от запорожцев явился, пана полковника искать. Митенька ему и объяснил всё толком.

– Митя? – не поверил я. – Поправьте меня, он хоть кому-то что-то объяснил толком?!

– Дык он сам же мне сказал потом... – заступилась моя домохозяйка. – А через полчаса на отделение запорожцы напали! Вот народ грубиянственный, орали, будто бы я ихнего атамана молоком отравленным извела! Ну вроде бы Митенька им так отвечивал. Клевещут на мальчонку...

– Угу... – без тени энтузиазма подтвердил я.

– Но, грех на душу не возьму, вели себя казаки тихо, ночь ведь, спят люди божьи... Из пистолей не палили, саблями своими не звенели, через ворота перелезли да на наших стрельцов в кулачки пошли. Ну, Еремеев сопротивление оказал, и до того тесно во дворе стало, что я уж обеспокоилась... Ить побьют же друг дружку грешным делом. Митю в сени загнала да заклинание одно махонькое читала...

– Для запорожцев?

– Для них, родимых...

– То есть стрельцов задело случайно?

– Да как же случайно, соколик?.. Они ить кулачищами машут, по снегу один другого валяет, как я их разделить-то могла?! Вот всех целиком и накрыла! Но не случайственно, а со смыслом...

– Полковника надо было разбудить.

– Ага, как же! – посокрушалась Яга. – Митенька об его спину едва коромысло не сломал – спит, не чует. Но ты на него не серчай, намаялся, сердешный, с молочка моего топлёного... Уж как несло его, как несло...

– Суду всё ясно, виноватых нет. – Я медленно отодвинул от себя опустевшую тарелку. – А что, наш общий знакомый за кубком не приходил?

– Не ведаю, Никитушка... – честно призналась бабка и взялась за чай. – Я ить, пока с суматохой энтот разбиралась, из терему вон выбегла. А кубок Васенька мой стеречь вызвался, видать, там с ним в обнимку и спит...

– Мяу-а-у-ой-ё... – жалобно раздалось с лестницы, ведущей на второй этаж. Наша эксперт-криминалист едва не выронила чашку. Со ступеньки на ступеньку, еле передвигая лапы и волоча хвост, ковылял кот Васька. Глаза кучно сошлись на переносице, на лбу шишка величиной с кедровую, да плюс ещё и координация движений явно нарушена. Несчастный выглядел

так, словно им играли в боулинг. Я бросился вперёд и успел картинно поймать кота на руки, словно киношную принцессу, падающую с балкона.

– Ва-а-се-е-нька-а-а... – едва дыша, поднялась из-за стола Яга. – Да что ж с тобой за горе содеялось, что за беда приключилась, что за несчастье обрушилось? Охти ж мне, старой... Ведь своими руками кровиночку пушистую на задание простенькое отправила, ан вон оно как всё обернулося-а-а!

– Не волнуйтесь, бабуля... – Я с трудом уложил тяжеленного домашнего друга на широкую лавку, бегло осмотрел на предмет ран и переломов, поискал пульс на передней лапе и более-менее уверенно заявил: – По-моему, будет жить!

– Васенька-то? Вася – будет, Вася мой ещё много кого переживёт-расстарается! Я ить его, друга сердешного, с малых когтей вскормила-вспоила, всю душеньку в него вложила, всю старость на него угробила... Как же ему, родненькому, опосля такого ещё да не жить?! А вот тот злодей, что кота моего при исполнении так по котелку шандарахнул, – на этом свете не жилец!

– При исполнении... – не сразу сообразил я. – Но там же кубок!

На второй этаж я влетел со всей скоростью, на какую только были способны мои ноги. Дверь в комнату – настезь, на полу осколки от расписного ночного горшка. Сколько раз говорил Яге, чтоб эту стыдобу под кровать не ставила, – бабка была неисправима. Улыбалась, виновато хихикая про себя, клялась, что больше не будет, но каждую ночь я обнаруживал позорный горшок на том же месте.

Кубка не было. Судя по грязным следам на полу, ночной грабитель валенок не снимал, а нашего кота просто оглоушил горшком по голове. При более детальном осмотре я обнаружил три золотых червонца, раскатившихся по углам, штопаную рукавицу с левой руки и замызганный листок с очередным доносом. Большого количества улики оставить просто невозможно, ну разве что паспорт. Похоже, гражданин Груздев окончательно потерял голову...

* * *

Кот Василий лежал в бабкиной комнате на коврикe, весь в бинтах, мордой в сметане, пьяный до самого свинского состояния. Тайком от Яги я пронёс ему пузырёк с валерьянкой за счёт отделения, и он, похоже, употребил сверх меры. Нет, не буянил, посуды не бил, блатных песен не

орал, просто откинулся в уголке и дрых без задних ног. Мы с Бабой Ягой сидели за чаем, Митька доедал свою кашу в сенях, через полчаса заклятие сна должно спасти с казаков и стрельцов Еремеева.

– Бабуль...

– Не надо, Никитушка.

– Да я о Филимоне Груздеве, арестуем мы его сегодня же и предъявим...

– Сам придёт.

– Как это? – не поверил я.

– С повинной, – ровно ответила Яга, и было в её спокойствии что-то настолько фатальное, что я бы не поставил за дьяка и ломаного гроша.

– Вы... заколдовали кубок!

– Вот за это тебя всегда и ценила – ум да смекалка в сыском деле завсегда первыми будут. Заколдовала я его, успела, покуда стрельцы с запорожцами отношения на кулаках выясняли. Тот лиходей, кто кубок шпионский без спросу хоть пальцем тронет, тем же пальцем к нему и прилипнет! Да так, что хоть дери, хоть ори, а только словом моим и отлепишься...

– Хм, вообще-то я против применения колдовства на службе.

– А ежели в интересах следствия и в порядке самозащиты?

– Претензий нет. В связи со сложившейся обстановкой вы приняли единственно верное решение, – подумав, согласился я. – Будем будить полковника или пусть отоспится?

В горницу сунулась взлохмаченная Митькина голова.

– Прощенья просим, батюшка Никита Иванович, а только к вам лицо духовное заявилось.

– Какое лицо?

– Ой, дюже знакомое... Аудиенции просит.

– Аудиенция бывает у августейших особ, у нас, в милиции, просто приём граждан, – лишний раз напомнил я. – Зови!

Бабка неспешно встала, сходила куда-то, вернувшись с тяжёлым глиняным горшком в руках, очень похожим на тот, которым досталось коту. Угу, всё, конец дьяку... Филимон Митрофанович почувствовал это задницей, ибо вошёл с таким выражением лица, что христианские мученики в лукошкинских церквах казались в сравнении с ним просто симулянтами. Обе руки дьяк вытянул вперёд, на них лежал мешок, а под мешком...

– Заявление в милицию имею. С повинной пришёл.

– Мы в курсе. Заходите, гражданин Груздев, присаживайтесь.

– Казните тело моё, а душу к престолу небесному на покаяние отпустите... – Дьяк садиться не стал, предпочтя бухнуться на колени. Мешок упал, и из царского кубка посыпались червонцы. На левой руке алели свежие следы кошачьих когтей...

– У вас выпало что-то, подберите, пожалуйста.

– Да ты издеваешься ли надо мной, пень участковый?! – мгновенно вернулся к своему привычному хамству дьяк. – Как я те подберу, коли у меня крюки к этому кубку проклятущему навек прилипли... Ох, не от Бога вам этот хоккей, не от Господа-а!

– Надеюсь, что суд учтёт ваше искреннее содействие органам, – холодно заметил я, раскрывая планшетку.

– Не земного суда страшусь, но есть и Высший Суд, наперсники разврата... – продолжал ерепениться дьяк. Пришлось ставить его на место, в последнее время у меня это лихо получается.

– Вы хотите, чтоб мы вызвали сюда отца Кондрата и он первым узнал о вашем преступлении ради «Святых отцов»?

Груздева перекосило. Настоятель храма Ивана Воина славился буйным нравом и патологической честностью. Если бы он только узнал, что его левый защитник стырил чемпионский кубок, а ему не сказал?! Поверьте, впредь дьяк служил бы делу православной церкви где-нибудь на Аляске, не ближе...

– Давайте говорить буду я, а вы меня поправлять, если собьюсь? Вот и отлично, начнём понемногу. Итак, во-первых, честно скажу вам в лицо – я не склонен считать вас закоренелым преступником. Вы – жертва обстоятельств... Волей рока вам пришлось играть в этот хоккей, который вы ненавидите всеми фибрами души. Каждый раз вы выходите на лёд, мысленно подсчитывая грехи и прощаясь с жизнью. Синяки, шишки, ушибы... в вашем гороскопе ось травматизма проходит через ваш позвоночник, но увы... Отец Кондрат в неизмеримой гордыне и похвальном честолубии намерен получить чемпионский кубок любой ценой. Я думаю, именно это и толкнуло вас на преступление...

Груздев опустил голову, его плечи судорожно вздрагивали, а засаленная косица печально колыхалась в такт плохо скрываемым рыданиям. Нам доводилось видеть всякого дьяка, и в большинстве случаев его образ не был выписан медовой акварелью, но – плачущий дьяк... Помоему, даже Яга поверила, хотя уж она-то знает его как облупленного.

– Кубок стоял в шкафчике у Гороха. Имея свободный доступ в помещение, вы наверняка могли его видеть, тем более что сам государь не делал из этого тайны. Не хочу уточнять, какой именно бес толкнул вас под

руку, но уверен, без вмешательства нечистого здесь не обошлось. Кубок вы беспрепятственно вынесли за территорию царского подворья, поставили у себя дома и, любуясь на него долгими зимними вечерами, наверняка страшно мучились угрызениями совести...

Гражданин Груздев изрыдал весь носовой платок, я было потянулся подать ему полотенце, но, встретившись взглядом с Ягой, передумал. У ног дьяка медленно накапывала лужа. Любопытный Митенька сунулся разок в двери, обомлел и ринулся на улицу сообщать всем православным о великом чуде – раскаявшемся Филимоне Митрофановиче...

Не буду утомлять себя пересказом каждой фразы в отдельности, главное, что «на двадцатой минуте нашего „задушевного разговора“ прощельга, доносчик и скандалист раскололся, добровольно давая самые ценные показания». В целом мы всё рассчитали правильно, процентное расхождение в деталях было настолько ничтожным, что не заслуживало даже упоминания. Оказывается, Алекс Борр видел, как дьяк выбежал из царского кабинета, пряча что-то за пазухой. Что именно, он догадался быстро, благо город так «хранил тайну» – слепой заметит, глухой услышит, а иной и носом за версту учует! Австрийский дипломат пытался подкупить Груздева, но дьяк ни в какую не желал расставаться с краденым, хотя и прекрасно осознавал опасность последствий хранения такой вещи. Но покупатель не отступал, он привык добиваться своего любыми средствами. Замок на дьяковой избе вряд ли был произведением высокого кузнечного ремесла. По возвращении с очередного хоккейного матча Филимон Груздев увидел, что его ограбили.

Десять минут спустя я попросил Ягу снять заклятие. Тяжелый царский кубок гулко бухнулся на пол...

* * *

– Бабуля, я пошёл за Горохом.

– Ох соколики... Ты уж точно ли решил, что нам в это дело надо такую прорву народу заплетать? А ну как проболтается кто?!

– Кто мог, тот давно проболтался. Я уверен, что австрийца мы сможем взять только коллективными усилиями, а для этой цели понадобится много участников. Не сомневайтесь, всё получится...

Яга повздыхала лишний раз, но особо спорить не стала. Закончив запись допроса Груздева, я пришёл к однозначному выводу – такой опытный преступник, как Алекс Борр, никогда не даст нам повода для

ареста. А значит, «повод» мы должны создать и предоставить сами, причём такой, чтобы он никак не мог отказаться...

– Митьку отправьте за Еремеевым! – прокричал я, уже застёгивая тулуп в сенях. – Полковник, как проснётся, пусть не уходит, ждёт меня. Запорожцев своих отправит назад, а сам ждёт. Я только туда-сюда, десять минут, обернусь быстро... Да, дьяка не выпускайте!

– Да уж не премину... – приложив руку к сердцу, ответила бабка. Пострадавший кот Васька возлежал в её комнате, утопая в подушках, как падишах, и держал на голове медную сковородку. Вроде бы от этого шишка у него между ушей существенно уменьшилась.

Погодка поутру была самая расчудесная, в голове роились мысли и строились заговоры. Солнышко золотило купола церквей, снег хрустел особенно музыкально, и душа даже требовала некоторой поэзии... Однако первый же встречный горожанин поставил меня, мягко говоря, в неловкое положение.

– Доброго здоровьичка, сыскной воевода.

– Спасибо.

– С прибавленьцем вас!

– Спасибо... не понял? С каким ещё прибавленьцем?

– Да уж с каким ни есть, а всё ж приятно!

Я пожал плечами и покрутил пальцем у виска. Следующий доброхот был ещё менее конкретен:

– А и с радостью вас, Никита Иванович!

– Чего именно меня «с радостью»?

Мужик оценил юмор, сделал вид, что погрозил мне пальцем, и, хохоча, двинулся по своим делам. На углу две кустодиевские молодухи с коромыслами при виде моих погон почему-то прыснули со смеху, отвернулись и шушукались так старательно, что в курсе был весь квартал:

– Ну вот и нашему участковому счастье сквозь тучки лучиком поманило. Уж я-то как за него переживала, ночей не спала, пирогов не ела, схудала пуда на два!

– А батюшка-то как меня красную да сытую увидал, за ремень схватился. Думал, я к милицейскому удовлетворению отношение имею. Рази ж нельзя так просто чужой радости от души посострадать?

– Можно, Семёновна, я и сама от рюмочки не откажусь.

По-моему, они вообще говорили о своём и тем не менее обо мне тоже!

– Чего расшумелись, ровно сороки брехливые? – прикрикнул на сплетниц юркий дед в причудливо вывороченном кожаном плаще. – Не смей поперёк улицы про дела сердешные сыскаго воеводы языками молоть! Не

ровён час, удачу спугнёте...

– Дедушка, – не выдержав, развернулся я. – А о чём это, собственно, речь?

– Ни о чём, Никита Иванович, ни о чём, родненький! – Дедок бегло огляделся по сторонам и бросился ко мне с объятиями. – Спаситель ты наш, до гробовой доски за тебя Христа-бога молить буду! Ить как уважил, как уважил... Почитай всё Лукошкино счастьем людским накрыл!

– Вас точно накрыло, гражданин, – попытался вырваться я. А со всех сторон по обеим улицам бежал возбуждённый народ, хохоча и бросая вверх шапки:

– Хватай его, братцы! На руках понесём героя народного! Да, православные, кто языком горазд, кто задним умом крепок, а участковый наш завсегда при любви человеческой будет! Качай его, братцы!

Мысли были ясными, но короткими. На два метра вверх и резко вниз с замирающим сердцем, кто их там разберёт, а вдруг не поймают?! Какая зараза там... о-о-й... чего-то обо мне... у-у-х... наговорила? Какая муха во...о-о-й! – о-обще, их всех сегодня поку... у-ух!.. сала? И главное, что за пошлые намёки? Мама-а-а!!!

– А ты куда шёл-то, сокол наш милицейский? – перекрывая восторженный рёв толпы, догадался проявить заботу дед.

– К Шму... ой! Спасибо, больше не кидайте меня, пожалуйста. Я, собственно, к Абраму Моисеевичу, по делу.

– Арестовывать? – радостно взвизгнул кто-то.

– Нет, по другому вопросу.

– Погром! – задумчиво вскинулось уже несколько голосов.

– Ничего подобного! – строго откашлялся я. – С сугубо дружеским визитом.

– Всё ли поняли, дурни еловые?! – командирским тенором рявкнул дедок. – А ну, неси сей же миг Никиту Ивановича до двора Шмулинсонова. Уж, видно, пробил страшный час, сыскной воевода самолично на судью хоккейного грозой идёт. Кому жизнь дорога, под ногами не мешайси. Не то участковый вместе с головой шапку откусит!

– Э-э-э! Граждане, я... – Бесполезно орать, возмущаться, протестовать, доказывать иную точку зрения можно было бы сколько угодно, но зачем? Кому это надо? Мне?! Да пускай несут, ради бога! Хотелось бы только понять, с чем связан такой всплеск трудового энтузиазма? А пока впечатление такое, словно... упс! Словно весь город хранил страшную тайну, и, если горожане не могли поздравить меня в открытую, они из всех сил делали это эзоповым языком. Значит, всё движется по плану, все вокруг

знают о возвращении чемпионского кубка. Вот откуда все разговоры о счастье, о сердечной радости и о прибавлении в доме. Всю дорогу толпа под свист, пляс и балалайки скандировала хоккейные речёвки самых любимых команд:

Мы за думу дорогую
Всех отделаем всухую.

Это думский лозунг. Не знаю, кто придумал, но двусмысленны-ы-й... Впрочем, народу нравилось и вслед уж вторило разухабистое:

За ридну мати Україну
Насуваєм шайб пид спину!

Похоже, запорожская команда с первой же игры завоевала симпатии многих фанатов. «Пид спину» – это куда же?! Хм... ну, не мне учить казачков тонкостям элитарной поэзии. Однако круче всех звучал боевой клич «Святых отцов»:

Перед матчем помолись
И всё будет... хо-ро-шо!!!

Поскольку в толпе были женщины и дети, ключевое слово стыдливо заменилось приемлемым эквивалентом. Это правильно, я уже дважды штрафовал команду отца Кондрата за нецензурные выражения по ходу игры.

...На этот раз Шмулинсон вышел к калиточке не просто так. В натруженных руках многогранного гробовщика судорожно подрагивал тяжёлый дрын...

* * *

– Ша, Никита Иванович, ви ещё молоды, а у меня уже нерви! За несколько последних дней милиция проявляет ко мне такое трогательное внимание, шо я начинаю впадать в подозрения – шо ви во мне нашли?!

Арест, тюрьма, погром, може, до весны подышим друг на друга ровно?

– Абрам Моисеевич, прекратите сейчас же! – как-то подрастерялся я. – Что, участковый не имеет права просто так зайти в гости к хорошему человеку?

– Сара! – крикнул через плечо хозяин дома. – Ты слышала? Тогда помой уши и иди же сюда, господин участковый повторит для тебя специально. Он пришёл в гости! Он заглянул на огонёк, купив пряники детям и розу без шипов в твою новую вазу. Как, ты не веришь в сказки?! А я почти поверил...

– Гражданин Шмулинсон, мне необходимо срочно поговорить с находящимся у вас раввином.

– Дети! Держите меня хором, у меня подгибаются колени и резь в глазах... Шо я слышу? Вам нужен раввин?! Хвала Моисею и всем пророкам, наш добрый дядя участковый решил сделать себе обрезание! Готовьте Тору, ножи и горячую воду, такие праздники приходят в наш дом не чаще Всемирного потопа.

Я плюнул, отпихнул его дурацкую жердь в сторону и решительно направился к дверям.

– Чего ж мы молчим, православные? – глухо спросили из толпы.

– Нельзя, евреи – богоизбранный народ! – значимо ответил, похоже, всё тот же деловитый дедок.

– И за милицию родную не заступимся?!

– За неё, Царствие Небесное... – ещё раз выдал дед. Народ посоветовался и решил по такому делу не искушать судьбу.

Шмулинсон, отбросив дрын, забежал вперёд, заискивающе распахивая передо мной дверь:

– Но ви ему скажите, шо я дрался, как лев! Шо ви прорвались с боем, а меня навеки растерзал ваш Митенька (дай бог ему всего, чего успеет). Ви меня понимаете? Как лев в бою, и с меня рыба-фиш в субботу!

Я одарил его долгим взглядом, молча шагнув внутрь. Попад в сени, взвизгнул и едва не выпрыгнул обратно – всё помещение было заставлено новенькими гробами самых траурных моделей. Кое-как сохранив милицейское достоинство, я прошёл в горницу. Большой стол, заваленный обрезками тканей, неновый манекен в углу, двое чернявых мальчишек на лавке и печальная женщина с библейскими глазами, напоёнными безысходной тоской по земле обетованной.

– Здравствуйте, граждане. Приношу свои извинения за вторжение, но мне срочно надо переговорить с вашим харьковским гостем.

Все трое молча повернулись в сторону маленькой комнатки слева,

занавешивающая вход ткань словно колыхнулась.

– Выходите, ваше величество! – крикнул я. – Всё под контролем, дело почти раскрыто, но нам нужна ваша помощь.

– А... без меня никак? – глухо раздалось в ответ.

– В принципе справимся и своими силами, но под вашим чутким руководством операция по задержанию опасного преступника всегда обречена на успех!

Видимо, это его и добило – государь крайне падок на прямолинейную лесть. Горох царственно вышел из-за занавески, одетый в длинную просторную хламиду и в полосатом платке на непослушных русских кудрях. Если негра нарядить капитаном королевских мушкетёров, эффект будет примерно тот же. То есть еврей из Гороха ни-ка-кой...

– Корону хоть с собой захватили?

– А как же! – Государь сбегал обратно и вернулся, заботливо обтирая головной убор рукавом.

– Давайте возвращаться, – тихо попросил я. – То, что произошло, мне известно, злоумышленник нами найден, доказательства будут такие, что ни один европейский суд не найдёт смягчающих обстоятельств. Мы возьмём его завтра же.

– А невесты?

– Всё будет хорошо, Яга гарантировала. Но по плану действительно требуется ваше участие. Пойдёмте, хватит прятаться.

– Да с чего ты взял, что я прячусь тут?! – грозно сдвинул брови государь. – Отдых у меня! Имею право!

– Так вы идёте?

– Я ж тебе говорю, бестолочь участковая, отдых у меня! Но прервусь... ненадолго. Только чтоб тебя вразумить да в деле том точку поставить. Веди!

– Вы оденьтесь потеплее, мороз на улице.

Пока Горох собирался, я вышел из дому, поднял стонущего в сугробе Шмулинсона (он изображал героическую смерть от Митькиных лаптей) и тоже пригласил к нам в отделение. Народ постепенно расходился, так что мы добрались до наших ворот менее чем за час и без приключений. Правда, тот неужённый дед... ну, кто лез ко мне обниматься, так и остался у Шмулинсонова двора с пятью-шестью не особо далёкими парнишками. Они шумно обсуждали еврейскую тему, и один раз на углу улицы я даже чуточку задержался послушать их вопли:

– А нас они и за людей не считают, мы для них – гои...

– Бей, ребята!!!

- Нельзя, из ихних сам Иисус Христос вышел...
- Назад, парни!
- Хотя он ить тока по матушке еврей, а по отцовству нет...
- Круши, молодцы!
- Но у них, евреев, родство-то по матери и считают...
- Осади, братишки! Дед! Чтоб тебя... дык чё нам делать-то?!
- А вот угостите кружечкой...

По-моему, так всё кабаком и закончилось. В отделении тоже была тишина. Стрельцы занимались службой согласно штатному расписанию. Запорожцев не видно, наверняка проспались и пошли по своим делам. Митька помахал мне рукой из конюшни, он чистил Сивку-бурку. Не считая умения летать под облаками, прыгать через крепостные стены – лошадь вполне заурядная. Кобыла, кстати, хотя в большинстве сказок – конь... На крылечке нас встретил сотник Еремеев, закутанного в платок государя сразу не признал, за что и схлопотал оплеуху. Я ещё попенял Гороху, чтоб руки не распускал, хорошо, что его в таком виде детишки снежками не обкидали. Баба Яга ждала всех за столом, накрытым в лучших традициях русского застолья – щи, домашнее жаркое в горшочках, холодец, селёдка, капуста квашеная, сало, водка. Логично, все голодные, все с морозу. Полковник Чорный сидел у печи, что-то почитывая из бабкиной Псалтыри. Рядышком притулился кот Васька, уже без бинтов, но всё с той же сковородкой на голове. А в углу бессознательно лежал дьяк Филимон, судорожно подёргивая задними конечностями. На лбу несчастного зрела здоровенная шишка, а весь пол вокруг усыпан осколками глиняного горшка...

– Аз воздам! – значимо заявила Яга. – Зато теперича у меня к нему претензий нет, квиты мы. Прошу к столу, гости дорогие! А там уж и о делах наших грешных побеседуем...

* * *

После долгих споров согласие дали все. Или, вернее, наоборот, сначала со мной все согласились, а после этого ударились в диспут. Каждому была поставлена определённая задача, и основная сложность заключалась в том, чтобы поступательно убедить «заговорщиков» делать только своё дело и не лезть помогать остальным. Для этого первое задание дали Филимону Груздеву, после чего сразу же вытолкали его за дверь. Потом Шмулинсон, потом пан атаман, потом Еремеев и последним – царь.

Но полную картину операции знали только я и Яга. Митьку вообще решили не посвящать, всё равно по ходу влезет и всё испортит. На прощание Горох по-братски меня обнял, по-матерински перекрестил и напомнил:

– Густую кашу ты заварил, друг участковый, ажно и половником не провернёшь... Ежели хоть на шаг малый ошибёшься, весь век расхлёбывать будешь. Колом да плахой тебе грозить не стану, но уволить могу, а то и звезду с погон снять. Уразумел?

– Естественно, – кивнул я. – А вот вы скажите: почему именно к Абраму Моисеевичу прятаться побежали? Могли бы, раз так припекло, в отделении отсидеться...

– В отделении у тебя пущай уголовники сидят, – вспыхнул самодержец, поправляя платок на голове. – А где бы меня, умник, бояре в первую очередь искать стали? В милиции твоей! Вот и решил у евреев спрятать... тьфу! Погостить. И погостил, а прятаться мне не от кого, я ж царь!

– Понятно, – улыбнулись мы с Ягой. – Тогда вперёд и действуйте согласно утверждённому плану.

Когда дверь за государем захлопнулась, я нетерпеливо обернулся к нашему эксперту-криминалисту:

– Успели?

– А то! – гордо вскинула бровь бабка. – Каждому в воротник иголку заговорённую всунула, и не заметил никто. Теперича мы с тобой через то ушко игольное все слова да беседы ихние слушать сможем.

– Идея радиомаячков давно не нова, но почему-то мы ею раньше не пользовались. Вы уверены, что сработает как надо?

– Дык сей же час и проверим, – охотно предложила Яга. – Как думаешь, дьяк до царёва двора дошёл уже?

– Вряд ли, но лучше подключиться заранее.

Моя домохозяйка неспешно достала самый большой клубок шерстяных ниток, воткнула в него самую большую иглу с таким ушком, что у меня туда палец пролезет, и привычно-монотонной скороговоркой забубнила:

Как слухом земля полнится,
Так ветром слово тянется,
У людей простых мысли сходятся.
Вот и нам бы знать да разведывать,
Слыхом слыхивать да прослушивать,
Всё в уме держать не теряючи...

Я люблю её слушать. Вообще-то такие вещи записывать надо как представляющие фольклорную ценность. Мне самому всё время как-то некогда; Яге вроде без надобности, а серьёзных исследователей народной культуры в Лукошкине вообще нет. И зря... Народ у нас певучий, как зальются радужным многоголосьем – сидишь у окна весь в слезах и сердце от сладкой боли просто места себе не находит. Или частушку на улице услышишь... Я раньше даже арестовывал за особо выразительные, потом перестал – хоть и матерные в большинстве, а всё равно – поэзия! А порой и на простую речь так заслушаешься, словно кто в мороз узоры кисточкой по стеклу рисует – вроде и тайны особой нет, но красиво, и вдохновение какое-то нездешнее, от бога...

– Никитушка? – Яга за шиворот выхватила меня из лирического настроения. – Ты всё пишешь ли?

– Что пишу?

Бабка скорчила мне самую укоризненную рожу и покрутила пальцем у виска. Так, всё понял, виноват, одну минуточку, соберусь...

– Не удержалси, ибо слаба плоть человеческая! Грешен, вдругорядь украл кубок проклятуций... Нет сил моих соблазну этому дьявольскому противостоять! Научи, как быть? Ты, человек учёный, знаниями уважаемый, умом не обиженный, – что посоветуешь? В милицию идтить, сдаваться, али евреям-ростовщикам кубок золотой сбегрить, либо царю тайком возвернуть... Вразуми, родимый!

– Да это же дьяк! – ахнул я, за что едва не получил подзатыльник. Яга сурово приложила палец к губам, призывая к молчанию. Я, каясь, повторил её жест...

– Царский кубок? – с едва уловимым акцентом ответил чей-то неприятный голос. Хоть убейте, не смогу выразительно объяснить, что мне не понравилось, но только нота диссонанса заметно резала слух. Может быть, дело в какой-то неуловимой брезгливости говорящего... – Что ж, я помогу вам. Идти в милицию не надо, ваш участковый грубый и ограниченный мужлан, он умеет только арестовывать. Возвратить украденное, конечно, можно, но кому? Русского короля второй день нет дома. Продать евреям? Хорошая мысль. В случае удачного торга вы получите... червонцев десять! В случае неудачи – всегда оправдываетесь перед любым европейским судом – все знают, что еврей-ростовщик никогда не заслуживает доверия.

– До гроба буду Господа молить за твою доброту! – проникновенно

соврал дьяк. Кто не знает Филимона Митрофановича, поверит сразу, но мы-то на нём собаку съели. Хотя как-то странно звучит, да? – Тока с чего это всего десять червончиков?! Люди баяли, будто бы у Шмулинсона раввин гостит, аж из самого Харькову! Может, он и с полсотни отсыплет, кубок-то золотой да с камнями.

– Раввин? – На этот раз молчание показалось более затянутым. – Евреи любят золото, может быть...

– Чего? Нешто ты, отец родной, ежи чего запродать хочешь? Так я мигом обернусь, тока...

– Может быть... – Голос перешёл на еле различимое бормотание, так что мы с бабкой оттопырили уши до последней возможности. – Это может сработать... Отдать им всё и обвинить... Никто же не будет всерьёз разбираться, тем более что... Значит, раввин?! Отлично, у людей такого ранга всегда есть деньги. Вы правы, мой друг, я тоже хотел бы кое-что продать. Нужда в свободных средствах, привычка к широкому образу жизни, но я привык всё делать сам. Мы пойдём вместе.

– Дык... как прикажешь, кормилец.

Мы с Ягой откинулись на лавке, вытирая пот со лба. Если бы дьяк хоть на мгновение потерял контроль и Алекс Борр уловил торжество в его голосе... вся операция пошла бы коту под хвост! Каким-то невероятным чудом гражданин Груздев овладел собой и достойно справился с поставленной задачей. Теперь только бы Шмулинсон с Горохом не подвели... На Абрама Моисеевича я как раз мог положиться, а вот царь – натура куда как более непредсказуемая...

– Чего ж он хочет, Никитушка?

– Последний штрих – обратить всё в очередной еврейско-масонский заговор, – внятно ответил я. – Он продаёт ростовщику казацкую булаву и кубок, а сам наверняка умывает руки. Ну, предварительно сообщив куда следует... Особых разбирательств действительно не было бы.

– А мы? – возмутилась бабка.

– Мы для него – ничто и звать нас никак! Мы всего лишь милиция, а он опытный дипломат, поднаторевший на лице и подтасовке. В одном им допущена серьёзная промашка – мы не просто милиция! За нами царь, еврей, полковник, запорожцы и стрельцы, а это уже совсем другой расклад... Переключайтесь на дом Шмулинсона!

Пока бабка перестраивала «средства индивидуального слежения», я сбегал на конюшню оторвать Митяя от расцеловывания Сивки-бурки. По-моему, он при виде этой красотки вообще ум потерял. Лошадь абсолютно белая, без единого серого пятнышка, вся из себя крепенькая такая, грива и хвост скорее каштановые, чем бурые, глаза лиловые, большущие, с ресницами по пять сантиметров. Митька у нас парень деревенский, для него лошадь – священное животное, как корова у индусов. А эта к тому же ещё и кокетничала с ним напропалую...

– Митька!

– Никита Иванович, – укоризненно обернулся он, обнимая новую подружку за шею. – Что ж вы без стука-то, невежливо будет...

– Можно подумать, у тебя здесь свидание назначено.

– Нет, ну... мы ж тут разговариваем вроде...

– Митя.

– А?

– Это лошадь, – на всякий случай напомнил я.

– Госпожа лошадушка! – поучительно отвечивал он, и кареглазая красавица одарила меня самым невинным взглядом. В другой ситуации я бы с ними обоими ещё как поспорил, но сегодня каждая минута на учёте.

– Значит, так, защитник прав животных, собирайся и дуй к Шмулинсонам. Там для тебя очередное спецзадание.

– А красу ненаглядную на кого ж оставить?

– Младший сотрудник Дмитрий Лобов! – рявкнул я, потому что уговаривать его – дело гиблое. – Встать смирно! Руки по швам! И слушать приказ непосредственного командования. Сию же минуту рысью выдвигайтесь к дому к Абрама Моисеевича и поступайте в личное распоряжение раввина из Харькова. Вопросы есть?

– Никак нет, батюшка сыскной воевода! – выгнув грудь, гаркнул он.

– Выполняйте!

– А... это, госпожа лошадушка как же?

– Я проконтролирую, – сквозь зубы пообещал я. Митя развернулся, стукнулся головой о косяк и рванул с места, на ходу застёгивая тулуп. Мне оставалось снисходительно улыбнуться, похлопывая лошадку по гриве. Сивка-бурка добродушнейше хмыкнула и...

Наверное, я сам виноват, не надо было так близко к ней подходить и гладить по холке тоже не надо. По крайней мере стоило бы проконсультироваться у Яги, так что на коварное животное я зла не держу. Даже наоборот, она наверняка хотела, как лучше... Короче, ни с того ни с сего, без малейшего повода с моей стороны Сивка-бурка повернула голову,

и мою руку затянуло в её левое ухо! Честное слово! Я бы сам не поверил, если бы мне рассказали, но факт остаётся фактом – неведомая сила вроде мощнейшего пылесоса схватила меня и затащила в лошадиное ухо. Что там было и как, описать не могу, всё произошло темно и быстро. Меня почти в ту же секунду выбросило с правой стороны. После первого шока я бегло ощупал себя на предмет проверки целостности. Здесь наступил шок номер два – увидев, во что я теперь одет, мне захотелось плакать. Моя замечательная, разлюбимая милицейская форма исчезла неизвестно куда. Взамен меня щедро нарядило в праздничный кафтан самых павлиньих расцветок, бархатные штаны с люрексом, белые сапожки со скрипом и непрактичный пояс. А на голове высокая шапка с песцовой оторочкой. Иван-царевич, чтоб его! Разбираться с лошадьёю единолично я не рискнул и правильно сделал. Ну её, уж слишком заигрывающе она мне подмигивала... Встал на ноги и побежал жаловаться Яге. Она, как отхохоталась, обещала непременно помочь, но попозже, а сейчас, дескать, пора подслушивать героев следующего этапа нашей операции. Оказывается, Абрам Моисеевич идёт открывать ворота. Я послушно присел на лавочку и взялся за блокнот, изукрашенная бисерной вышивкой шапка тихо легла рядом...

– И шо угодно двум таким многозначительным людям от бедного иудея? – Спутать манеру речи нашего хоккейного судьи просто невозможно. Дьяк вклинился сразу, а вот Алекс Борр пока молчал. Может быть, почуял подвох?

Некоторое время прошло в ничего не значащей болтовне, дежурных упрёках по продаже Христа и сионских погромах, наконец перешли к делу:

– Таки ви зря сюда шли! Гробы почти не покупают, народу чихать на мои проблемы, никто не хочет умирать до весны. Деньги в рост берут тоже по весне, чтоб рассчитывать по урожаю. А где он, урожай? Все думают, шо долги еврею всегда можно погодить, и я забыл, когда ел настоящее коровье масло. Костюм-тройку никто не шьёт, были заказы от лавочников на жилетки, скока времени они могут нас кормить?! Нет, ви попали не туда...

– Дык что ж, христопродавец патлатый, так и не будешь золото покупать?! Кровопийца-а! Талмуд тебе в рыло!

– Ой, ну шо ви такое говорите? Пойдемте в дом, я ничего у вас не буду покупать, но почему бы мне не помочь вам с продажей?

– И какую же ты долю захочешь?

– Ви опять о деньгах и деньгах... Вировняйте дыхание, мы договоримся.

– Бабуля, они зашли в дом! – шёпотом напомнил я; наш эксперт-криминалист что-то мурлыкала себе под нос, увлеченно постукивая спицами. – Бабуль! Вам что, не интересно?

– Да не шипи ты, милой, они ж нас там всё одно не слышат, – нехотя откликнулась Яга. – Чего ж ради трёп всякий на уши вешать? И так понятно, справно наше дело ведут, хоть всех в штат зачисляй. А вот уж когда государь наш вступит, сие любопытственно будет. Ты уж кликни тогда...

Дело меж тем развивалось, как планировали. Шмулинсон усадил гостей за стол, щедро предложив холодную мамалыгу и вчерашний чай. Потом долго описывал все беды еврейского народа и наконец попросил разрешения взглянуть на товар. Видимо, дьяк тут же поставил кубок. Абрам Моисеевич взял его, унес в соседнюю комнату, изобразил коммерческий спор с «харьковским раввином» и вынес какую-то сумму денег. Гражданин Груздев чуточку поскандалил, деланно повозмущался, но, естественно, взял. Австриец, все это время сидевший тише воды ниже травы, проявил себя, лишь когда дьяк, прощаясь, встал из-за стола.

– Господин ростовщик, вы не могли бы взглянуть ещё на одну вещь?

Судя по восхищенному вздоху Шмулинсона, золотая гетманская булава с камнями действительно того стоила.

– Тридцать червонцев!

– Двести.

– Шо ви такое говорите?! Ви же режете меня без ножа на глазах у голодных детей и жены, которая давно забыла, шо такое новое платье! Пятьдесят, и это последняя цена!

– Двести. – Борр был непреклонен, наверняка он имел обширный опыт общения с ростовщиками и барыгами.

– Как такое возможно? Я не понесу много всякой ответственности, а вдруг она краденая?!

– А разве это хоть когда-нибудь интересовало ваш народ?

– О мой бедный, мой несчастный народ, измученный в рабстве Египта и утомлённый сорока годами прогулок в пустыне... Сто! Сто, и ни червонца больше!

– Деньги, – неожиданно согласился дипломат. Раздался грохот тяжёлых шагов вроде классической походки пушкинского командора. Потом долгая минута тишины. Вслед за ней ти-и-хий писк Филимона Груздева:

– Ить это ж... царь!

– Бабуля! Царь пришёл, вы просили разбудить! – громко напомнил я,

но, прежде чем Яга оттопырила ухо, из иглы вырвался оглушительный Митькин рёв:

– Не двигаться, это арест! Все арестованы! Все, я сказал!

Далее четыре глухих удара. Четыре звука упавших на пол тел. Дьяк, Шмулинсон, Алекс Борр, кто же четвёртый?

– Ну вот, теперь и перед Никитой Ивановичем будет чем в отделении похвалиться. А раввин-то этот как на Гороха нашего похож... У-у, морда!

Мы с бабулей вытаращились друг на друга...

* * *

– Васенька, котик ты мой яхонтовый, пройдишь-пробегишь, а? Там ить Еремеев со стрельцами контролировать должен.

Кот открыл один глаз, оглядел Ягу с таким видом, словно она предложила ему измену Родине, и вновь задремал, демонстративно поправляя сковородку на голове.

– Что ж делать, Никитушка, – обернулась наш эксперт, – придётся тебе самому поспешать. На Сивку-бурку садись, она тебя вмиг к Шмулинсонову двору доставит!

– А с правопреемниками юридические вопросы утрясены? – поднимаясь, напомнил я. Бабка злобно выпустила из ноздри струйку пара... – Хорошо, еду. Э... минуточку, но не в таком же виде?!

– Да чем же тебе платье царское не к лицу? По мне, так и влюбиться можно, молодец молодцом!

– Не спорю, – охотно согласился я, – но там требуется присутствие очень недоброго молодца, то есть лейтенанта милиции. Вы меня понимаете?

– Охти ж мне, старой, забот на седую голову... – заворчала Яга, скидывая пуховый платок. – Ну пошли что ли, помогу тебе форму милицейскую вернуть.

– Бабуля, имейте в виду, я к ней в ухо больше не полезу.

– Полезешь, соколик, куда ж денешься...

Угу, деваться действительно некуда. Пришлось зажмуриться, сунуть руку и лезть. В другое ухо, естественно (переодевание осуществляется только таким способом). Я чудесам давно не удивляюсь – экстренно выработанная привычка самосохранения целостности психики. Современному человеку с трезвым взглядом на жизнь очень трудно самореализоваться в мире чародейства и колдовства. Приходится либо

игнорировать, либо воспринимать как данность и ставить себе на службу. Я предпочитаю второй вариант...

– Форма не мятая, пуговики блестят, сапожки дёгтем натёртые, – пристально оглядела меня бабка, помогая подняться с пола. – Вона с рукавичек соломинки отряхни, портупейку поправь, да и в путь! Спаси уж там, кого успеешь...

Я вывел Сивку-бурку во двор. Восхищённые стрельцы помогли управиться с седлом, поддержали стремя и раскрыли ворота.

– Поехали! – крикнул я, подобрав поводья и тронув лошадиные бока каблуками. Не знаю, что навоображала о себе эта скотина, но тонкую стержовность своего нрава она продемонстрировала сразу же. Во-первых, в ворота она не пошла, ей это неинтересно – она их перепрыгнула! Может быть, кому-то это покажется весело, но лично мне прыжки на три метра вверх и приземление вниз счастья никак не добавили. Я клацнул зубами, едва не прикусив язык, а вдохновлённая кобыла двинула в галоп. Нет, пусть её по городу, мы бы весь народ потоптали на фиг... Лошадь была умной, подобные мысли ей в голову не приходили, она перемещалась длинными балетными прыжками совсем не в ту сторону, куда мне было надо. Я плюнул на горделивость посадки, на прямую спину и прижатые локти, бросил поводья, обхватив Сивку-бурку за шею и молясь не потерять фуражку. Ага... именно фуражка сразу же и слетела где-то в районе Колокольной площади...

– Гляньте, православные, милиция в небесах скачет! – Снизу, задрав головы и придерживая шапки, на меня откровенно любовался народ. – Безмерной отваги человек наш Никита Иванович! Я б так сигать не рискнул, у меня голова одна, и мозги в ей имеются...

Вот так или примерно так меня приветствовали в разных концах города. Отвечать «здрасьте» я не успевал, а госпожа лошадушка резвилась вовсю, упоённо катая меня туда-сюда.

– Лю-ди-и! Какое чудо великое в облаках образовалось – не иначе сам Егорий Победоносец на белом коне рыщет, дракона ищет! Вот тока чего верещит так жалобно, непонятно...

Я не верещал! Я пытался объяснить этой длинногривой дуре, что мы уже два раза пролетели мимо дома Абрама Моисеевича. А нам именно туда и надо! Бесполезно... Может быть, она застоялась без дела, может быть, ей в конюшне скучно, может, просто обрадовалась возможности показать себя во всей красе... не знаю. Пока ясно одно – мы прыгаем...

– Ой, мамочки! Чё деется, чё деется... Мне участковый при всех фуражку именную на маковку бросил! Отметил, стало быть... Мамань, а чё

бы это значило? Да ну? Ой, маменька, какое ж мне счастье великое привали-ло-о-о... на сороковом году!

Я закусил губу и, рискуя жизнью, поймал болтающийся повод. Сивка-бурка изумлённо покосилась на меня фиолетовым глазом. Казалось, её дико удивило моё желание взять свою судьбу в свои же руки. Вроде как ей я не доверяю... В результате пятиминутной борьбы эта кобыла обиделась и, не споря ни на что, поставила меня на место. В смысле, вернула во двор родного отделения. Баба Яга снисходительно поглядывала на меня в окошечко:

– Накаталось, дитя малое?

– Бабуль, вы бы ещё не издевались... – устало огрызнулся я, на негнущихся ногах прошествовав в горницу.

– За стол садись, участковый, обед готов. Да, вот фуражечка твоя, стрельцы едва отобрали... – добродушно отмахнулась Яга. – За операцию не переживай, мне уж доклад сделали, что Еремеев Митеньку нашего вовремя к порядку призвал. Не успел молодец наш никого до смерти убить. Надавал без разбору всем четверым по загривкам и повязал старательно. Сейчас они все в тереме царском перед государем совет держат. Горох на тебя сердит дюже, и шишка у него на башке такая, что аж корона набекрень. Ты поговорил бы с Митенькой, чтоб поаккуратней как-то...

– Непременно, – честно пообещал я.

– Врёшь ведь...

– Вру.

– Да рази ж я без понятия, Никитушка... Сама знаю, сколько раз ты с балбесом энтим стоеросовым собеседования рассудительные проводил. Всё знаю, касатик, а только, видать, крест у нас такой... Видать, грешили много, вот нам Митю во искупление и дали. Есть-то будешь, а?

– Буду, – кивнул я.

– Вот и ладненько, давай-ка рученьки белые умой да к столу откусать пожалуй.

– Только вы связь не отключайте, сейчас самое интересное начнётся...

* * *

Не началось. В том плане, что скука была зелёная. Слушать совершенно нечего. Алекс Борр, как изворотливый дипломат и прожжённый лжец, легко отмазался ото всех обвинений. О кубке он, естественно, знать ничего не знает, впервые его увидел прямо сегодня в

руках господина дьяка и настоятельно требовал сдать драгоценную посудину законному владельцу. К Шмулинсону зашёл из чистого любопытства, булаву нашёл на улице в сугробе, продавать не собирался, хотел лишь оценить и покорнейше просит вернуть её кому следует. От вознаграждения отказывается, ибо хороший поступок уже само по себе благо, и, значит, там, на небесах... Ну и так далее, в том же ключе, таким же текстом. В иное время царские палачи быстро бы выбили из завравшегося негодяя чистосердечное признание, но сейчас обстановка складывалась не в пользу государя.

Неизвестно каким образом в среде иностранных гостей начали муссироваться слухи о тайных подвалах, русских оргиях и четырёх исчезнувших принцессах. Объяснения типа «отдыхают в царском санатории как наиболее приглянувшиеся...» больше никого не убеждали. Образно выражаясь, фитиль уже подожжён и вставлен куда надо, нам остаётся считать секунды до взрыва. Меж тем припёртый к стене Горох проявил свои лучшие качества человека и государственного деятеля, высказав напоследок примерно следующее:

– Разные люди в страну нашу приезжают, и мы гостям добрым завсегда рады. Благодарность наша да поклон низкий купцам иноземным, людям учёным, строителям знатным, умельцам редким. Они сердцем чисты, и польза от их деяний великая! Но есть и те, что в доме чужом, хлебосольном, чёрный след за собой оставляют... От персоны своей ты, гость австрийский, всю вину отмёл, да ловко так, что комар носу не подточит. А только коли веры между людьми нет, то лучше бы по-хорошему расстаться. Гнать тебя не гоню, но и держать не стану. Завтра же письмо государю твоему отпишу, пускай он об дружбе соседской подумает...

Насупившись, Яга уставилась в окно. На улице темнело, план операции рушился, настроение катастрофически падало. Я, признаться, надеялся, что пойманный с поличным при попытке продажи гетманской булавы Алекс Борр вряд ли так уж будет отпираться и сам во всём сознается. Угу... а в результате мне ещё придётся приносить извинения за некорректное поведение нашего младшего сотрудника. Царь его простил, дьяку – привычно, австриец – полон высокомерия, а вот Абрам Моисеевич наверняка выставит солидный счёт «в связи с временной потерей трудоспособности»...

– Что теперь делать думаешь, Никитушка?

– Пойду ва-банк!

– Куды?! Ох, сокол, да надо ли так переживать-то... Ну, не сложилось,

не сошлось, люди все свои – поймём, не осудим. Не бери греха на душу, не ходи!

– Бабушка, я имел в виду, что хочу нанести официальный визит подозреваемому, вынести ему новое обвинение и спровоцировать на попытку угроз работнику милиции, – терпеливо объяснил я.

– Да как же ты его, ужа скользкого, обвинять будешь? – засомневалась Яга. – Рази ж он тока от всех обвинений государевых утечь не сумел?..

– Есть одна зацепка – дуэль с господином Шпицрутенбергом. – Я встал, направляясь к вешалке. – Вы сами говорили, что имеете подозрение к его рапире, якобы там есть какой-то секрет. Потребую представить клинок и, если удастся найти что-то, дающее преимущество владельцу, то обвиню подонка в нарушении дуэльного кодекса.

– А ему и горя мало!

– Не скажите... Я пообещаю завтра же оповестить об этом всех иностранцев и восстановить против него общественное мнение.

– А ну как он и тебе железяку под ребро пустит?

– Очень надеюсь, что он попробует, – не очень уверенно ответил я. Яга покачала головой, но ничего более действенного тоже пока предложить не смогла. Поэтому только перекрестила меня на дорогу и напонила:

– Долго не засиживайся там. Бумаги следствия до ума довести надо, чай, ведь дело закрывать можно. Хорошо ли, плохо ли, а кубок украденный нашли, червонцы дьяк принесёт, и булаву гетманскую запорожцам тоже в целости возвратили.

– Осталось доказать, что во всём этом виноват один конкретный человек, организовавший «отстрел невест» с целью крупного международного скандала.

– Одного не разберу, Никитушка, зачем же он австриячку ту, Лидию Адольфину, травил? Она ведь вроде как под его охраной была, он её сватать к Гороху привёз, за неё и ответ перед королём австрийским держать будет.

– Пока не знаю, – честно признал я. – Какие-то тайные причины, несомненно, есть, но какие именно? Вот, кстати, ещё один вопрос для протокола...

Направляясь в царский терем, я догадался взять охрану. Первоначально хотел позвать Митяя, но он пропал на конюшне. Еремеев отбыл по служебным делам, из свободных от дежурства ребят по двору слонялся один Заикин. Особо привередничать не приходилось, надо брать что есть. О чём я впоследствии не пожалел, но об этом чуть позже...

– Заикин, пойдёте со мной.

– Ра-а-д ст-т-ы-а...раться! – разулыбался стрелец.

– Замечательно, – сдержанно похвалил я. – Нет, пицаль с собой брать не надо, бердыш тоже, ограничимся саблей. Мне нужно провести один короткий разговор с возможным обыском, будете присутствовать как свидетель.

– Ра-а-ад ст-т-ы-ара...

– Я понял, понял, спасибо. – Ничего, когда-нибудь и к нему привыкну. Парень-то он неплохой, старательный, а дефект речи... все мы не идеальны.

До царя добирались в санях, я всю дорогу молчал, а Заикин изо всех сил пытался рассказать мне очень смешной анекдот. Наверное, ему показалось, что у меня очень уж задумчивое выражение лица и стоит хоть чуточку поднять моё настроение. Я слышал тысячи анекдотов, есть люди, умеющие и не умеющие их рассказывать, но анекдот, рассказанный заикой, – это нечто! Суть я так и не понял, потому что довести до конца он не успел, и слава богу... Строжайшим образом запретив ему раскрывать рот, я доложил о цели визита государевым стрельцам и попросил двухминутную аудиенцию у Гороха. Тот принял нас сразу же:

– Арестовывать будем?

– Нет, пока нет. Но если у вас есть немного свободного времени, то не хотели бы вы поприсутствовать при маленьком обыске?

От радости государь высоко подпрыгнул, едва не уронив корону. Да-а... некоторым очень немного надо для счастья...

* * *

– Гражданин Алекс Борр...

– Чего надо, холоп? – медленно процедил невысокий, изящно сложенный мужчина лет тридцати пяти, одетый в свободный домашний халат и коротенький парик английского образца. Я смолчал, но наш стрелец, побагровев лицом, схватился за саблю:

– За-за-а-ру-у...

– Заикин Фёдор, – представил я, – а это – царь. Меня вы отлично знаете, так что особого смысла в церемониях не вижу.

– Чем обязан визиту русского государя? – по-прежнему игнорируя меня, поклонился этот мерзкий тип.

– С обыском мы, – важно пояснил Горох, одним величавым мановением впихивая хозяина комнаты внутрь. – И будь любезен, гость австрийский, отвечать на вопросы друга моего, сыскного воеводы. А не то

заплечных дел мастера у тебя по-своему те же вопросы выпросят.

– Я обязан покориться вашему произволу?

– Какой произвол?! – искренне поразился царь. – Тебе, как человеку, свободу выбора дают – что хочешь, то и выбирай! Участковому здесь отвечать будешь али внизу на дыбе – воля твоя!

– Но... как посмотрит на это Европа?

– Далеко она, Европа-то... Но ты не горюй, ежели мы тут что важное найдём, то завтра всем послам, невестам да людям приедем, иноземным, сообщим-покажем!

Пока Горох царственно-вежливо загонял негодяя в угол, я пытался попристальнее всмотреться в его лицо: очень тонкие губы, неприятно змеящиеся в разговоре острые глаза и... общее ощущение брезгливости. Это присутствовало даже тогда, при слежке через иглу, а сейчас становилось настолько явным, что хотелось плюнуть и уйти. О такого человека нельзя пачкать руки, их потом ничем не отмоешь...

– Ну что ж, Никита Иванович, спрашивай, чего хотел. – Государь возвысил голос, взывая к моим прямым обязанностям.

– Да, да, конечно... прошу прощения, – откашлялся я. – Гражданин посол, в каких отношениях вы были с госпожой Лидией Адольфиной Карпоффгаузен?

– Вам не кажется, что спрашивать подобное у мужчины неэтично? – снисходительно скривился дипломат.

– Я понимаю, Абрам Моисеевич тоже постоянно отвечает вопросом на вопрос. Это хорошая игра, развивает воображение и помогает уйти от ответственности, – улыбнулся я. – А теперь будьте добры отвечать на мои вопросы только «да» и «нет». Идёт?

– Не могу обещать, но если ваш мозг воспринимает только простейшие...

– Цыц! – рывкнул Горох так, что в комнате посла подпрыгнула кровать в углу. – Делай, что сказано, австрияк недоношенный, а не то я у тебя сам поспрашиваю! А ты, стрелец-молодец, сабельку назад сунь, не место здесь булатом махать!

– Но ить о-о-он... же хам...м...и-ит ве-е-дь... – едва не взвыл заикающийся еремеевец, однако послушаться не посмел.

– Давайте ещё раз – «да» или «нет». Вы имели дуэль с герром Шпицрутенбергом Кнудом Гамсуновичем?

– Да.

– Вот видите, у вас получается, – похвалил я. – Продолжим. Причиной дуэли послужила госпожа Карпоффгаузен?

- Да.
- Вы дрались при секундантах?
- Нет.
- Но девушки, видевшие поединок, утверждают, что схватка была честной?
- Да. – Австриец наконец тоже позволил себе улыбочку, но, по-моему, у очковой змеи она симпатичнее.
- Дуэль велась холодным оружием?
- Да.
- Немецкий посол имел при себе тяжёлую шпагу, а вы дрались рапирой?
- Да.
- Отлично, я могу на неё взглянуть?
- Нет!
- Почему? – притворно удивился я. – Что такого неприличного в моей просьбе? В конце концов, это всего лишь рапира, а не фамильный самурайский меч.
- Я не могу... это невозможно... – Впервые на холёном лице иностранца проявилась слабая тень беспокойства. – В культурных странах Европы запрещено обнажать оружие перед лицом августейшей особы!
- Что ж мне, отвернуться, что ль?! – насмешливо фыркнул царь. – А ну, Заикин, подай-ка нам вон ту рапирку, в уголке прячущуюся.
- Дипломат смотрел в пол, но жилы на его шее напряглись так, словно их натягивали лебёдкой.
- Странное оружие, – заметил я, кивая государю. – Сколько видел клинков, но такое... Вы обратили внимание, какая у неё длинная рукоять?
- И вправду, обе моих руки уложатся. С чего так, гость австрийский?
- Ваше величество, – опомнился прижатый к стенке злодей. – Моё оружие было куплено в Испании, и для местных мастеров подобная длина рукояти редкости не представляет. Они справедливо считают, что при длительной схватке рука может устать и ей понадобится помощь. К тому же из соображений баланса, устойчивости клинка и надёжности...
- А также как тайное преимущество в дуэли без секундантов, – тихо выдал я и нажал казавшуюся неприметной кнопку под гардой. Лезвие мгновенно удлинилось на целую ладонь! При повторном нажатии рапира приняла прежние размеры. Наш эксперт-криминалист оказалась абсолютно права: банальный кнопочный нож преувеличенных размеров. Горох встал и взял коварное оружие из моих рук:
- Так вот, значит, как ты, дипломат учёный, с противником честным

счёты сводишь... Вот почему Кнут Гамсунович с колотою раной лежит, а ты нам песни поёшь. Ну что ж... У нас на Руси дуэлей глупых нет, нам это дело без надобности. А вот Европа узнает пуцай, как кое-кто с кодексом чести дуэльской да хитрой подлостью обман вершит! Завтра же всем гостям иноземным рапирку твою показать велю. Что ещё спросишь у него, участковый?

Я отрицательно покачал головой, на сегодня вполне достаточно. Теперь у дипломата шансов нет. Тайное преимущество в дуэли карается общественным презрением и позорной смертью от рук тех же секундантов. Он не может позволить, чтобы его обвинили по европейским законам. Выход один – устранить меня или... царя! Если мы хоть что-то, где-то и как-то спланировали правильно – этой ночью он выдаст себя с головой...

* * *

– Всё слышала, всё знаю, всё ведаю... – поклонилась мне Яга, когда я садился за стол в родном отделении. – Ты уж не серчай, Никитушка, а только я и тебе на воротник маячок наставить успела. Ты тока не вынай его пока, у тебя ночью дело опасное, риску полное, ежели что – кричи, я стрельцов на подмогу отправлю.

– Бабуля, дело как раз таки плёвое. – Я даже не стал искать эту иголку, шею не колет, и ладно. – Проблема лишь в том, чтобы как-то договориться с лошадыю. Прыгает она великолепно, на пике высоты парит не хуже Пегаса, всё замечательно, но я не смогу ей объяснить, что мне нужен только царский двор. В прошлый раз эта скотина мотала меня по всему Лукошкину, я не имею права ставить сложную операцию в зависимость от её капризов.

– Не горюй, сыскной воевода, есть средство твоему горю помочь. – Бабка сбегала в свою комнатку и торжественно вынесла мне тяжёлую ногойскую плеть!

– Только не это... Бабушка, вы саму кобылу в лицо видели?! Это же монстр-убийца! Один раз я её пришлѣпну, и она меня где-нибудь на полюсе высадит. Причѣм в таком безлюдном месте, где и чукчи на собаках не встречаются!

– Слушай меня, сокол ясный, – твёрдым, но распевным голосом начала Яга. – Вот тебе, молодцу, нагайка заговорѣнная, самому Бове-королевичу в года давние отслужившая. Как почуешь, что не слышит тебя Сивка-бурка, так и бей её плетью промеж ушей!

– Спасибо за ценный совет, но вы не ответили... Я, значит, бью, а дальше что?

– Дальше – она под тобой, аки жена под мужем ходит!

– Не понял... – подозрительно сощурился я. – Вы на что это такое намекаете?

– Да тьфу на тебя, Никитушка, – покраснела бабка. – Вечно ты мои слова как-то не по-людски вывернешь. Послушлива она тебе станет, покорностью исполнится, ибо руку мужскую, твёрдую уважает. Ясно тебе?

– Я не могу бить животных.

– Чего?!

– Знаете, ещё поэт Сергей Есенин писал: «...и зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове»!

– Ну, я старуха малограмотная, поэтов не читавшая... Не хочешь – не бери, – пожала плечами Яга. – Да тока не серчай, ежели не ты на ней, а она на тебе ездить станет!

...Митька тоже страшно возмущался, его, видите ли, не устраивало, что такую драгоценную лошадь намерены гонять ночью, по морозу, в нуждах следствия и на большую высоту. С высотой он перебрал, кстати... Гороховский терем имел четыре этажа, невесты жили на втором, гости, послы и прочие сопровождающие – на третьем, не Эльбрус, допрыгнет. Нашему младшему сотруднику я разрешил пойти со мной. Сколько он валялся в ногах, выпрашивая «дозволить ему принять муки адовы за-ради отделения любимого и великой вины во искупление», – говорить не хочется. В принципе, если делать нечего, пусть лучше идёт, там на месте я найду ему применение. На операцию пошли к полуночи. Раньше смысла нет, австриец ничего не станет предпринимать, пока не убедится, что весь терем спит.

– Ну, бог вам в помощь, – перекрестила нас заботливая бабка. – Я сама-то спать не лягу, буду думу думать. Сдаётся мне, прознала я, как невест царских от сна мёртвого пробудить. Но экспертиза нужна... Иди, Никитушка, вернёшься, мы и потолкуем.

– И вам удачи, бабушка, – улыбнулся я, развернул давно зевающего Митяя и направился на конюшню.

Пока мой сотрудник седлал Сивку-бурку, мне удалось быстро и кратко пояснить ей суть дела:

– Милая лошадка, я убедительно прошу вас не артачиться и скрупулезно выполнять все мои указания. За это вас будут кормить, поить, холить и лелеять, а по воскресеньям – стакан пива в ячмень!

Кобыла опустила ресницы и заинтересованно преклонила ко мне ухо.

– Если же вы не намерены честно служить в самой образцовой части по охране правопорядка в городе Лукошкине, то... – я достал из-за голенища данную Ягой плеть, – буду вынужден применить крайние меры. После чего вы считаетесь уволенной и всю жизнь пашете на какого-нибудь крестьянина в самом прямом смысле этого слова. Вопросы есть?

Сивка-бурка подобралась, выгнула шею дугой и, обдав меня ржаным фырканьем, всем видом показала готовность умереть в борьбе с преступностью.

– Отлично. Митя, прыгай сзади, поехали...

До Горохова подворья добрались минут за десять, двойная тяжесть не заставила нашу красавицу даже вспотеть. Мы не торопясь объехали высокий забор по кругу, пока не встали напротив той части терема, где квартировали иноземцы. Народ давно спал, царские стрельцы, предупреждённые о ночной операции, к нам и носу не совали, а маленькое окошечко в комнате Алекса Борра светилось оранжевым огоньком.

– Ить не спится же злодею преступному, знать, совесть нечиста... Чегой-то он там творит-то, Никита Иванович?

– Вот это, Митя, мы и должны выяснить. Лезть под окно, на третий этаж, по обледенелым брёвнам зимой – я не каскадёр. Но если правильно применить высокоэнергичную прыгучесть одной моей знакомой лошади, то вполне можем и подсмотреть.

– Логично, – умудрённо ввернул он и отошёл в сторону, с видом знатока прикидывая траекторию прыжка без разбега. Я ещё раз напомнил капризнице о неотвратимых последствиях, демонстративно взял в правую руку тяжёлую нагайку, понадежнее уселся в седле и...

Сначала у меня было впечатление, будто она намерена вышибить мной это злосчастное окно. Мы отвернули в самый последний момент. Приземлился я через голову в сугроб. Пришлось сделать корректирующие уточнения, выковырять снег из ушей и попробовать ещё раз. Мы пролетели мимо окна со скоростью снаряда крейсера «Авроры». Я даже испугаться как следует не успел, возможно, единственно потому и не вылетел из седла. После очередной эмоциональной беседы, во время которой лошадка только зажмуривала глаза и пожимала плечами, я решился на третью попытку. Сивка-бурка взмыла вверх и красиво замерла в полуметре от окна секунд эдак на тридцать. Выше всяких похвал! Приземление, кстати, тоже на высшем уровне. Митяй плясал и подбрасывал шапку. Всё, что мне было нужно, я увидел. Арест будем производить завтра на рассвете. Всем спасибо, все свободны...

– Тук, тук, тук!

– Кто... там?! – раздражённо донеслось из-за двери. Я его понимаю, кому понравится, когда тебя будят в пять утра. Ну ничего, мне ради него пришлось встать ещё раньше, а легли все поздно...

– Откройте, милиция! – Как долго я ждал этого момента, и с каким удовольствием я произносил эти вроде бы такие обычные слова.

– Но... на каком основании? Как вы смее...

– Ломай дверь, молодцы! – радостно приказал царь. – Раз уж он человеческих слов не понимает...

– Со всем нашим усердием! – воодушевлёнными голосами подтвердили Митя с Еремеевым и, несмотря на то что в замочной скважине начал проворачиваться ключ, дружно сделали чёрное дело. В смысле, дверь они снесли. Прямо внутрь. Накрыв того, кто, собственно, и собирался нам её отпереть. Не успел – его проблемы...

– Вытащите, отряхните и поставьте на ноги, – вежливо попросил я.

– Тока не поцарапайте, Христа ради! – напомнила Баба Яга. – Он нам живёхонький нужен, без синяков да переломов. Охти ж... какие вы неаккуратистые, ладно хоть без переломов... вроде.

Алекса Борра извлекли из-под рухнувшей двери и с крайней осторожностью посадили на неубранную постель. Блёклые глазки австрийца метали робкие молнии, но в ночной рубашке с кружевами редко кто умудряется выглядеть грозно.

– Как посол великого государства, я требую...

– Митя, зачти гражданину его права.

– Щас! – Наш младший сотрудник почему-то начал закатывать рукава, и я вовремя спохватился:

– Тьфу, зараза! Как в голливудском боевике каком-то, ёлки-палки... Мы в России, в Лукошкине, у нас здесь всё по-другому. Значит, так, гражданин Алекс Борр, вы обвиняетесь в изготовлении и хранении ядовитых веществ с последующим использованием их посредством отравляющих яблок.

Горох удовлетворённо крикнул и торжествующе указал пальцем на тарелку с зелёными и красными яблоками, стоящую в углу подоконника.

– Это... самое глупое, бессмысленное и нелепое обвинение из всего, что я когда-либо слышал! – взорвался пойманный дипломат. – Где свидетели?! Где доказательства?

– Я – свидетель. Не далее как сегодняшней ночью я проезжал под вашим окном на своей сивой кобыле и отчётливо видел, как вы смешивали порошки в миске и окунали туда яблоки.

– Это грязная ложь! Моё окно находится на третьем этаже, и никакая лошадь на свете не сможет...

– У милиции свои секреты, – широко улыбнулся я. – Наши лошади могут всё, впрочем, в качестве экспертизы вам будет предоставлена возможность в этом убедиться.

– Всё равно, – упёрся австриец. – Я тоже знаю законы: у вас больше нет свидетелей, а ваше показание против моего ничего не доказывает.

– Правильно, поэтому мы и явились сюда с понатыми, чтобы при массовом скоплении народа произвести независимый следственный эксперимент. Съешьте яблоко!

– Что?! Вас ист дас?! – Наглый Алекс Борр разом прикинулся совершенно ничего не понимающим иностранцем. Мы развели руками...

– А хотите, я его стукну? – предложил царь, и в принципе никто не был против. Кроме меня и лихорадочно ёрзающего по кровати дипломата.

– Стукнутый он нам не поможет. – Я шагнул к окошку и взял яблоки. – Вот и отлично, ровно четыре штуки, всё-таки выбор. С какого предпочтёте начать?

– Вы не имеете права! Я буду жаловаться! Может, у меня от яблок изжога?!

– А-а, так вы их у себя в качестве икебаны держите? Хорошо, мы не будем заставлять вас съесть сразу все, просто понадкусите. Если с вами ничего не случится – значит, Бога нет и я, как работник милиции, не прав.

– Я не хочу... Вы меня не заставляйте... Европейский суд будет суров к вашему произволу... – вжавшись спиной в стену, заверещал австриец, белый, как портянка.

Доказательств виновности этого человека хватило бы для самого привередливого прокурора. Требовался лишь последний штрих для того, чтобы он дал показания. Митька выступил вперёд вне плана... Или, правильнее, по плану... но не для всех.

– Никита Иванович, и вы, Бабуленька Ягуленька, также Фома, друг испытанный, ну и... царь-батюшка тоже, виноват я перед вами был. И чую, вину мою великую большой кровью смывать надобно... Не поминайте лихом!

– Митя, что за бред?! – старательно возмутился я. – И положи яблоко на место.

– А тока чтоб знали вы, никого роднее отделения нет для Митьки

деревенского, беспутного. Маменьке сообщите, что да как... Поклон ей земной! Ну и могилку мою навещайте по святым праздникам...

– Митька-а-а!!! – хором взревели мы. Он клацнул зубами, зелёное яблоко горошинкой исчезло в огромной пасти, и только смачный чавк громом небесным рухнул на нас, доказывая, что всё происходит всерьёз. Затаив дыхание, все вытянули шеи... Алекс Борр бросился носом в подушки, пытаясь зарыться в них безвозвратно. Наш младший сотрудник бесконечно долгую минуту простоял не шевелясь, потом вздрогнул, лицо его исказилось судорогой, и Дмитрий Лобов, подобно мачтовой сосне, грохнулся об пол.

– Эй... – неуверенно позвал я, – не придуривайся, эй!

Нет ответа. Чёрное безмолвие, и мой проверенный двухметровый друг лежит ничком без признаков жизни. Только слышно тяжёлое дыхание присутствующих и хруст стискиваемых кулаков.

– Гражданин Алекс Борр, я обвиняю вас в отравлении польской принцессы Златки Збышковской, француженки Жозефины Бурбон, афроподданной Тамтамбы Мумумбы и вашей соотечественницы Лидии Адольфины Карпоффгаузен. Они пали жертвами таких же яблок, каким сейчас вы погубили самого молодого нашего сотрудника Митю. Вот бумага и карандаш, пишите, как всё было. Уговаривать не буду, в противном случае я просто уйду. Взгляните в глаза остальным и потом не говорите, что вас не предупреждали.

...Мгновением позже высокомерный австрийский дипломат лихорадочно строчил чистосердечные показания. Я был его единственной гарантией...

* * *

Подписанные и запротоколированные бумаги легли в мою планшетку. Дело можно было считать закрытым. Яга с интересом перебирала снадобья и порошки из секретной шкатулки Алекса Борра, начальник стрелецкой сотни рассказывал на ухо государю какой-то анекдот. В двери попробовал сунуться слуга австрийца, всё это время спавший на первом этаже с дворней. Его не пустили – господин занят, завтрак откусает где-нибудь ближе к обеду, в районе Магадана.

– Ну что ж, спасибо за содействие. Надеюсь, суд учтёт это как акт добровольного участия в судьбах безвинных девушек.

– Я обладаю статусом дипломатической неприкосновенности, – нервно

напомнил австриец, косясь на неподвижно лежащего Митяя. Я проследил за его взглядом и хлопнул себя по лбу:

– Ох, блин горелый! Забыл ведь совсем... Митя, вставай, ты отлично справился!

Митяй открыл один глаз, подмигнул обалдевшему дипломату и ещё раз очень реалистично подрыгал ногами, демонстрируя судороги.

– Митя-я, я сказал, хватит! Все уже всё поняли, тебя оценили, государь плакал, не надо ломать комедию дальше.

– Он... жив?! – кое-как прохрипел?.. прошипел?.. (Я даже не найду подходящего слова!) Алекс Борр, казалось, зарубежного гостя вот-вот хватит удар.

– Передаю мою горячую благодарность от лица всего отделения. – Я торжественно протянул Митяю ладонь, удостоив парня командирским рукопожатием. – Система Станиславского без твоих сценических опытов была бы неполной.

– Но он же... он съел! Я не...

– Совсем плохо с головой у мужика... – сочувственно прогудел наш сотрудник, подбоченясь так, чтобы его молодецкий профиль повыигрышнее смотрелся на фоне бьющего в окно солнышка. – Нешто батюшка участковый позволил бы мне яблоко травленое есть?! Вона мне их полон карман свеженьких насували. Покуда ты, аспид, от своих же плодов злодейских нос воротил, я с безвредным фруктом на публику и вышел. А как играл, как играл... Ни скоморохи наши, ни театры заморские такой игры не дадут. У них стимула такого, как поимка иуды преступного, нет! А у меня-то и был...

– Достаточно, – прервал я. – Хорошо, что вы успели дать чистосердечные признания, которые так облегчают душу. Не грустите, гражданин Борр, мы были вынуждены пойти на эту маленькую хитрость.

– А-а-а-а!!! – с совершенно сумасшедшим воплем Алекс Борр вскочил с кровати и, как был, в одном нижнем белье бросился наутёк. Не знаю, куда он, собственно, собирался бежать, но на минутку все опешили, и это дало негодяю метров сто форы. Он, как большая моль, кинулся вниз по лестнице, распугивая своим визгом высунувшихся невест и царскую челядь.

– Не уйдёт ли, Никитушка? – не отрываясь от дел, ровным голосом уточнила Яга.

Я категорично помотал головой:

– На выходе из терема дежурят запорожцы. Полковник Чорный на коленях вымаливал разрешение участвовать в захвате дипломата. Да и

потом, куда ему бежать без носков в такие морозы?

– И то верно, – задумчиво согласилась бабка, – так, может, выпить покуда по этому поводу...

Горох понял намёк правильно, сам куда-то слетал, вернувшись буквально через пару минут с запотевшей бутылкой под мышкой.

– Шампанское?! Это без меня, пока документы не подшиты, дело ещё не закрыто.

– Я тоже не буду, – печально выдохнул Митька, отворачиваясь от соблазна, – пускай уж без меня пьянка-гулянка идёт. Нам с участковым сперва-наперво обвиняемого сбёгшего изловить надо, пока он своим исподним всех собак в Лукошкине не пораспугал.

– И мне сейчас пить нельзя, – извинился сотник Еремеев. – Матч хоккейный сегодня, рука твёрдая нужна, глаз острый да голова холодная. Кубок ведь!

– Тогда и мне не наливай, – неожиданно объявил царь. – Там уж все иноземцы в трапезной собраны, буду речь держать, о делах дипломатии преступной ответственность. Нехорошо, ежели перегаром на кого дохну...

– Это что ж, я одна, как дура, пьяная буду?! – сама себе под нос проворчала Яга, но бутылку государю не вернула. – С собой возьму, подружек соберу, в Светлое воскресенье сядем вечерком, пригубим помаленечку, песни попоём, а то и спляшем... Прав ты, Никитушка, пошли австрияка возвертать.

...На выходе с царского двора нас встретил полковник Чорный, под мышкой он держал сундучок с гетманской булавой.

– Доброго здоровьячка, пане участковый!

– И вам здравствуйте. Как прошла засада?

– Добре, зараз взяли ёго. Тилькы хлопцы не разобрали сперва: чи девка в свитке белой, чи чоловик в шароварах бабьих... Ось воно на тий вулице и сгребли в охапку.

– А-а, спасибо, – поблагодарил я, – где они его держат?

– Держать? Та шо ж вин, така цаца, шоб ёго на руках держали? Учать ёго хлопцы уму-розуму, по-казацки...

– Что?! – В голове мгновенно всплыли еремеевские рассказы о наказании воров на Сечи. – Вы с ума сошли, это же самосуд!!!

– Та тю на тэбэ! – широко улыбнулся пан атаман и спокойненько отправился куда шёл, на приём к царю.

Мы вчетвером наперегонки ринулись вниз по указанной улочке, туда, где уже собралась толпа народа. Успели вовремя... Когда посмотрели и разобрались, то ещё и хохотали с полчаса. Мстительные запорожцы,

поймав похитителя гетманского подарка, засадили его в большущий мешок и подвесили на чьи-то ворота. Потом объяснили ситуацию любопытствующим лукошкинцам, и... каждый желающий мог прилюдно запустить в мешок снежком!

Руководил «казнью» всё тот же юродивый Гришенька:

– Навались, православные! Учи злодея отпетого, как чужое красть, чтоб знал супостат иноземный, как у людей добрых забаву отнимать! Мало ли не весь город покражами осиротил, чемпионат хоккейный без награды оставил. Из-за него Богоматерь слезами горячими обливалась... Впредь наука будет, знай, с кем на Святой Руси связываешься!

Дети кидали чаще, бабы и девки реже, но с прибаутками. Австриец в мешке бултыхался, как карась, грязно ругаясь по-немецки. Взрослые мужики только смеялись, беззлобно подначивая друг друга. Один широкоплечий дед с седой бородищей подмигнул мне, скатал снежок и ловко запустил в «жертву» народного гнева. На мгновение мне показалось, что я уже где-то видел эти добродушно-насмешливые глаза...

– Дед Мороз? – Он усмехнулся и погрозил мне пальцем, исчезая в толпе.

«Новый год на носу... – отвлечённо подумал я. – Вот и ещё одно дело останется в прошлом. Невест мы расколдуем, дипломата выдворим, царя женим, чемпионат выиграем. А там и до весны недалеко, может быть, Олёна даст о себе знать. Хорошо бы к лету съездить куда-нибудь на море, позагорать, отдохнуть всей опергруппой. Нашатались ведь...»

– Подвинься-ко, Никитушка, дай и мне на старости лет преступлению мелкую совершить – снежком в безобразника пульнуть!

– Да ради бога, – охотно подвинулся я.

* * *

– Я буду жаловаться! Я – посол и дипломат! Я – неприкосновенное лицо! Вы не имеете права! Это нарушение всех международных конвенций! Я требую, чтобы меня судил суд моей страны! Я не допущу издевательств над моей личностью! В моём лице вы оскорбляете великую державу, всю Австрию, всю Европу! Я категорически отказываюсь её целова-а-а-а... чмок!

– Вот и умничка. – Яга ласково погладила по голове вырывающегося Алекса Борра. – Глянь-кось, царь-батюшка, открывает глазоньки девица красная. Так я и думала, не работает волшебство иноземное у нас в

Лукошкине. По-своему себя ведёт, не как положено. Яблоком травленным кого хошь погубить можно, а вон вишь, девки-то лишь в сон впали. И проснулись не от суженого-ряженого, а от губ слюнявственных своего же убийца! Чудные дела колдовство порой вытворяет... Сколь годов живу, всё не налюбуюся, как правда кривду в конце дела бьёт!

– Там ещё три осталось, мы уж не будем всех ждать. – Я повернулся к Гороху и напомнил: – Игра сегодня финальная, мои стрельцы против запорожцев. Еремеев в центре, Митька на воротах, ну очень не хочется опаздывать...

– Иди, иди уж, – завистливо отмахнулся государь, – вручи от меня кубок чемпионский. Да тока смотри, чтоб не подвели твои молодцы, на них вся держава смотрит!

– Хоккей в России больше, чем футбол, – сам себе сострил я. – Будем стараться!

Вечером всё Лукошкино праздновало победу. Команды сыграли вничью, и мы одолели их только на серии финальных буллитов. Казаки били первыми, храбрый Митька взял шайбу зубами и тут же разгрыз её, рыча, как белый медведь. А решающий удар в ворота противника нанёс... Фёдор Заикин! Его унесли на руках ликующие фанаты – в городе появился первый спортивный кумир. Через два дня запорожская делегация возвращалась к себе в Сечь. Полковник Чорный, сентиментально смахивая слезу, зазывал в гости. Я бы с удовольствием, но поближе к лету.

Горох женился! Честное слово, у меня бы от таких потрясений на всю жизнь желание пропало, а он – нет, покумекал денёк-другой и сделал выбор. Теперь у нас новая царица – Лидия Адольфина Карпоффгаузен, или, что правильнее, после крещения и венчания – Лидия Карповна. Я был даже рад, она неплохая девчонка, а её показания против Алекса Борра дали возможность отправить его в Австрию в кандалах. Оказывается, злодей тайно домогался её всю дорогу, но принцесса была непреклонна, из-за чего и вышел весь сыр-бор. Кстати, должен признать, что отравленные яблоки он умудрялся подсовывать несчастным невестам просто артистически! Ни одна так и не смогла толком вспомнить, как ей в руки попал зловерный фрукт, ароматный настолько, что удержаться и не откусить просто не было сил... Зная нашего олуха, действительно австриец подбросил ему идею еврейского погрома. А на Тамтамбу Мумумбу он наезжал исключительно потому, что подозревал её в тайном колдовстве вуду и не мог допустить укрепления отношений России и Африки. Сивка-бурка по-прежнему стоит у нас на милицейской конюшне, разборки с наследниками чинила сама

Яга. Теперь они ещё и поставляют нам сено для госпожи лошадушки.

Митяй трудится во дворе, носясь взад-вперёд с деревянной лопатой. В окно мне хорошо виден его энтузиазм, а он, не зная, что за ним наблюдают, вполголоса орёт неприличные деревенские частушки. Жизнь течёт своим чередом, словно ничего такого и не было. Когда-нибудь я подошью свои служебные заметки в одну папочку и буду перелистывать скучными осенними вечерами. Может быть, даже надеясь, что когда-нибудь наши приключения станут легендой российского сыска, но до этого ещё так далеко...

P.S. Батюшка сыскной воевода, горе! Горе великое, беда неминуемая, несчастье горькое, уж как и сказать, не ведаю, а тока не велите казнить, велите слово молвить!

– Молви, Митя, встань с пола и молви.

– Кощей сбежал!

...Я едва не поперхнулся горячим чаем. Приехали...

Лукошкинский «Міръ»: утопия или смешно?

– А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

– Всех, – ответил арестант, – злых людей нет на свете.

М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита

Каждый раз, начиная свою речь в защиту книг Андрея Белянина, поневоле чувствуешь себя «адвокатом дьявола». «Его книги смешны! Фи, как это пошло, как примитивно», – презрительно выпятив губу, говорят мастодонты фантастики. Но не кажутся ли вам странными наши мэтры? Исписывают тонны бумаги (или в последнее время набивают сотни килобайт), вытаскивая на свет божий и обличая язвы человечества и болячки общества: «Вот-де как у нас все плохо. Как только можно жить в таком обществе? Кто виноват? Что делать?» И как только появляется лекарство, отворачиваются и плюются.

Юмор, как утверждают медики, помогает жить, способствует нравственному и физическому здоровью. Жан Поль, теоретик комического, говорит: «Прочитав и отложив юмористическую книгу, не будешь ненавидеть ни мир, ни даже себя». На наш взгляд, эти слова с полным основанием можно отнести к белянинским книгам. Ибо не натужное спасение планеты от нашествия очередных инопланетян или глобальной экологической катастрофы, а вечные человеческие ценности стоят в центре мировоззрения писателя.

И вновь пытается достучаться Андрей Олегович до нашего отравленного и оупленного боевиками сознания. Уже обновленными средствами. Противником Никиты Ивашова на сей раз оказывается не персонифицированное зло – Кощей, а пронырливый злобный иностранец. Это выводит на первый план оппозицию «свое – чужое», раскрывающуюся на двух уровнях: мира и человека. Лукошкино – заграница, еремеевская сотня – царские стрельцы, русские – украинцы, бей жидов – спасай Россию, кто в отделении главный...

«Тайный сыск» хорош своей русскостью. Лукошкино нас так радует, потому что оно узнаваемо. А узнаваемо потому, что, с одной стороны, этот мир построен на русских сказках, знакомых нам с детства, а не на славянской мифологии, из которой обычный человек помнит только Перуна да Владимира Красно Солнышко, а с другой стороны, Лукошкино свое, родное, ибо современный человек, молодой московский милиционер, довольно быстро там освоился и прижился. И видим мы, что в том мире люди такие же, как и здесь *и сейчас*, а что создает мир, как не люди?

Эта книга о нас, о нашей жизни. Русская сказочность – это условность, позволяющая говорить Андрею Белянину о нашей жизни так, как он хочет. Ведь когда начинаешь помещать героев в современность, сразу сами по себе всплывают многочисленные житейские проблемы: денег нет и заработать негде, кушать хочется, на улицу не то что детей не выпустить – самому страшно выйти... Эти проблемы затушевывают людей. Как и в реальной жизни, литературный персонаж превращается в рефлектирующую потугу выбраться из паутины мелких житейских коллизий. Бытокопание и бытописание заслоняют все на свете. Мало остается мыслей, поэзии, души...

Впрочем, нет, чего у русского человека всегда в избытке, так это души («большой души человек!»). Душевность – одно из главных качеств лукошкинцев. «У нас хороший народ, если видят, что кто-то нуждается в помощи, – помогут обязательно». Русь всегда была толерантна к самым различным культурным влияниям, гостеприимна ко всякому люду («Разные люди в нашу страну приезжают, и мы гостям добрым завсегда рады»), лишь бы человек был хороший. Вот, например, живет себе здесь и здравствует некто Шмулинсон. Он свой человек, его громят, после чего кормят в кабаке его и всю его семью. Лукошкино – міръ (так, с помощью буквы «і», ныне не сохранившейся в русской орфографии, в старину писали слово «мир» в смысле «общество», чтобы отличить его от иного «мира», обозначающего состояние без войны) добрых людей. (Заметим попутно, что Лукошкино – нормальное название для деревни. Для столицы – оно немного странное. Не на Москву ли намекает автор?)

Создавая персонажей романа, Андрей Белянин делает акцент не на личностные качества, а на черты национального русского характера. Главным героем, наравне с Никитой Ивашовым, выступает весь лукошкинский міръ. Сам Никита – рассказчик, сказочник, да не простой. Он смешит, и смешит, иронизируя над самим собой. Смех над собой органически отвечает лукошкинскому міру, ведь это характерная черта нашего исконного смеха, еще древнерусского. В литературных творениях

Древней Руси, как отмечал Д. С. Лихачев, «смех направлен не на других, а на себя и на ситуацию, создающуюся внутри произведения», их авторы «чаще всего смешат непосредственно собой. Они представляют себя неудачниками...», «притворяются дураками».

Вспомним Никиту, он отнюдь не мускулистый супермен, левым мизинцем раскидывающий толпу хулиганов, и не боевик, сжигающий огнеметом целые армии. Без Митьки или еремеевских стрелцов бравый «сыскной воевода» был бы уже несколько раз мертв. Но при этом он и не Шерлок Холмс, не Эркюль Пуаро. Потому и частенько попадает в комические ситуации. О виновнике событий догадывается, когда уже и читателю становится ясно, кто совершил преступление. Он начальник, но никак ему не добиться почтительности от окружающих: непосредственные подчиненные Яга и Митька или не выполняют его приказы, или истолковывают их настолько неверно, что Никита только за голову хватается. И постоянные народные комментарии весьма сомнительного свойства: сочувствия вгоняют в краску, а стараний помочь лейтенант сам боится.

«Дурость, глупость – важный компонент древнерусского смеха», и писатель-фантаст с успехом это использует. Русская средневековая культура знает два типа дураков. Первый, литературный, – сам сыскной воевода (да-да, можете посмеяться). Д. С. Лихачев описывает этот тип так: «Древнерусский дурак – это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, принятое поведение». Второй, сказочный, – Митька, классический дурак. Он, конечно, «видит мир искаженно и делает неправильные умозаключения», но внутренние его побуждения – самые лучшие, он всех жалеет, готов отдать последнее и тем вызывает сочувствие. Неким промежуточным между названными типами дурней является в романе царь Горох. Его, конечно, можно считать типичным сказочным государем, доставляющим главному герою множество хлопот своими разнообразными и неожиданными уроками-заданиями: добудь то, принеси это... И одновременно он типичный персонаж литературный. Горох сам сознает, что делает *не так*. Но положение обязывает. Вспомним Короля из «Обыкновенного чуда». Здесь то же самое. И, наконец, не напоминает ли читателю лукошкинский владыка персонажей наших славных политических анекдотов?

Анекдот – это еще одна из составляющих белянинского смеха. Многие ситуации в «Отстреле невест» анекдотичны, а потому и смешны. Вот, например, «жуткая» сцена на кладбище. Сначала появляется Дед Мороз, смахивающий на актера Хвylie из старого доброго фильма «Морозко».

Затем из гроба восстает зловещий мертвец. И что же? Начинается едва ли не базарный торг из-за наследства. Мертвец спорит с живым милиционером и фольклорным персонажем по поводу Сивки-бурки. «Смешно, не правда ли, смешно?» Смешно! Или обыгрывание Беляниным исторического анекдота в финале. Напомним, что, по преданию, Керенский бежал из Зимнего, переодевшись в женское платье. Анекдот, миф, как доказано последними историческими исследованиями. Но красиво, поэтично и... смешно. Вот и белянинский злодей, бежавший из дворца полуодетым, принят запорожцами за «бабу».

Украинские страницы в романе – это особый мир. Мир, воспетый некогда великим малороссом Гоголем. Мир, еще недавно бывший частицей общероссийского. Белянину в этой оппозиции «свое – чужое» удалось избежать резкого антагонизма. Да, украинцы отчасти не похожи на русских. В представлении писателя они более медлительны, раздумчивы. Но они так же, как и лукошкинцы, любят выпить и закусить. Запорожцы умны, им не чужды понятия чести, благородства, взаимовыручки. Ведь далеко не случайно гости принимают деятельное участие в проводимом Никитой Ивашовым расследовании преступлений. Удачно, на наш взгляд, решена в книге проблема передачи украинской речи. Белянин не пошел по пути имитации, пародирования ее. И одновременно он не усложняет текст чересчур литературной украинской лексикой, которая может быть непонятна российскому читателю. Здесь, думается, сказалось влияние Гоголя. Не случайны литературные реминисценции из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Мир не без добрых людей», – гласит народная мудрость. Да, попадаются злодеи на Руси. Но (речь не о Кощее конечно же) если наш, русский злодей душевен и всегда для него есть возможность покаяться, если не на міру, то внутри самого себя (обычно так оно и происходит), то злодей иностранный тем и чужой, что творит свои делишки не от избытка душевных сил, а походя. И раскаяния тоже никакого не испытывает. Таков главный злодей «Отстрела невест» Алекс Борр, который плетет интриги и строит козни не из соображений международной политики, а оттого, что ему вожжа под хвост попала, одолела похоть лютая. Он несет угрозу миру, поставив лукошкинский міръ на грань глобального международного конфликта. Но ведь еще со времен Александра Невского нам известно, что, ежели кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. Главный злодей, естественно, пойман и наказан, как и велят неумолимые каноны детективного жанра. Но каким путем происходит возмездие? Посадили Борра в мешок, и давай забрасывать снежками. Лукошкино – міръ не

сурового Закона, но Любви к ближнему. Вспомним, что подобный финал вполне традиционен для книг писателя. Так, в «Рыжем рыцаре» договор между Сатаной и владыками Мальдорора исчерпывается, когда документ был использован в качестве туалетной бумаги. Злой владыка из «Багдадского вора» «наказан» тем, что обрел чувство юмора. Вот он ответ на классический вопрос: «Что делать?» Будьте добрее, толерантнее друг к другу. А главное, улыбайтесь.

В «Отстреле невест» за отсутствием злодея как представителя Зла нет той напряженности действия, которая присуща другим книгам этого цикла. Детектив перестает быть героическим, но нет в нем и той насмешливости, сарказма и иронии, которыми в особенности был насыщен «Летучий корабль». Следует отметить главную черту беянинского юмора – он добрый. Смех, которым мы смеемся над книгами Андрея Беянина, позволяет «сквозь внешние проявления небольших недостатков» угадывать «положительную внутреннюю сущность». Все персонажи, принадлежащие описываемому миру, симпатичны нам. С помощью своего особого юмора Беянин смог выразить то, что далеко не всегда удастся выразить его современникам – коллегам по цеху – свою огромную любовь к этому миру. Фантаст делает это ненавязчиво и весело. Ведь серьезно мы можем только ругать себя, а чтобы сказать о своей Родине хорошо, только так и получается: или смешно, или утопия.

Ольга Жакова, Игорь Чёрный